

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова

УДК 94(5-191.2) «20»:3

На правах рукописи

АБДРАХМАНОВ АСКАР САУЫТБЕКУЛЫ

**Социально-экономическое и политическое развитие
государств Центральной Азии в конце XX – начале XXI вв.**

07.00.03 – Всеобщая история (восточные страны)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор М.Х. Абусейтова

Республика Казахстан
Алматы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОБЩЕСТВ К РУБЕЖУ XX И XXI ВВ	13
1.1 Базовые характеристики центральноазиатских обществ	13
1.2 Государства Центральной Азии на этапе становления национальной государственности (1991-1999)	20
2 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999-2007 ГГ	40
2.1 Социально-экономическое развитие стран региона в динамике макроэкономических показателей	40
2.2 Экономическое развитие Кыргызстана в 1999-2007 гг.	49
2.3 Экономическое развитие Таджикистана в 1999-2007 гг.	55
2.4 Экономическое развитие Туркменистана в 1999-2007 гг.	59
2.5 Экономическое развитие Узбекистана в 1999-2007 гг.	62
3 ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999-2007 ГГ	72
3.1 Эволюция общественно-политических структур в государствах региона	72
3.2 Политическая ситуация в Кыргызстане в 1999-2007 гг.	74
3.3 Политическая ситуация в Таджикистане в 1999-2007 гг.	86
3.4 Политическая ситуация в Туркменистане в 1999-2007 гг.	93
3.5 Политическая ситуация в Узбекистане в 1999-2007 гг.	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	113

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ЦАР	Центральноазиатский регион
ЦА	Центральная Азия
РК	Республика Казахстан
КР	Кыргызская Республика
РТ	Республика Таджикистан
РУз	Республика Узбекистан
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
КирССР	Киргизская Советская Социалистическая Республика
ТаджССР	Таджикская Советская Социалистическая Республика
ТССР	Туркменская Советская Социалистическая Республика
УзССР	Узбекская Советская Социалистическая Республика
СНГ	Содружество Независимых Государств
РФ	Российская Федерация
США	Соединенные Штаты Америки
КНР	Китайская Народная Республика
ЕС	Европейский Союз
ИРИ	Исламская Республика Иран
ИГА	Исламское государство Афганистан
СУАР	Синьцзян-Уйгурский автономный район
ООН	Организация объединенных наций
ПРООН	Программа развития ООН
ОБСЕ	Организация безопасности и сотрудничества в Европе
СВМДА	Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕЭП	Единое экономическое пространство
ТС	Таможенный союз
ОДКБ	Организация договора коллективной безопасности
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ОЭС	Организация экономического сотрудничества
ЦАС	Центральноазиатский союз
ЦАЭС	Центральноазиатское экономическое сотрудничество
ОЦАС	Организация центральноазиатского сотрудничества
СЦАГ	Союз центральноазиатских государств
МФСА	Международный фонд спасения Арала
НАТО	Организация Североатлантического договора
ВТО	Всемирная торговая организация
ВБ	Всемирный банк
МВФ	Международный валютный фонд
ЕБРР	Европейский банк реконструкции и развития
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
ВВП	Валовой внутренний продукт

ВНП	Валовой национальный продукт
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
АПК	Аграрно-промышленный комплекс
ГСМ	Горюче-смазочные материалы
ТНП	Товары народного потребления
ЛЭП	Линия электропередач
ГЭС	Гидроэлектростанция
ТЭЦ	Теплоэлектроцентраль
ТадАЗ	Таджикский алюминиевый завод
ТАЛКО	Таджикская алюминиевая компания
ТАПОиЧ	Ташкентское авиационное производственное объединение им. В. Чкалова
НБ	Национальный банк
ОАО	Открытое акционерное общество
СМИ	Средство массовой информации
НПО	Неправительственная организация
ИА	Информационное агентство
ВС	Верховный совет
ОМ	Олий мажлис
ЖК	Жогорку Кенеш
ХМ	Халк маслахаты
НДПТ	Народно-демократическая партия Таджикистана
ОТО	Объединенная таджикская оппозиция
ПИВТ	Партия исламского возрождения Таджикистана
ДПТ	Демократическая партия Туркменистана
НДПУ	Народно-демократическая партия Узбекистана
ЛДПУ	Либерально-демократическая партия Узбекистана
ИДУ	Исламское движение Узбекистана
АП	Администрация Президента
СБ	Совет безопасности
МИД	Министерство иностранных дел
МВД	Министерство внутренних дел
СНБ	Служба национальной безопасности
МНБ	Министерство национальной безопасности
МО	Министерство обороны
МФ	Министерство финансов
МСХ	Министерство сельского хозяйства
СБП	Служба безопасности Президента Туркменистана

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена истории социально-экономического и внутривнутриполитического развития центральноазиатских государств (Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) в 1999-2007 гг. Особое место уделено выявлению наиболее принципиально общих и специфических черт, определяющих или затормаживающих поступательное развитие стран региона.

Актуальность темы диссертационного исследования заключается в определении исторического значения опыта развития постсоветских государств Центральной Азии в конце XX и в начале XXI вв., когда последовательный экономический рост в них вместо долгосрочной стабилизации привел к усилению внутренних противоречий в обществах.

Распад СССР и обретение подлинного политического суверенитета поставили перед народами Центральной Азии и их элитами сложнейшую задачу построения в условиях нарастающей глобализации сильного национального государства с динамичной экономикой и устойчивой политической системой. В Казахстане она решается более успешно, чем в остальной части Центральной Азии, однако это не отменяет необходимости внимательного и объективного анализа достижений и недостатков в самостоятельном опыте развития этих государств, что отмечал в своих трудах Президент РК Н.А. Назарбаев [1].

В других странах региона поставленные самой историей задачи построения устойчивых национальных государств решались с разным успехом и со своей спецификой. Однако, безусловно, между ними было много общих черт. Это было обусловлено их длительным сосуществованием в рамках одного государства, близостью культуры населяющих их народов, похожими структурами экономик и традициями формирования элит, и, как следствие, чрезвычайно сходными стартовыми условиями для построения самостоятельных государств.

К рубежу XX-XXI вв. вышеназванные задачи были в основном решены. Новый этап в развитии центральноазиатских государств ознаменовался достаточно устойчивым экономическим ростом и параллельным усилением внутренних противоречий в общественно-политической жизни стран региона.

Существенное влияние на процесс написания диссертационной работы оказал тот факт, что его автор и сам был свидетелем и очевидцем изучаемых им процессов. Причем не только как их современник, но и как исследователь, осуществивший полевые исследования в ходе своих поездок в Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан в 2006-2008 гг., в результате которых он собрал значительный источниковый материал и лично встречался с политиками, общественными деятелями, учеными стран региона.

В настоящее время в экономическом и политическом развитии региона наблюдаются новые тенденции, которые, возможно, определяют специфику очередного этапа в развитии центральноазиатских государств.

В апреле 2010 года в результате открытого столкновения силовых структур правительства и сторонников оппозиции от власти был отстранен президент Кыргызстана К. Бакиев, который ранее взошел на вершину властной вертикали при весьма схожих обстоятельствах.

Последовавшая за этим структурная дестабилизация общественно-политической ситуации нашла свое трагическое отражение в межэтнических столкновениях на юге Кыргызстана в июне 2010 г., которые не только стали наиболее кровопролитными за два десятилетия независимости стран региона, но и могут иметь весьма серьезные последствия для взаимоотношений этносов и государств Центральной Азии.

Тревожные тенденции отмечены в Таджикистане, где в сентябре-октябре т.г. произошли вооруженные столкновения правительственной армии с отрядами радикальной «исламской» оппозиции - самые масштабные со времени завершения гражданской войны 1992-1997 гг.

Предстоящий вывод войск США и их союзников из Афганистана (его начало, согласно заявлениям американского президента Б. Обамы, намечено на лето 2011 г.) приведет к трудно предсказуемым последствиям для безопасности Центральной Азии. Ведь речь идет об ослаблении фактора сдерживания боевых групп исламских экстремистов, способных оказать серьезную поддержку своим единомышленникам в постсоветской части региона.

Происходящие в странах Центральной Азии процессы оказывают значительное влияние на Казахстан, который имеет с ними протяженную и довольно прозрачную границу и является частью единого с ними геоэкономического и геополитического региона. Поэтому внимательное изучение и объективная оценка социально-экономических и политических процессов в государствах постсоветской Центральной Азии является чрезвычайно важным и актуальным.

Цель работы заключается в комплексном изучении и сравнительном анализе социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии в конце XX и начале XXI вв.

Исходя из этого в диссертации, поставлены следующие **задачи**.

1) определить исторические предпосылки и региональную специфику в развитии государств Центральной Азии в конце XX - начале XXI вв.;

2) выработать теоретико-методологическую основу для изучения базовых характеристик центральноазиатских обществ;

3) изучить историю становления национальной государственности в постсоветской Центральной Азии в 1992-1998 гг.;

4) охарактеризовать общие и специфические черты социально-экономического развития в Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане;

5) проследить особенности общественно-политических процессов в изучаемых государствах в 1999-2007 гг.

Объектом исследования являются исторические события 1999-2007 гг., характеризующие социально-экономическое и политическое развитие независимых государств Центральной Азии.

Предметом исследования являются внутриэкономические, внутривполитические процессы в постсоветских государствах Центральной Азии – Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1999 г. по 2007 г.

Данный выбор обусловлен тем, что именно в указанный период наблюдается последовательный экономический рост, который позволил приблизиться к показателям советской эпохи, и в ряде случаев превзойти их, а также отмечены первые за пределами Таджикистана проявления силового противостояния между властью и оппозицией.

1999 год – это начало десятилетия экономического роста в регионе, первое вооруженное нападение на правительство (террористические акты в Ташкенте 16 января и Баткенский конфликт в августе), и третьи для каждой из стран парламентские и президентские выборы (часть из них в 2000 г.), подтвердившие конституционные мандаты правящих режимов.

2007 год – это начало глобального экономического кризиса, оказавшего влияние в числе прочих и на Центральную Азию, и завершение президентскими выборами в Туркменистане и Узбекистане (в 2005-2006 гг. – в Кыргызстане и Таджикистане) очередного цикла легитимации правящих режимов региона.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что анализу социально-экономических и внутривполитических процессов в постсоветской Центральной Азии посвящено значительное количество научных работ, многие проблемы развития государств региона изучены в недостаточной степени. В частности, на наш взгляд, ощущается недостаток комплексных исследований общих и специфических тенденций эволюции государственных и общественных структур стран Центральной Азии.

Отдельным вопросам внутреннего развития стран Центральной Азии посвящены труды казахстанских специалистов, таких как А. Арыстанбековой [2], Г. Бырбаевой [3], Б. Султанова [4], К. Сыроежкина [5], Л. Ерекешевой [6], М. Лаумулина [7], С. Акимбекова [8], Г. Дадабаевой [9], Е. Тукумова [10], Н. Каримова [11], Р. Бурнашева и И. Черных [12], Б. Ауельбаева [13] и ряда других.

В казахстанской науке следует особо выделить монографические исследования «Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность» С. Кушкумбаева [14] и «Интеграция экономик Казахстана и Центральной Азии в мировую экономику» Б. Казбекова [15], а также коллективную монографию Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК «Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы» [16], в которых раскрыты некоторые вопросы интеграции независимых государств Центральной Азии. Необходимо отметить, что в этих работах в недостаточной степени изучены

вопросы социально-экономического и внутривластного развития стран региона.

При изучении этнодемографической структуры населения региона большую помощь автору оказали работы Г. Мендикуловой [17], Ж. Ермакбаева [18], Р. Жаркынбаевой [19] и К. Кобландина [20]. Историко-культурным взаимосвязям народов Центральной Азии посвящены работы М. Абусеитовой [21], К. Есмагамбетова [22], К. Жумагулова [23], К. Берденовой [24], Ш. Тохтабаевой [25], А. Камалова [26], А. Оразбаевой [27] и др.

Зарубежную историографию на тему исследования можно разделить на три основные группы – центральноазиатскую, российскую и западную.

Значительный интерес представляют публикации исследователей из самих центральноазиатских стран. Среди наиболее важных, на наш взгляд, авторов следует назвать К. Искандарова [28], Ш. Кадырова [29], Б. Эргашева [30], Ф. Толипова [31], В. Богатырева [32], Н. Омарова [33], А. Князева [34], С. Олимову [35], И. Усмонова [36] и др.

В российской науке особое место ученого и практика занимает директор Института востоковедения РАН В. Наумкин, чьи труды по урегулированию межэтнических конфликтов, как в Центральной Азии, так и на Кавказе, известны широкой политической и научной общественности.

Помимо огромного количества статей по отдельным аспектам развития центральноазиатских государств, в российской историографии имеется и ряд монографических исследований эволюции стран региона в рассматриваемый период. Среди попыток комплексного изучения проблемы можно назвать «ЦентрАзия 2000/2005: Упущенный шанс?» А. Улуяна [37], «Становление государств Центральной Азии. Политические процессы» М. Звягельской [38], коллективную монографию российских ученых «Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006)» [39].

В США центральноазиатская тематика получила новый импульс после развала Советского Союза. Будучи стажером-исследователем в Фонде Карнеги за международный мир в г. Вашингтон (ноябрь-декабрь 2007 г. и сентябрь-октябрь 2008 г.), автор данной диссертации имел возможность лично встретиться и обсудить вопросы своей научной работы с ведущими американскими экспертами по Центральной Азии такими как М. Олкотт, Ф. Старром, Г. Глисоном, Ф. Хилл, Й. Линном, Э. Марат и др.

Среди многочисленных публикаций, касающихся различных проблем центральноазиатского региона, следует отметить монографии М. Олкотт «Второй шанс Центральной Азии» [40] и Г. Глисона «Экономика и политика в Центральной Азии: структурные реформы и политические изменения» [41], в которых сделана попытка комплексного изучения опыта социально-экономического и политического развития Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

В зарубежной историографии весьма релевантные для данной диссертации статьи и монографии были также написаны А. Куртовым [42], А. Малашенко

[43], Ф. Старром [44], Б. Румером [45], Э. Марат [46], Ш. Акинер [47], А. Халидом [48], Р. Помфретом [49] и рядом других.

Источниковая база исследования. Работа основана на изучении источников, которые можно разделить на следующие группы:

1) законодательные и нормативные акты изучаемых государств - Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, в первую очередь - конституции как документы, представляющие собой правовую основу всего процесса социально-экономического и политического развития каждой из стран региона [50-53];

2) выступления, доклады, речи, интервью государственных и общественных деятелей Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана по различным вопросам политического и экономического развития этих стран;

3) документы и материалы статистических сборников, обзоров и комплексных исследований государственных органов, неправительственных организаций и международных структур об индикаторах социально-экономического развития Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана [54-56];

4) доклады и аналитические записки Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Министерства иностранных дел Республики Казахстан;

5) материалы средств массовой информации, в том числе в Интернете;

6) личные интервью автора с отечественными и зарубежными политиками, экономистами, учеными и экспертами;

7) полевые исследования автора в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане в 2006-2008 гг.

Таким образом, источниковая база характеризует обширность и разнообразие документов и материалов, использованных при написании данной диссертации.

Методологической основой исследования является принцип историзма, предполагающий рассмотрение особенностей политического и социально-экономического развития государств Центральной Азии в соответствии с конкретно-историческими условиями. Многоплановость избранной темы предопределила междисциплинарный характер исследования, выполненного на стыке исторической науки, политологии, экономики и социологии. Включение в объект исследования четырех государств обусловило активное применение компаративных методов.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Впервые в казахстанской исторической науке проведено комплексное исследование социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии в период их государственной независимости.

2. В качестве новых источников введены в научный оборот аналитические доклады из архивов ведущих научно-исследовательских институтов Казахстана, занимающихся изучением государств Центральной Азии – Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Министерства иностранных дел Республики Казахстан.

3. В работе комплексно рассматриваются социально-экономические и политические вопросы, характеризующие внутреннее развитие Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в историческом ракурсе.

4. Впервые проведен историко-сравнительный анализ социально-экономического и внутривластного развития государств Центральной Азии на материалах, собранных автором в архивах научно-исследовательских структур Казахстана и в ходе полевых исследований в странах региона.

5. Изучение исторического опыта развития постсоветских государств Центральной Азии, а также систематизированный анализ социально-экономического и внутривластного положения в этих странах важны для нашей страны, поскольку процессы, происходящие внутри этих обществ и государств, оказывают определяющее влияние на региональную безопасность в Центральной Азии, а, следовательно, и на национальную безопасность Республики Казахстан. Поэтому в диссертации даны практические рекомендации государственным органам РК, ответственным за реализацию внешне- и внутривластного курса руководства страны, что и составляет новизну данной диссертации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться для разработки учебных пособий и лекционных курсов по истории стран СНГ, истории стран Востока, регионоведению, а также будут полезны государственным органам и аналитическим структурам Казахстана и стран Центральной Азии, занимающимся вопросами национальной и региональной безопасности.

Основные положения, выносимые на защиту сводятся к следующим.

1. К концу 1990-х годов в странах Центральной Азии сформировались относительно устойчивые государственные системы авторитарного типа, которые оказались способны предотвратить переход внутривластных и межгосударственных противоречий в вооруженные конфликты. Данную тенденцию подтверждает и наличие исключения в виде гражданской войны в Таджикистане.

2. Опыт развития государств Центральной Азии в 1999-2007 гг. демонстрирует, что последовательный экономический рост не гарантирует политической стабильности.

3. Недовольство граждан Узбекистана и Кыргызстана своим социально-экономическим положением стало причиной политической нестабильности 2002-2005 гг. Оно было вызвано не сокращением рынка труда, а более динамичным экономическим ростом в России и Казахстане. Именно с

ситуацией в этих странах узбеки и кыргызы сравнивали свое положение в силу тесных экономических и личных контактов.

4. В указанный период резко возросли масштабы и интенсивность миграции из и в регионе, характеризующиеся как трудовые, незаконные, «утечка умов» и другие тренды. В ряде стран это стало одним из факторов, негативно влияющих на внутриэкономическую ситуацию в стране (Узбекистан), в других – более позитивно (Кыргызстан и Таджикистан). Это связано с государственной политикой, проводимой в экономической сфере, при которой изменяется социально-экономический, демографический и платежный баланс государства, а также структура и особенности внутреннего рынка труда.

5. Значительное влияние на развитие внутривнутриполитической ситуации в центральноазиатских государствах в указанный период имели два внешних фактора – военно-политическая ситуация в Афганистане и «цветные революции» на постсоветском пространстве, приведшие к активизации оппозиционных сил в Кыргызстане и Узбекистане.

6. Попытки вооруженной экспансии радикальных исламских группировок в Кыргызстан и Узбекистан в 1999-2000 гг. и обретение в этой борьбе нового союзника в виде войск НАТО в Афганистане предоставили правящим режимам государств Центральной Азии дополнительные возможности для ужесточения контроля своих силовых структур над любыми проявлениями оппозиции действующим властям.

7. В динамике социально-экономических и внутривнутриполитических процессов в государствах Центральной Азии наибольшая специфика отмечена в отношении Таджикистана. В 1990-е годы гражданская война в этой стране объективно способствовала мирному развитию других стран региона (т.н. «таджикский синдром»). Однако на всем протяжении первого десятилетия XXI века в Таджикистане отсутствовало силовое противостояние между властью и оппозицией, в то время как ситуация в других странах региона отличалась меньшей стабильностью.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы докладывались на ряде международных конференций: «Интеграционные возможности стран Центральной Азии: опыт Европейского Союза» (Алматы, 8 декабря 2006 года); «Современный мир: доминирующие стратегии мира» (Алматы, 26-27 февраля 2007 года); «Центральная Азия – 2007: ключевые факторы безопасности» (Алматы, 13 марта 2007 года); «Вторые Рыскуловские чтения» (Алматы, 19 мая 2007 года); 39-й Национальный конвент Американской ассоциации славистики (Новый Орлеан, США, 15-19 ноября 2007 года); 9-я ежегодная конференция Общества по изучению Центральной Евразии (Вашингтон, США, 21-25 сентября 2008 года).

Основные положения, результаты и выводы диссертации получили отражение в 17 статьях, из них 3 опубликованы в изданиях, рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК, 4 - в

материалах международных научно-практических конференций, 10 - в научных журналах и сборниках статей, на русском, английском и итальянском языках.

Структура диссертации определена логикой и последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из списка обозначений и сокращений, введения, трех разделов, заключения и списка использованной литературы.

1 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОБЩЕСТВ К РУБЕЖУ XX И XXI ВВ

1.1 Базовые характеристики центральноазиатских обществ

За 16 лет самостоятельного развития, т.е. к концу 2007 г., страны Центральной Азии достигли определенных успехов. И это следует признавать, несмотря на наличие множества очевидных проблем.

Странам региона удалось избежать межгосударственных и трансграничных военных конфликтов, вероятность которых являлась довольно высокой. Ни в одной стране региона, за исключением Таджикистана в 1992-1997 гг., не произошло гражданских войн.

Сложная этническая структура населения в государствах Центральной Азии, тем не менее, не привела к возникновению конфликтов на межэтнической или межконфессиональной основе. Последними случаями крупных конфликтов подобного рода были события 1989 и 1990 гг. в Ферганской долине.

В странах Центральной Азии сложилась сильные структуры унитарных государств. Центральный правительственный аппарат более или менее эффективно контролирует исполнительную власть на местах.

Позитивным для развития демократической государственности в Центральной Азии фактором является минимальное участие в политической жизни государства его силовых структур – армии, спецслужб и правоохранительных органов. Единственное исключение может составлять специфическая ситуация в Узбекистане, где МВД и СНБ в силу многочисленности штата и особого значения для стабильности правящего режима, могут оказывать значительное влияние на высшее руководство страны.

Государству удалось ограничить влияние другого потенциального фактора силовой угрозы стабильности в обществе - организованной преступности. Даже в пост-революционном Кыргызстане, где подобная угроза все еще остается реальной, правительству пока еще удается контролировать криминалитет. Несмотря на наличие большого наркотрафика, в Центральной Азии отсутствуют наркокартели, по крайней мере, такие, которые были бы способны диктовать свои условия правительству.

Начиная с 1999 г. во всех странах Центральной Азии наблюдался устойчивый экономический рост. Несмотря на то, что увеличению ВВП благоприятствовала выгодная конъюнктура мировых рынков сырья, в странах Центральной Азии помимо добывающих отраслей промышленности также росли аграрное производство и сектор услуг. Темпы экономического роста в регионе были заметно выше общемировых.

В то же время, очевидно, что государства Центральной Азии продолжали сталкиваться с серьезными проблемами в своем социально-экономическом развитии и еще более сложной внутривнутриполитической ситуацией.

Странам Центральной Азии в 1990-е гг. не удалось провести действенные экономические реформы. Фактически рыночная экономика в региона

сформировалась лишь в Казахстане и Кыргызстане. В трех южных странах региона, по оценке ЕБРР, предприятия частного сектора не производят и половины ВВП (в случае Туркменистана – и четверти).

Наиболее трудноразрешимой проблемой для государств Центральной Азии оставалась устойчивость сырьевого характера их экономик. Последовательный рост ВВП на протяжении 1999-2007 гг. объективно объяснялся значительным ростом спроса на мировых и региональных рынках на основные сырьевые товары из региона: природный газ (Туркменистан, Узбекистан), золото (Узбекистан, Кыргызстан), уран (Узбекистан) и алюминий (Таджикистан). В то же время сдерживающим фактором роста являлась относительно низкая на протяжении большей части изучаемого периода цена на другой ключевой экспортный товар стран Центральной Азии – хлопок.

Доля сельского хозяйства в ВВП центральноазиатских государств оставалась по мировым меркам достаточно высокой и по данным 2006 г. колебалась в пределах региона от 23,7% (Таджикистан) до 38,5% (Кыргызстан) [57]. Даже наиболее масштабная в Центральной Азии стратегия импортозамещающей индустриализации в Узбекистане, не привела к преодолению аграрно-индустриального характера национальной экономики.

Еще более высокой оставалась доля населения, занятая в малопродуктивном аграрном секторе – до 67% в Таджикистане. В то же время, доля сельского хозяйства в ВВП каждой из стран примерно в два - два с половиной раза ниже доли сектора в структуре занятости населения.

Консервации значительной части рабочей силы на селе способствовало резкое сокращение за годы независимости уровня механизации аграрного производства. Наиболее наглядно это проявилось в хлопковой отрасли. В ней доля машинной уборки урожая сократилась с 50% в 1980-е гг. до 5% в 2000-е гг. Старая техника была распродана, а на приобретение новой у крестьян отсутствовали средства. Ни в одной из стран региона не было создано эффективной программы обеспечения сельхозпроизводителей необходимой техникой.

Фундаментальной проблемой в Центральной Азии оставалась проблема частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Подобная норма в законодательстве в указанный период была закреплена лишь в Кыргызстане.

Преобладание частных фермерских хозяйств, работающих на арендной основе, в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане оставалось формальным. Правительства этих стран продолжали практику государственного заказа на хлопок, а также на пшеницу и ряд других сельскохозяйственных культур. Низкие цены и отсутствие возможностей получить значительную прибыль вынуждали многих фермеров отказываться от своих участков и направляться на заработки в крупные города, или чаще всего в Россию и Казахстан.

Странам Центральной Азии, за явным исключением Казахстана, не удалось привлечь значительные объемы прямых иностранных инвестиций

(ПИИ) в свою экономику. Каждый год объемы ПИИ в экономики региона составляли менее одной десятой доли их ВВП. Согласно «Мировому Инвестиционному Отчету» (World Investment Report), публикуемому ЮНКТАД [58], совокупные объемы накопленных к 2006 г. ПИИ, в экономиках четырех южных стран региона составили 3,4 миллиарда долларов США, что почти в 8 раз меньше объемов иностранных вложений в Казахстан.

Помимо низкой платежеспособности на местных рынках, причины слабой инвестиционной привлекательности Центральной Азии заключались в высокой коррупции, бюрократизме, а в некоторых странах в неприкрытом вмешательстве правительства в деятельность иностранного бизнеса. Как следствие этого, четыре государства региона так и не удостоились в указанный период кредитных рейтингов инвестиционного уровня, присуждаемых ведущими рейтинговыми агентствами мира.

Показательно, что в известных международных рейтингах «восприятия коррупции» и «легкости ведения бизнеса» все страны Центральной Азии стабильно входили в число 30-40 худших среди всех рассматриваемых государств. Лишь во втором из упомянутых рейтингов, позиции Кыргызстана отличались в лучшую сторону, однако также далеки от совершенства.

Несовершенное законодательство в налоговой сфере нашли свое отражение в сохранении высокой доли теневой экономики в странах региона. Согласно экспертным оценкам, в 2004 г. объемы теневого оборота средств в экономиках Центральной Азии колебались в пределах от 25% до 35% от номинального ВВП.

Главное негативное последствие экономического роста, основанного на экспорте лишь нескольких видов сырьевых товаров, которые легко контролируются узкими элитными группировками, - это гораздо более медленное сокращение бедности в странах Центральной Азии, чем это предполагается при высоких темпах увеличения ВВП в исследуемый период времени.

Значительный уровень бедности определялся также высоким уровнем безработицы в регионе, а также низкими доходами большей части «самозанятого» (формально трудоустроенного) населения. Благодаря увеличению денежных переводов от трудовых мигрантов и некоторому оживлению деловой среды уровень бедности в рассматриваемых странах сократился. Однако такие ограниченные успехи не могли в короткий срок решить проблемы испытывавшего серьезные экономические трудности населения, что наглядно продемонстрировало участие широких слоев населения в антиправительственных выступлениях в марте 2005 г. в Кыргызстане, приведшие к свержению власти президента А. Акаева.

Одним из важнейших последствий и проявлений неблагоприятной ситуации с занятостью стала резко увеличившаяся в изучаемый период трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию, Казахстан и ряд других стран. Наиболее наглядно эта ситуация была заметна в отношении Таджикистана, а также Узбекистана и Кыргызстана. Взамен на получение

денежных переводов, поддерживавших семейный бюджет родных и потребительский рынок, страна - импортер мигрантов лишалась квалифицированной рабочей силы, что также отражалось в ухудшении инвестиционного климата.

В некоторых странах региона к трудовой эмиграции добавилась эмиграция политическая, которая вела к сокращению профессиональных кадров, необходимых для государственного управления и национального бизнеса. Наиболее сложная ситуация сложилась в Туркменистане, где президент С. Ниязов регулярно арестовывал хякимов (глав местных администраций), министров и других высокопоставленных чиновников, что приводило к перманентной «текучке» кадров в исполнительной власти.

В странах Центральной Азии в целом удалось сохранить относительно высокий уровень грамотности. Однако, несмотря на это, отмечалось и резкое по сравнению с советским периодом снижение качества среднего специального и высшего профессионального образования. Вузы региона, за редким исключением, оказались пронизаны повальной коррупцией. Казахская программа «Болашак» так и осталась единственной в Центральной Азии масштабной программой подготовки высокообразованных управленческих кадров, которая реально повысила эффективность работы органов государственной власти, экономических агентов и общественных институтов.

Поддержка приемлемого качества среднего образования и социальной поддержки граждан становилась для стран региона все более трудной задачей, прежде всего перед лицом постоянного роста населения. Из-за сложной ситуации с занятостью и дороговизны профессионального образования, новая рабочая сила из числа выпускников школ оказывалась невостребованной. Это привело к масштабной маргинализации молодежи в странах Центральной Азии, легко склоняемой к участию в преступности, наркоторговле, или организациях религиозных экстремистов.

Что касается специфики общественно-политической жизни государств региона, то правящие элиты всех стран Центральной Азии избрали в 1990-е гг. модель светского унитарного государства с авторитарным режимом управления. Однако серьезные их особенности привели к разной степени их успешности.

Там, где жестко централизованная система управления сочеталась с наличием легальной оппозиции, время от времени производился обмен человеческим капиталом и идеями с властью. Эти модели (Казахстан, Таджикистан, с оговорками - Кыргызстан) позволяли удерживать некий опосредованный диалог с оппозицией и гражданским обществом, и подстраиваться под некоторые ожидания общества.

В моделях авторитарных режимов, которые оказались нетерпимыми к оппозиции и сильнее привязаны к личностям первых руководителей (Узбекистан, Туркменистан), государство теряло гибкость в отношениях с обществом и оказывалось неспособно выстроить эффективные и устойчивые к нагрузкам социально-экономические системы.

Значительную роль в успешном развитии государств региона играло создание эффективного бюрократического аппарата, в особенности на местах. В большинстве стран Центральной Азии реальные административные реформы так и не были осуществлены. Это приводило к тому, что местные представители государственной власти могли оказаться фактически независимыми от общенационального правительства по ряду важных вопросов, и хуже всего по вопросу корыстного давления на частный бизнес, в том числе и на иностранных инвесторов.

Неоднозначной остается оценка фактора кланов в правящей элите государств Центральной Азии. В качестве традиционной основы подобных неформальных объединений рассматривались родственные узы и землячество. Безусловно, это фактор оказывал влияние на внутриэлитные расклады во всех странах региона.

Однако с пусть медленным, но все же необратимым укреплением элементов рыночной экономики в странах региона, значительно большую функциональную в центральноазиатской политической практике стали приобретать формат «политико-финансовых» групп (ПФГ), основанных на объединении формальных или неформальных экономических субъектов – крупных частных или квазигосударственных компаний с неформальными группами влияния внутри бюрократического аппарата или политического класса в целом.

Наряду с очевидными негативными аспектами, связанными со стремлением к монополизации и непрозрачностью процесса принятия экономических и политических решений общенационального значения, ПФГ в силу конкуренции за принятие важных решений государственных органов могут также играть и объективно положительную роль в развитии страны, поскольку зачастую они представляют интересы местного, национального бизнеса, который к тому же заинтересован в установлении четких «правил игры», т.е. понятных и приемлемых для всех условий экономической деятельности на местном рынке. Другими словами, кланово-олигархический строй бывает эффективным, если сферы бизнеса и политики, тесно переплетаясь, в то же время не сводятся одна к другой.

В независимых государствах Центральной Азии обновление элит, по-прежнему, происходило замедленно. Помимо нежелания уже входящих в элиту групп делиться своими привилегиями, к причинам такого положения можно отнести и недостаток квалифицированных кадров управленцев, жесткость этнического и кланового сита отбора, традиционно высокую степень nepотизма, коррупцию, снижение качества местных образовательных систем. Поэтому подавляющее большинство политического класса стран региона по-прежнему составляла советская партийно-номенклатурная элита, значительная часть которой слабо адаптировалась к условиям строящейся рыночной экономики.

В странах Центральной Азии отсутствовал один из самых важных факторов реальной внутривнутриполитической стабильности – действенная оппозиция

существующей власти. В Туркменистане оппозиционная деятельность была фактически запрещена. В Узбекистане занимавшимся ей группам власти не позволяли оформиться в дееспособные массовые объединения. Влияние оппозиции в Таджикистане в указанный период сокращалась из-за арестов и «подкупа». Кыргызстан же в изучаемый период фактически превратился в страну, где любая группа, являвшаяся крупнейшей из числа находившаяся в оппозиции к действующей власти, превращалась в реального претендента на власть.

Причины слабости оппозиции заложены в неразвитости партийных систем в странах региона. Фактически, настоящей массовой партией, несвязанной с госаппаратом, с устойчивой структурой, разветвленной сетью ячеек во всех регионах, несколькими яркими лидерами, в регионе являлась только Партия исламского возрождения Таджикистана. Однако в начальные годы XXI в. ее роль в общественной жизни существенно снизилась.

Другой опорой правящих режимов могли стать институты гражданского общества – широкая сеть СМИ и НПО. Относительная их развитость в Кыргызстане явилась объективно стабилизирующим фактором в переходный период изменения политической системы страны после «тюльпановой революции» 2005 года. В то же время, репрессивная политика против важнейших институтов гражданского общества в других странах региона приводила к постепенному ослаблению контроля руководства страны над административным аппаратом государства.

Слабость существующих политических систем в странах Центральной Азии накладывалась на кризис идеологического обеспечения функционирования государства. Правящие режимы региона испытывали значительные трудности в заполнении идеологического вакуума, возникшего в их странах в результате распада Советского союза.

За годы независимости государственным идеологам Центральной Азии не удалось избежать ошибочного националистического соблазна по обоснованию идентификации граждан новых национальных государств на намеренном «удревнении» истории доминирующей в нем этнической группы. Апеллирование к чересчур удаленным во временном пространстве историческим персонажам (Исмаил Самани, Эмир Тимур) и реалиям совершенно обоснованно не воспринималось большинством населения. Более удачными примерами являются идеологические конструкции вроде «принципов Манаса» в Кыргызстане и концепции «узбекчилик», разработанной под руководством И. Каримова.

Внимательное изучение проблемы исламского фундаментализма в регионе показывает, что на протяжении изучаемого периода он не был способен свергнуть местные светские режимы. В отличие от Ближнего Востока в Центральной Азии отсутствует сильная структура религиозных организаций, а авторитет института имамов и улемов ограничен. Большинство населения владеет европейским языком (русским) и получило образование в рамках, заданных советскими национальными культурами, и поэтому отрицательно

относится к самой возможности установления клерикального режима. Тем более что власть движения «Талибан» в соседнем Афганистане ярко проявила все негативные стороны подобных режимов.

К концу изучаемого периода группировки радикальных исламистов не представляли военной угрозы светским государствам Центральной Азии, как это было в 1999-2000 гг. Самым сильным из них по-прежнему было «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Из-за разгрома своих союзников из движения «Талибан» и ухудшения отношений со сторонниками ПИВТ, вошедшими в компромисс со светским режимом в Душанбе, ИДУ к 2005-2006 гг. лишилась большей части пунктов базирования в регионе и прямых коридоров для прохода с территории Афганистана в Ферганскую долину. Попытки наладить новые базы на юге Кыргызстана в указанный период натолкнулись на более эффективное объединение усилий кыргызских и узбекских спецслужб.

Гораздо более опасной, чем ИДУ, явилась деятельность партии «Хизб ат-тахрир». Несмотря на то, что не была замечена в какой-либо вооруженной активности или подготовке к ней, и пропагандировала мирные способы политической борьбы, тем не менее, ее конечная цель – создание в регионе исламского государства (халифата) – противоречила интересам, как правящих светских режимов, так и большинства населения.

Активная пропагандистская и благотворительная (через «исламские» микрокредитные организации) деятельность, помноженная на разочарование действующими властями, способствовала формированию у «Хизб ат-тахрир» значительного числа убежденных сторонников, готовых к переходу к вооруженному противостоянию со своими оппонентами. Однако основным методом борьбы с ростом ее влияния должны быть не репрессии, а активная борьба с коррупцией, политика уравнивания доходов, гибкая политика государства в сфере религиозных вопросов.

Радикальные исламисты оказались не способны самостоятельно свергнуть светские власти в Центральной Азии (это в принципе ранее продемонстрировали и итоги гражданской войны в Таджикистане). Но, как показали события 2010 г. на юге Кыргызстана, в кризисных ситуациях, спровоцированных иными силами, исламисты могут чувствовать себя, как рыба в воде, поддерживая ту или иную группировку, а заодно и проводя собственную линию.

Кроме того, очевидно, что исламисты представляли собой угрозу, прежде всего, там, где не существовало легальной светской оппозиции. По этой причине в Кыргызстане угроза исламизма изначально ниже, чем в Узбекистане, и это нельзя объяснить лишь культурно-этнографической спецификой населения.

К концу 1990-х гг. центральноазиатским государствам удалось установить более или менее эффективный контроль над организованной преступностью. Однако в случае ослабления государственной власти, организованная преступность способна активно лоббировать свои права. Причем не только

силовыми методами, но и за счет попыток вхождения во власть. Тем более что подобные попытки криминалитета в Кыргызстане диктовать свои условия правившему в 2005-2007 гг. тандему К. Бакиева и Ф. Кулова уже создали для этого негативный прецедент.

1.2 Итоги развития независимых государств Центральной Азии к 1999

Г

По мнению ряда российских и западных исследователей, распад Советского Союза в 1991 году показал, что центральноазиатские республики оказались наименее готовыми к обретенной независимости. По мнению американского специалиста А. Халида «партийная верхушка в Центральной Азии не представляла себя вне политического поля Советского Союза. Призрак развала СССР заставлял ее всеми силами поддерживать сохранение страны» [48, с. 184]. Тем более, что до того момента в истории не существовало национальных государств в этих границах. Действительно, до присоединения региона к России на территории Центральной Азии существовали Казахское, Хивинское, Кокандское ханства и Бухарский эмират, но национальных государств в западном понимании в этой части света не существовало. И новые независимые страны Центральной Азии должны были не только сохранить полученный суверенитет и независимость, наладить новые экономические связи, но и построить свои национальные государства.

В Кыргызстане подъем общественных движений, начатых на волне политики перестройки середины 1980-х гг., был одним из самых значительных в регионе. Этому в немалой степени способствовали социально-экономические факторы: скудность природных ресурсов и слабость экономики привели к зависимости Кыргызской ССР от дотаций центра. Следовательно, начавшийся кризис плановой системы экономики в стране серьезно ударил по жителям Кыргызстана. Экономический кризис, начавшийся в СССР и распространившийся по всей территории союзного государства, в Кыргызстане вылилось в процессы внутренней миграции – большие массы сельской молодежи двинулись из села в крупные города (Бишкек и Ош). Эти процессы сопровождались поиском работы и борьбой за предоставление земельных участков под застройку жилья, чем умело воспользовались общественные организации, такие как «Асаба» и «Ашар», трансформировавшиеся в политические движения против коммунистической номенклатуры. Целый ряд политических организаций (свыше 20) в середине 1990 года объединились в Демократическое движение Кыргызстана, чьими программными требованиями были установление многопартийности и введения частной формы собственности.

События начала 1990-х годов принесли Кыргызстану серьезные перемены и испытания. В крупнейшем городе Южного Кыргызстана – Оше – произошли масштабные столкновения на этнической почве. Недостаток земли вынудил местное коммунистическое руководство выделить новым кыргызским переселенцам землю под строительство в местах, где традиционно проживало

узбекское население. Очень быстро мелкие стычки переросли в массовые погромы и убийства. Затушить конфликт и не допустить его распространения получилось только благодаря введению комендантского часа и войскам особого назначения из Москвы. Межэтнический конфликт унес жизни свыше сотни человек.

Политическая активность населения Кыргызстана значительно возросла после ошских событий. Уже летом 1990 года Коммунистическая партия делится на реформаторское и консервативное крыло, была проведена целая серия акций гражданского неповиновения. Основные требования активистов - отмена шестой статьи конституции СССР о руководящей роли КПСС, введение поста президента, необходимость политической оценки ошских событий, отставка с поста председателя Верховного Совета республики А. Масалиева, который тогда был первым секретарем ЦК Компартии Кыргызстана. Акции антикоммунистических активистов находили сочувствие и поддержку среди широких слоев кыргызстанцев. Столица республики, город Фрунзе, становился ареной ежедневных митингов и демонстраций [59].

С большими сложностями после нескольких туров голосования в Верховном Совете на должность президента 27 октября 1990 года был избран глава Академии наук Киргизской ССР Аскар Акаев. В ноябре было изменено официальное название страны - она стала именоваться Республика Кыргызстан. 15 декабря 1990 года Верховный Совет принял Декларацию о государственном суверенитете Республики Кыргызстан. Одновременно было изменено административное деление республики: были восстановлены Нарынская и Таласская и образованы Чуйская и Джалалабадская области. В феврале 1991 года было восстановлено историческое название столицы государства - город Фрунзе был переименован в Бишкек.

В ходе реформирования общественно-политической жизни в Кыргызстане начали развиваться основы многопартийной демократии. Активизировалась деятельность различных политических организаций. В первой декаде февраля 1991 года прошел очередной съезд Демократического движения Кыргызстана, активисты этого движения незадолго до всесоюзного референдума провели серию митингов, протестуя против сохранения СССР в прежнем виде. На самом референдуме 17 марта 1991 года 94% кыргызстанцев высказались за сохранение Советского союза в качестве обновленной федерации. В апреле 1991 года поменялось руководство местной компартии: вместо А. Масалиева первым секретарем ЦК был избран Д. Аманбаев. Коммунисты продолжали отстаивать ортодоксальные позиции и активно поддержали в августе 1991 года путч ГКЧП в Москве. Аскар Акаев, наоборот, открыто выступил против московских путчистов.

31 августа 1991 года Верховный совет Кыргызстана принял Декларацию «О государственной независимости». В сентябре решением парламента была прекращена деятельность коммунистической партии как организации, поддержавшей тоталитарную идеологию и антиконституционный путч, а собственность партии национализирована. Президент А. Акаев демонстративно

вышел из рядов коммунистической партии. Стремясь усилить в сложившихся условиях свою легитимность, он организовал досрочные всенародные президентские выборы. Правда, до демократических стандартов эти выборы, по мнению ряда авторов, дотягивали хотя бы тем, что они были безальтернативными. За предложенную кандидатуру отдали свои голоса 93,39% голосов избирателей [59, с. 443].

Формирование нового государства настоятельно требовало изменения подхода к строительству властных институтов. На повестку дня встал вопрос о необходимости разработки и принятия новой конституции. Первая конституция независимого Кыргызстана была принята 5 мая 1993 года на 12-й сессии Верховного Совета. Первоначально были подготовлены несколько концепций проекта Основного закона, которые обсуждались в рабочей группе и на основе которых была сформулирована единая концепция, переданная в начале ноября 1991 года в парламент. Принятию конституции предшествовал фактически двухлетний период подготовки. В 1992 году была подготовлена реформа местной исполнительной власти: указом главы государства в областях, районах и городах были созданы акиматы. В декабре 1992 года состоялось всенародное обсуждение проекта конституции, длившееся три месяца. В обсуждении приняли участие более миллиона человек, были внесены тысячи различных предложений и поправок, обобщением которых занималась Конституционная комиссия во главе с А. Акаевым.

Конституция явилась компромиссным документом, устраивавшим в тот период все наиболее значимые политические силы республики. Глава государства должен был избираться всенародным голосованием, парламент Кыргызстана – Жогорку кенеш – был наделен внушительными властными полномочиями.

Общее развитие ситуации в государствах СНГ в этот период характеризовалось нарастанием негативных тенденций в экономической и социальных сферах жизни. Попытки перехода к рыночным отношениям зачастую приводили к резкому разрыву налаженных в прошлом хозяйственных связей, что вело к падению производства и жизненного уровня населения. Для Кыргызстана такая ситуация оказалась особенно болезненной в силу нехватки собственных энергоносителей и отсутствия возможности экспорта на внешние рынки углеводородного сырья, в то время как в соседних Казахстане и Туркменистане его наличие позволяло существенно снизить остроту социальных издержек рыночного реформирования. Руководство Кыргызстана избрало вариант быстрого перехода к рыночным отношениям через серию радикальных реформ. С 1993 года была полностью отменена практика государственных заказов в промышленности. Ускоренными темпами проводилась приватизация. Однако реформы не дали ожидаемого результата. Огромные масштабы приобрела коррупция: государственные чиновники и руководители предприятий обогащались, распродавая государственную собственность в обход закона. Остановка производства и сокращение числа рабочих мест стали повседневными явлениями в государстве. Уровень

производства за два с небольшим года упал более чем на половину. К концу 1993 года было приватизировано 98,7% предприятий сферы бытового обслуживания, 80,7% - торговли и сферы общественного питания, 67,5% - строительной сферы, 39% объектов промышленности. В итоге после принятия новой конституции в Кыргызстане на фоне резкого ухудшения социально-экономической ситуации обострилась политическая обстановка.

Президент Акаев распустил Верховный Совет под предлогом (не единственным и явно не главным) отсутствия такого органа в новой Конституции. Президент же, полномочия которого также претерпели существенные изменения по сравнению с установленными ранее, переизбираться не стал, предпочтя провести 30 января 1994 года референдум о доверии. Получив положительный результат на всенародном голосовании (97,03%), означавший возможность нахождения на посту главы государства до 1996 года, Аскар Акаев тем самым существенно усилил свои позиции в обозначившемся в этот период противостоянии президентской и законодательной власти.

Конфликт между властными структурами имел несколько составляющих. Часть депутатского корпуса была представлена чиновниками прежней, советской по своей сути, номенклатуры, отрицательно воспринимавшей многие происходящие перемены. С другой стороны, стали известны факты незаконных операций с продажей золота, добытого в Кыргызстане. Следы вели к высокопоставленным представителям исполнительной власти, в скандале был замешан председатель правительства и сам президент. 13 сентября 1994 года около 140 депутатов Жогорку кенеша демонстративно отказались принимать участие в работе сессии парламента. Правительство, находившееся в этот период в отставке, оставалось лишь формальным носителем полномочий. Иными словами, наступил кризис власти.

Акаев в таких условиях прибег к приему, который впоследствии он не раз использовал, - президент инициировал конституционную реформу, формально опираясь при этом на институты непосредственной демократии. Президент распустил парламент и 21 сентября 1994 года издал Указ «О референдуме (всенародном голосовании) по внесению изменений и дополнений в конституцию Кыргызской Республики». Согласно этому акту, в государстве надлежало провести референдум в максимально короткие сроки – уже через месяц. На голосование был вынесен проект создания двухпалатного парламента.

Массированная обработка уставшего от политических интриг населения дала ожидаемый эффект. 22 октября 1994 года на референдуме было принято решение о реформировании парламента в двухпалатный орган: 75% голосов было подано «за» президентский вариант реформы. Представительство всего населения государства отныне должны были осуществлять 35 депутатов первой палаты – Законодательного собрания. Вторая палата, состоящая из 70 депутатов, избиралась на основе представительства территориальных интересов и именовалась Собранием народных представителей.

Выборы в новый парламент прошли 5 февраля 1995 года. 24 декабря 1995 года в Кыргызстане досрочно были проведены президентские выборы. За пост главы государства боролись действующий президент А. Акаев, лидер коммунистов А. Масалиев и бывший спикер парламента М. Шеримкулов. За А. Акаева проголосовало 72,45% избирателей [59, с. 444-445].

Однако очередная победа А. Акаева не была полной. В условиях продолжающегося социально-экономического кризиса в результате выборов в парламенте оказались не только пропрезидентски настроенные депутаты. В законодательном органе опять зазвучала критика в адрес кабинета и самого президента. Руководству государства не удалось наладить продуктивную работу кабинета министров, многочисленные шаги по реформированию отдельных сфер народного хозяйства на базе либеральных рыночных концепций, в основном в непроизводственных отраслях, так и не смогли качественно улучшить основные макроэкономические показатели Кыргызстана. Декларированное властями ускоренное движение к демократическому обществу также на поверку не было однозначно успешным.

В экономической сфере правительство упорно внедряло рыночные отношения, не считаясь с издержками. Была объявлена кампания массовой приватизации. Практически все предприятия теперь продавались при помощи купонных аукционов, акции мог приобрести любой желающий. Такая практика продолжалась до 1996 года. Она решила проблему разгосударствления: негосударственный сектор стал выпускать более половины всей промышленной продукции. Но сохранить уровень производства, а тем более ускорить темпы его развития так и не удалось. В аграрном секторе в результате реформ расформировывались колхозы и на их месте стали возникать крестьянские хозяйства, мелкие предприятия и ассоциации. Уже к 1995 году число крестьянских (фермерских) хозяйств в государстве превышало 20 тысяч. Однако выпуск сельскохозяйственной продукции в Кыргызстане существенно сократился по сравнению с советским периодом, особенно пострадало животноводство. Тем не менее, несмотря на тяжелые условия, в государстве постепенно укоренялись новые рыночные механизмы, население стало все активнее искать возможности для заработка, иждивенческие настроения, надежды на государственную помощь постепенно размывались в массовом сознании.

10 февраля 1996 года был проведен очередной референдум по внесению новых поправок и изменений в конституцию, значительно усиливших президентское правление. Для республики стала характерной частая смена кабинетов министров, что неблагоприятно отражалось на стабильности в проведении выбранного курса реформ. Весной 1998 года правительство, возглавляемое премьером А. Жумагуловым, сменил новый кабинет министров под началом К. Жумалиева. Однако уже в декабре 1998 года и это правительство было вынуждено уйти в отставку. Ему на смену пришел Ж. Ибраимов, пытавшийся реализовать ряд решительных мер по борьбе с преступностью. Но внезапная смерть премьера всего через полгода нахождения

его на этом посту привела к очередной смене - правительство возглавил А. Муралиев. В декабре 2000 г. его на этом посту сменил бывший губернатор Чуйской области К. Бакиев. За десять лет независимости с 1991 по 2000 гг. республика восемь раз пережила смену правительства.

1 сентября 1998 года президент Кыргызстана издал указ о проведении очередного всенародного обсуждения проекта изменений и дополнений в конституцию и референдума по пяти предложенным вопросам. По сути дела, референдум должен был стать своеобразной «работой над ошибками», допущенными в результате прошлых реформ. Предлагаемые президентом шаги не были радикальными: численность Законодательного собрания намечалось увеличить, а Собрания народных депутатов – уменьшить. При этом около 22% мест в Законодательном собрании (15 мандатов) предлагалось распределять при помощи выборов по партийным спискам, создав при этом пятипроцентный заградительный барьер.

8 сентября большинство депутатов Законодательного собрания Жогорку Кенеша выступили против инициативы А. Акаева, ведь очередная реформа ограничивала депутатскую неприкосновенность, урезала полномочия парламента в сфере финансово-бюджетных отношений. Но президенту удалось добиться своего. Одной из причин, побудившей к проведению референдума 1998 года, была нерешенная в рамках конституции 1993 года проблема частной собственности на землю. За прошедшие годы парламент не раз обсуждал этот вопрос, но не принимал решения. Поэтому Аскар Акаев решил воспользоваться референдумом для того, чтобы ввести институт частной собственности на землю. 17 октября 1998 года референдум был проведен. Очередным изменениям в тексте конституции была придана законная сила.

Природные условия и особенности исторического развития Таджикистана сказались на степени модернизации таджикского общества. Индустриализация в советскую эпоху затронула республику в гораздо меньшей степени, чем это имело место в Казахстане и Узбекистане. Значительная часть таджикского населения продолжала жить в условиях традиционных и во многом патриархальных социальных представлений.

Хозяйственная политика, проводившаяся в республике в годы советской власти и связанная со строительством крупных гидроэлектростанций, а следовательно, с затоплением больших площадей и переселением на новые места жительства целых кишлаков и даже малых этнических групп, имела ряд отрицательных последствий. Большая часть населения Таджикистана была занята в сельском хозяйстве, тем не менее даже основные продукты питания завозились из других союзных республик. В то же время рождаемость в республике была одной из самых высоких в СССР.

На волне политических реформ в СССР в Таджикистане стали возникать новые политические объединения. В августе 1990 года в Душанбе была учреждена Демократическая партия Таджикистана, программные установки которой в тот период представляли смесь общедемократических и исламских лозунгов. Либерализация общественной жизни в республике сопровождалась

резким усилением внимания к возрождению роли ислама. В декабре 1991 года Верховный Совет принял закон о свободе совести и религиозных организациях, допускавший открытое распространение религиозных убеждений. За короткий период в республике было построено множество мечетей и других культовых сооружений, открылись десятки мусульманских школ [48, с. 188].

Формально законодательство Таджикистана содержало запрет на создание и деятельность религиозных политических организаций. Однако действовавшая в то время в СССР Исламская партия возрождения в октябре 1990 года создала свою таджикскую структуру – Исламскую партию возрождения Таджикистана (ИПВТ). Коммунистическая номенклатура республики пыталась противостоять не только становлению религиозных, но и других широких общественных демократических движений, видя в их деятельности угрозу потерять свои руководящие посты. Лидер коммунистов К. Махмадов в трудной ситуации осени 1991 года растерял свое влияние. В Душанбе на разных площадях параллельно шли фактически бессрочные митинги противостоящих друг другу политических сил. Под давлением «улицы» Махмадов был вынужден уйти в отставку, а на его место 24 ноября 1991 года главой государства был избран представитель влиятельного в Таджикистане ленинабадского (ходжентского) клана Р. Набиев, набравший 61,3% голосов и победивший кандидата от оппозиции памирца Д. Худоназарова, получившего 31,5% голосов. Набиев заключил с оппозицией соглашение, по которому власть брала обязательство не преследовать активистов оппозиции [59, с. 455].

Исламская оппозиция ловко использовала промахи в политике руководства страны и, выдвигая популистские лозунги, сумела привлечь на свою сторону значительную часть населения, в основном сельских районов. Ситуация осложнялась тем, что возникшие новые демократические организации, такие как Демократическая партия Таджикистана и движение «Растохез» («Возрождение»), в своей политической борьбе во многом солидаризировались с исламской оппозицией. В Таджикистане зимой 1991-1992 гг. фактически сложился альянс исламо-демократической оппозиции.

Стремясь не допустить роста влияния оппозиции, в марте 1992 года Набиев, опираясь на своих сторонников в депутатском корпусе Верховного Совета и столичного городского совета, дал указание арестовать одного из лидеров оппозиции, депутата парламента М. Икромову, с его ведома был также вынесен сомнительный приговор еще одному лидеру оппозиции из движения «Растохез» М. Миррахимову. Эти события вызвали активацию деятельности оппозиции. В Верховном Совете публично стали звучать взаимные обвинения, которые были адресованы не просто политическим конкурентам, а различным этнорегиональным общностям Таджикистана.

На площади Шохидон в Душанбе начался затяжной многодневный митинг оппозиции, большинство участников которого составляли выходцы из Каратегина с Памира. Выдвигались требования отставки властей (главным образом главы ВС С. Кенджаева), принятия новой конституции и проведения многопартийных выборов. Но в оппозиции наиболее видными лидерами

являлись Ходжи Акбар Тураджонзода, Давлат Усмон и другие, придерживающиеся исламских взглядов. Немного позже был организован альтернативный митинг на площади Озоди, как потом выяснилось, финансируемый за счет Ленинабадской области. Власти пытались лавировать, не имея реальной возможности силой подавить митинг исламо-демократической оппозиции. Одновременно ряд оппозиционных политиков стал выдвигать экстремистские лозунги, в том числе направленные на разжигание межнациональной розни.

В начале апреля депутаты областного Совета Горно-Бадахшанской АО объявили о преобразовании области в автономную республику в составе Таджикистана. В ВС Таджикистана ситуация накалялась день ото дня. На открытые угрозы поддерживающих Набиева депутатов оппозиция ответила выдвижением ультимативных требований об отставке главы парламента и созданием отрядов ополчения. 21 апреля парламент был захвачен. Однако президент назначил Кенджаева главой Комитета национальной безопасности. В столице начались эпизодические столкновения между сторонниками противоборствующих сил. Кенджаев был вновь избран руководителем ВС, а Набиев дал распоряжение о формировании собственных вооруженных частей («гвардии»), для чего участникам проправительственного митинга было роздано около 2 тысяч автоматов [59, с. 456].

1 мая 1992 года в Таджикистане было введено чрезвычайное положение, а в Душанбе – комендантский час. Произошли вооруженные столкновения, в результате которых оппозиции удалось завладеть легким стрелковым оружием и даже бронетехникой. Власти стали подтягивать в столицу своих сторонников из Куляба. Силы оппозиции также росли, и она добилась отставки ряда ключевых фигур – сторонников президента. Бои в столице сопровождались погромами в отдельных районах, а попытки предотвратить их со стороны командования 201-й дивизии вызвали агрессивную антирусскую пропаганду оппозиции, которая в открытую стала выдвигать исламские лозунги. 11 мая было сформировано коалиционное правительство национального примирения, где оппозиции досталось около трети постов.

Митинги в столице прекратились. Но в Кулюбе вскоре началось формирование вооруженных отрядов проправительственных сил. Частью таких отрядов командовали криминальные авторитеты, которые использовали политическую дестабилизацию в собственных корыстных целях. Набиев выразил намерение перебраться в Ленинабадскую область на севере, откуда были силой изгнаны все сторонники оппозиции. Ленинабадцы не признали коалиционное правительство и отказались выполнять его решения. Гражданская война в Таджикистане стала реальностью. В Таджикистан из соседнего воюющего Афганистана стали проникать оружие и афганские боевики. Боевые действия охватили целый ряд районов Таджикистана. Они сопровождались грубыми нарушениями правил ведения войны с обеих сторон, казнями гражданского населения. Сотни тысяч людей вынуждены были бежать

из своих жилищ в другие регионы страны и за ее пределы, в том числе в Афганистан.

В начале сентября, после захвата оппозицией президентского дворца в Душанбе, правительство вынуждено было проголосовать за отставку Набиева. 7 сентября Набиев ушел в отставку и перебрался в Ходжент. И.о. главы государства стал А. Искандаров, а и.о. премьер-министра – крупный предприниматель из Ходжента А. Абдуллоджанов. В Ходженте была созвана специальная сессия Верховного Совета Таджикистана из депутатов кулябцев и ленинабадцев, составлявших 2/3 состава парламента. Сессия отменила институт президентства, утвердила отставку Набиева и избрало новое руководство парламента во главе с Э. Рахмоновым, который фактически стал главой государства. На посту премьер-министра остался А. Абдуллоджанов. Формально сессия была призвана примирить враждующие стороны. На деле произошло формирование Народного фронта – политической силы, базирующейся на временном союзе двух северных региональных кланов страны – кулябского и ленинабадского. Из Узбекистана была оказана существенная помощь в виде поставок оружия.

Отряды Народного фронта 10 декабря 1992 года с боями захватили Душанбе. Их победа сопровождалась жестокими внесудебными репрессиями по отношению к своим противникам – таджикам из Каратегина, представителям демократической интеллигенции. Политический лидер этой новой силы Эмомали Рахмонов, выходец из Куляба, делал ставку именно на жесткие меры, считая, что только при их помощи можно навести в стране порядок.

Захват столицы не привел к прекращению гражданской войны, наоборот, она вспыхнула с новой силой. Отряды Народного фронта встретили ожесточенное сопротивление на южном и северо-восточном направлениях. Естественно, обострилась за власть внутри самого Народного фронта: часть политических лидеров и полевых командиров были убиты при невыясненных обстоятельствах. Зажиточный ленинабадский клан настороженно относился к своим союзникам – кулябцам, представляющим бедный аграрный регион Таджикистана. Военные действия имели катастрофические последствия для социально-экономического положения государства, многие важнейшие объекты инфраструктуры и жизнедеятельности были разрушены. Преступность приобрела фактически неконтролируемый характер. Особенно быстро набирал обороты наркобизнес.

Летом 1993 года Рахмонов добился запрета деятельности всех политических организаций оппозиции. Одновременно он предпринял активные усилия по налаживанию отношений с государствами, заинтересованными в ликвидации военного конфликта, - прежде всего с Россией и Узбекистаном. Узбекская авиация принимала участие в бомбардировке отрядов оппозиции Таджикистана, российским военным также приходилось участвовать в боях, защищая важные объекты, например Нурекскую ГЭС. В июле 1993 года на российскую погранзаставу на реке Пяндж было совершено

нападение отряда боевиков, пришедшего со стороны Афганистана, погибли 24 пограничника.

Страны СНГ пытались воздействовать на ситуацию дипломатическим путем, гуманитарной помощью и посылкой в Таджикистан своих миротворческих частей. При этом руководство Узбекистана, очевидно, преследовало и свои интересы. По крайней мере, не в последнюю очередь именно опираясь на помощь Ташкента, региональные кланы Ленинабадской области Таджикистана, населенной в значительной степени этническими узбеками, постепенно стали демонстрировать Рахмонову свое нежелание полностью подчиняться его линии. Дело дошло до взрывов мостов, соединявших трассы Душанбе-Ходжент. Сессия Ленинабадского областного совета пыталась провести решение о создании здесь свободной экономической зоны. Высказывались и предложения о присоединении области к Узбекистану. Но решительные действия Рахмонова, пославшего в Ходжент вооруженный десант, сорвали эти планы. После этого премьер-министр А. Абдуллоджанов вынужден был уйти в отставку. Но ради сохранения коалиции новым премьером был назначен также ленинабадец – экономист А. Самадов, а спустя год этот пост занял ленинабадец Д. Каримов [59, с. 458].

С 1994 года при помощи посредников начались переговоры по внутритаджикскому мирному урегулированию. В 1995 году была зарегистрирована оппозиционная Демократическая партия Таджикистана, занявшая к этому времени умеренные позиции. Наиболее сильной частью оппозиции продолжало оставаться Движение исламского возрождения Таджикистана, сформированное на основе Исламской партии возрождения в 1993 году. Одной из сторон в переговорном процессе выступала Объединенная таджикская оппозиция (ОТО), лидерами которой были Турадджонзода и Саид Абдулло Нури.

Рахмонов сумел усилить собственные позиции и устранить с политической арены своих конкурентов. Народный фронт потерял свою значимость и позднее был распущен. В таких условиях в Таджикистане была восстановлена должность президента. 6 ноября 1994 года Рахмонов выиграл президентские выборы, набрав 58,7% голосов. Его соперник – Абдуллоджанов получил 40,7% голосов. Выборы сопровождались значительными нарушениями, и часть экспертов заявляла об их явной фальсификации. Одновременно с выборами был проведен референдум по новой конституции Таджикистана, за которую высказалось 95,7% избирателей.

В феврале-марте 1995 года прошли парламентские выборы. Большинство депутатов составляли выходцы из Куляба, бывшие боевики Народного фронта и коммунисты. Из 181 мандата 60 получили коммунисты, 5 – Народная партия Таджикистана, 2 – Партия народного единства и согласия, 1 мандат достался Партии экономического и политического возрождения.

Трудный процесс выздоровления длился не один год и привел наконец к заключению 27 июня 1997 года в Москве Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане. Этот документ был подписан

президентом Э. Рахмоновым и лидером Объединенной таджикской оппозиции С. Нури и завизирован специальным посланником генерального секретаря ООН Мерремом.

Само соглашение представляло собой набор протоколов, содержащих комплекс обязательств сторон по прекращению конфликта и ликвидации его последствий в республике. Среди прочих в них были обозначены и обязательства по созданию условий для демократического развития общества и проведению свободных выборов. Для реализации этих целей вскоре был принят Акт о взаимном прощении и Закон об амнистии. Публичные политики Таджикистана в основном стремились придерживаться достигнутых соглашений, не останавливаясь перед применением силы к тем полевым командирам, которые по разным причинам отказывались подчиняться новым, единым для всех участников политического процесса правилам поведения. Так, силой был подавлен мятеж бригады М. Худойбердыева в Курган-Тюбе, нейтрализованы попытки сопротивления мирному урегулированию в Гармском и Тавильдаринском районах, уничтожена группа боевиков Р. Садирова, действовавшая в пригороде Душанбе.

Объединенная таджикская оппозиция по условиям мирных соглашений добилась предоставления 30% мест в правительстве. Первый заместитель руководителя ОТО А. Турадзонзода указом президента Таджикистана в феврале 1998 года был назначен первым вице-премьером республики. Параллельно шла работа по подготовке изменений в конституцию страны и выработке закона о политических партиях.

Процесс налаживания отношений между властью и оппозицией тем не менее протекал достаточно болезненно. Сторонники Рахмонова зачастую отказывались выделять места в органах власти по квоте оппозиции, искусственно тормозился процесс репатриации бойцов оппозиции из Афганистана. Парламент то не утверждал кандидатуры отдельных министров-членов ОТО, то настаивал на законодательном запрете создания партий на религиозной основе. Последнее обстоятельство было весьма чувствительным ударом по оппозиции, сердцевину которой составляла партия Исламского возрождения Таджикистана. Время от времени случались и более серьезные эксцессы, например убийство военных наблюдателей ООН. ОТО, со своей стороны, намеренно долгое время тормозила роспуск своих вооруженных отрядов. Тем не менее сторонам удалось избежать новой лобовой конфронтации. В ноябре 1998 года парламент Таджикистана принял компромиссный вариант закона о политических партиях. В следующем месяце ОТО завершила процесс возвращения своих вооруженных формирований из Афганистана. Но, хотя сроки реализации соглашения о национальном примирении к началу 1999 года уже истекли, далеко не все намеченные этим документом мероприятия удалось к тому времени реализовать.

В экономическом отношении республика значительно отстает от других центральноазиатских государств. Рыночные реформы здесь начались значительно позднее. Ущерб от гражданской войны составил 7 млрд. долларов

– это примерно 18 годовых бюджетов Таджикистана. Таджикский народ потерял в братоубийственной войне, по разным оценкам, от 60 тысяч до 150 тысяч жизней. Оживление в экономике началось с 1997 года. Стали расти объемы добычи золота, урожаи хлопка и зерновых, выплавка алюминия на заводе в городе Турсун-заде, выработка электроэнергии. Однако для преодоления последствий кризиса, по мнению таджикских и зарубежных экспертов, потребуется длительный период времени.

Политическая элита и общественность Туркменистана не принимали активного участия в событиях периода «перестройки» конца 1980-х годов, происходивших на всем пространстве СССР. Первый секретарь коммунистической партии Туркменистана Сапармурад Ниязов не обладал большим весом и влиянием в Москве. Новых общественных организаций, обладавших влиянием, в Туркменистане так и не появилось. Республика продолжала жить по инерции.

Декларация о государственном суверенитете была принята 22 августа 1990 года. Копируя реформы М. Горбачева, в Туркменистане учреждается пост президента с явным расчетом, что занять его должен номенклатурный лидер коммунистов. Выборы первого президента состоялись 27 октября 1990 года. Они были безальтернативными, но в отличие от других центральноазиатских республик – всеобщими, поскольку степень контроля за населением в Туркменистане со стороны власти оставалась такой же тотальной, как и десятилетия назад. Голосование на избирательных участках было абсолютно формальной процедурой, имевшей мало общего с подлинно демократическим мероприятием. За кандидатуру Ниязова проголосовало 98,3% избирателей [59, с.461].

26 октября 1991 года в республике был проведен референдум о независимости. За независимость проголосовало 94,07% избирателей. На следующий день Верховный Совет принял заранее подготовленный конституционный закон о независимости и основах государственного устройства Туркменистана. Парламент республики действовал в советском стиле: он молчаливо, без прений и дискуссий голосовал за решения, разработанные аппаратом главы государства. В ноябре 1991 года Ниязов добился у Верховного Совета наделения его дополнительными полномочиями. В частности, он возглавил правительство, ликвидировав пост премьер-министра.

18 мая 1992 года была принята новая конституция Туркменистана. В связи с принятием нового Основного закона Ниязов, стремясь продемонстрировать свою демократичность и поголовную народную поддержку, организовал новые досрочные выборы президента, которые и состоялись 21 июня 1992 года. На них, опять-таки в условиях безальтернативности, победил Ниязов, набрав 99,5% голосов.

Принятая конституция закрепляла во многом уникальную модель власти, созданную в Туркменистане, имевшую явный авторитарный характер. Президент наделялся большими полномочиями: возглавлял правительство,

имел право распускать парламент (Меджлис), в любое время назначать и снимать с должностей лиц, занимающих посты не только в исполнительной, но даже и в судебной ветвях власти. Был создан не имеющий аналогов в государственном строительстве орган – Халк маслахаты (Народный совет). Формально он был призван служить представительным органам. В его состав вошли: президент, депутаты Меджлиса, так называемые народные представители – избранные члены этого органа от районов страны, председатель Верховного суда, генеральный прокурор, председатель высшего хозяйственного суда, члены правительства, главы администраций областей республики (велятов) и мэры муниципальных советов городов и поселков. Тем самым в составе данного органа вместе оказывались лица как избранные населением, так и назначенные на свои должности президентом. Хотя очередные заседания Халк маслахаты по конституции должны проводиться не реже одного раза в год, этот орган формально решает ряд принципиально важных вопросов: целесообразность изменения конституции, проведения референдумов, ратификации и денонсации международных договоров, объявляет состояние войны, вырабатывает рекомендации по основным направлениям развития страны. На практике Халк маслахаты оказался удобной и красивой декорацией, позволяющей президенту Ниязову произвольно управлять Туркменистаном по собственному усмотрению.

Постепенно в Туркменистане стал насаждаться культ личности Ниязова. Его портреты и статуи заполнили улицы городов и поселков, страницы печатных изданий и даже денежные купюры, его выступления бесконечно цитировались в теле- и радиоэфире. Значительная часть объектов республики была названа в его честь. Ниязов получил титул «Туркменбаши» - предводитель туркмен. В начале 1993 года был ликвидирован президиум Академии наук республики. Формальной причиной этого шага, как было заявлено, стало то, что власти не желают иметь в государстве иные должности президента, кроме той, что занимал Ниязов. Попытки создания независимых от власти политических объединений жестко пресекались. Бывшая компартия республики еще в декабре 1991 года была преобразована в Демократическую партию, не имевшую конкурентов в Туркменистане. Председателем партии стал Ниязов. Депутаты парламента, стремясь угодить Ниязову, в конце 1993 года выступили с инициативой продлить срок его президентских полномочий еще на пять лет без выборов, проголосовав за такое решение в парламенте. В ответ на это Ниязов публично высказался за проведение нового референдума, который состоялся 15 января 1994 года. На нем, как и следовало ожидать, 99,99% голосов было отдано за продление полномочий Ниязова до 2000 года [59, с.462].

11 декабря 1994 года состоялись первые за период независимости парламентские выборы. Так же как и на прошлых выборах в Верховный Совет в январе 1990 года, в Туркменистана все 100% избирателей отдали свои голоса за безальтернативных кандидатов единственной публичной политической силы – тогда блока коммунистов и беспартийных, а теперь Демократической партии.

Новый Меджлис, состоящий теперь уже из 50 депутатов (в Верховном Совете их было 175), не играл никакой самостоятельной роли в политике, где все значимые вопросы решались президентом.

Руководство Туркменистана не стало активно внедрять рыночные реформы. Отдельные экономические преобразования проводились под жестким контролем государственных чиновников. Основная ставка делалась на привлечение инвестиций в газовый сектор республики. Обладая огромными запасами дешевого природного газа, Туркменистан рассчитывал за счет его экспорта пополнять государственный бюджет. Однако в первой половине 1990-х годов с экспортом голубого топлива из Туркменистана возникли серьезные сложности. Основной магистральный трубопровод, построенный в советское время, «Средняя Азия-Центр», шел через Узбекистан и Казахстан в Россию. Российское руководство не было заинтересовано в реэкспорте туркменского газа в Европу, так как планировало поставлять на этот рынок собственный газ, а также потому, что сталкивалось со сложностями в оплате поставляемого российского газа в другие страны СНГ. В результате Туркменистан вынужден был довольствоваться поставками своего газа в бывшие союзные республики СССР, которые в силу объективных причин не могли платить должную цену. Тем не менее руководство Туркменистана, получая доходы от продажи природного газа, сделало его поставки собственному населению с января 1993 года бесплатным. Одновременно туркменские дипломаты стали вести переговоры о возможности строительства газопроводов по другим направлениям: в Китай, в Иран, через Афганистан в Пакистан и Индию, через Каспийское море в Турцию и Европу.

Однако эти проекты предполагали огромные инвестиции и поэтому не были реализованы. Удалось построить только трубопровод небольшой пропускной мощности от туркменского месторождения Корпердже в Прикаспии в иранский город Курт-кун. В результате добыча газа в Туркменистане упала более чем в два раза по сравнению с советским периодом. Тем не менее средств, получаемых от продажи газа, нефти и продуктов их переработки, правительству хватало для развертывания строительства многочисленных объектов инфраструктуры, главным образом автомобильных и железных дорог, промышленных предприятий, а также многочисленных административных зданий. Огромное строительство развернулось в столице республики – Ашхабаде: здесь возводилось многочисленные памятники и дворцы. Населению же перепало немного: помимо бесплатного газа правительство разрешило бесплатное пользование электроэнергией (в пределах установленных лимитов) и организовало бесплатную раздачу муки.

Правительство Туркменистана сумело существенно увеличить урожай зерновых, поголовье скота (в республике традиционно специализировались на разведении каракулевых овец и лошадей ахалтекинской породы), неплохие доходы стала приносить текстильная промышленность, основанная на переработке туркменского хлопка.

В то же время в Туркменистане были установлены жесткие полицейские порядки, введена тотальная цензура в СМИ, разрешительный порядок выезда из страны в другие государства. Президент Ниязов являлся единственным в республике учредителем газет. Спутниковое и кабельное телевидение находились под запретом. Доступ в Интернет был существенно ограничен, в республике отсутствовали независимые провайдеры. Правительственными декретами были запрещены опера и балет, закрыты филармония и цирк. Ниязов периодически проводил чистки административных кадров, увольняя большое количество чиновников. Любое подозрение в нелояльности президенту грозило человеку и его родственникам репрессиями. В немилость в разное время попали даже высшие должностные лица – министры иностранных дел Туркменистана А. Кулиев и Б. Шихмурадов.

12 декабря 1995 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию №50/80А «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Власти в Ашхабаде постарались преподнести это как эпохальное, всемирно-историческое событие. В тексте резолюции Туркменистан был провозглашен нейтральным государством, т.е. ООН признала и поддержала провозглашение Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. При этом резолюция содержала характерный для такого рода документов призыв к государствам-членам ООН уважать как этот статус страны, так и ее независимость и территориальную целостность.

По отношению к СНГ Ниязов всегда занимал позицию, характерную скорее для стороннего наблюдателя: более половины принимаемых документов в рамках этой организации Туркменистан просто не подписывал. Президент Туркменистана объяснял это следующим образом: «...на наш взгляд, отношения в рамках СНГ должны строиться на основе максимального учета позиций каждого государства, носить не жестко координирующий, а консультативный характер». Туркменистан отказался от участия в так называемом Ташкентском договоре – Договоре о коллективной безопасности стран Содружества Независимых Государств, который был подписан 15 мая 1992 года всеми центральноазиатскими государствами.

С 1997 года Туркменистан стал мишенью для серьезной критики со стороны международных организаций за нарушение прав человека и отсутствие демократических преобразований. Туркменское руководство отрицало справедливость этих упреков в свой адрес и настаивало на необходимости и обоснованности собственной, туркменской модели демократии [59, с.464].

Независимые годы Узбекистана неразрывно связаны с именем Ислама Каримова – бывшего партийного функционера, пришедшего к власти на волне прекращения так называемых «хлопковых дел». Каримов умело использовал недовольство населения, которое вызывали действия центральных правоохранительных органов в связи с этими процессами. Движение к независимости началось с принятия закона о государственном статусе узбекского языка, принятом 21 октября 1989 года. Следующим шагом стало

избрание Ислама Каримова на пост президента союзной республики 24 марта 1990 года.

В том же году, 29 октября, была одобрена правительственная программа Узбекистана по развитию государства. Подобного рода программы принимались по всему Советскому Союзу. Причинами этого явился коллапс власти в Москве и неспособность коммунистического руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым обеспечить обновление федерации и полноценное развитие рыночных реформ. Основным смыслом правительственной программы Узбекистана заключался в передаче большего объема полномочий по распоряжению ресурсами и прав в сфере хозяйственной деятельности от центра к союзной республике. Движение к независимости сопровождалось полным отказом от советского прошлого, что выразилось нежеланием Каримова одобрить планы Горбачева по заключению нового Союзного договора и быстрого перехода к рыночным принципам функционирования экономики.

Несмотря на явный кризис власти в Советском Союзе, Москва все еще пыталась укрепить свою власть, и 17 марта 1991 года был проведен общесоюзный референдум, основным вопросом которого был вопрос о сохранении Союза ССР. 93,7% принявших в референдуме жителей Узбекистана высказались за сохранение СССР. Однако республиканское руководство добилось включения в бюллетень для голосования еще одного вопроса: «Согласны ли вы с тем, что в обновленный Союз (Федерацию) Узбекистан войдет в качестве равноправной республики?». Данный пункт был поддержан 93,9%-ми проголосовавших избирателей, что было интерпретировано узбекским правительством как поддержка населения курса на независимость. События августа 1991 года заставили Каримова издать указ, согласно которому ему как президенту переподчинялись все силовые структуры, а именно Министерство внутренних дел, внутренние войска, находившиеся на территории Узбекистана и республиканский комитет госбезопасности. После этого события принятие закона о независимости и изменение названия республики на Республику Узбекистан 31 августа 1991 года явилось естественным оформлением независимости.

Несмотря на очевидный коллапс и неспособность руководства Советского Союза сохранить государство, Каримов опасался восстановления контроля Москвы над Узбекистаном. Следствием этого явилось проведение очередного референдума по вопросу о государственной независимости 29 декабря 1991 года, на котором 98,2% принявших участие в голосовании граждан Узбекистана одобрили выбранный руководством курс. Одновременно с референдумом были проведены выборы президента государства. Ислам Каримов со значительным перевесом обошел своего оппонента Мухаммада Салиха (Салоя Мадаминова), лидера демократической партии «Эрк» («Воля») – 86% против 12,3%.

Как отмечает российский исследователь А. Куртов в начале 1990-х на волне преобразований, начавшихся в СССР, возникла и действовала легальная оппозиция. Значительная часть оппозиции была представлена группами научной и творческой интеллигенции, которые еще в 1988 году основали

объединение «Бирлик» («Единство»). Из этой организации позднее выделилась партия «Эрк». По мнению А. Куртова причинами поражения оппозиции в Узбекистане явилось то, что они не были поддержаны русскоязычным населением государства из-за содержащихся в их «в программах и действиях националистических призывов, когда обличительный пафос, направленный против коммунистического тоталитаризма, одновременно распространялся на некоренное население Узбекистана, обвиненное в служении «колониализму»» [59, с. 436].

Успеху оппозиции в начале 1990-х гг. не способствовал и резко усиливавшийся религиозный фактор. Обретение центральноазиатскими государствами независимости совпало по времени с приходом к власти в Афганистане религиозного движения «Талибан», оказывавшие поддержку мусульманским движениям по всему региону. Тяжелое экономическое положение населения и коррупция также подпитывало религиозные настроения населения. Ведущее место среди подобных организаций занимала Исламская партия возрождения. Ее активисты, налажившие связи с рядом неофициальных исламских авторитетов, пытались несколько раз силой сместить муфтия Узбекистана Мухамада Садыка. Основными требованиями исламских активистов было создание государства, основанного на мусульманских ценностях. Наибольшее распространение подобного рода идеи получили в Ферганской долине, где даже были случаи их прихода к власти на местном уровне. Наиболее яркое событие такого рода произошло в городе Намангане (Ферганская долина) в ноябре 1991 года [48, с. 199].

Руководство Узбекистана, в начале мирившееся с деятельностью как светской демократической, так и исламской оппозиции, довольно скоро взяло курс на устранение и той и другой с политической арены государства. На лидеров и активистов оппозиционных организаций обрушились репрессии, попытки выражения, отличного от официального мнения, стали жестоко пресекаться. В январе 1992 года, после развертывания «шоковых» реформ в России, неизбежно отразившихся на уровне жизни и в Узбекистане, в Ташкенте силами правопорядка были подавлены студенческие демонстрации. При этом имелись жертвы, работа многих вузов столицы была временно прекращена, часть студентов принудительно была выслана в другие города, якобы для продолжения учебы в региональных вузах [59, с. 437].

Волнения начала 1992 года вызвало ответные действия со стороны руководства Узбекистана, законсервировавшее демократические реформы и практически вернувшееся к практике однопартийной политической системы. Этой партией стала преобразованная из коммунистической 1 ноября 1991 года Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУ). Численность партии, председателем которой был избран президент Ислам Каримов, составляла 400 тысяч человек. Но не смотря на явные параллели с Советским Союзом, в стране существовал ряд лояльных режиму политических партий – «Ватан тараккиети» («Прогресс Родины», 1992 год), «Адолат» («Справедливость», 1995). Программы этих партий мало чем отличались от программы НДПУ. Также в

отличие от СССР, ни одна из партий не играла решающей роли в политической и хозяйственной жизни государства. Все вопросы в стране решались лично президентом И. Каримовым.

«Закручивание гаек» привело к тому, что функционирование других политических партий и организаций фактически было приостановлено. Отдельным партиям (Партия свободных декхан) не позволили зарегистрироваться, а организации Исламской партии возрождения Узбекистана и партии «Хезболлах» были вынуждены уйти в подполье [48, с.199].

Помимо давления на политические партии, руководство Узбекистана усилило цензуру. Любые проявления несогласия с официальной линией правительства государства пресекались административными мерами – увольнениями с работы, ограничениями передвижения и арестами. Наиболее яркий пример такого давления – вынужденная эмиграция бывшего кандидата в президенты М. Салиха. Салих в 1993 году в Турцию, а затем после давления узбекского руководства на турецкое правительство, был вынужден уехать в Западную Европу.

Реформы были свернуты не только в политической жизни, но и в экономической. Полный контроль со стороны государственной бюрократии над ходом рыночных реформ объяснялось Исламом Каримовым как механизм соблюдения социальной защиты населения. Руководство Узбекистана пыталось избегать радикальных преобразований, чтобы не допустить ухудшения социального положения узбекского народа. Это привело к присутствию существенного социального компонента в экономике, прежде всего в бюджетном финансировании и по многим значимым показателям, связанным со здравоохранением и образованием, Узбекистан опережает своих соседей по Центрально-Азиатскому региону [59, с. 438].

Но излишний патерналистский подход узбекского руководства и его нежелание радикальных реформ привело к отставанию Узбекистана от Казахстана и Кыргызстана по другим важным макроэкономическим показателям. Фактически несформировавшаяся рыночная среда в республике с доминированием коррумпированной государственной бюрократии вынуждало многих инвесторов отказываться от проектов в Узбекистане и переориентироваться на деятельность в соседних государствах. Отдельные крупные проекты, такие как завод по производству автомобилей «УзДЭУавто» в городе Асаке Андижанской области, были редкими исключениями. Большая часть населения Узбекистана традиционно относилась к сельскому хозяйству (от 60 до 80% населения) с его высокой рождаемостью. В результате этого перед руководством страны остро встала проблема создания новых рабочих мест. Для сглаживания остроты социальной проблемы на селе власти пошли на сокращение посевов хлопчатника с 2 млн. до 1,5 млн. га, освободившиеся площади отдавались под посевы зерновых, сахарной свеклы и других продовольственных культур. Шаги по внедрению фермерских хозяйств на селе не давали должной отдачи.

Патернализм узбекского руководства выразился и в запрете вывоза за пределы республики целого ряда товаров, в том числе продуктов аграрного труда и административного регулирования цен на основные продукты питания, коммунальные и транспортные услуги.

Приватизационный процесс в Узбекистане также носил половинчатый характер. Фактически все экономические преобразования в стране проходили под лозунгом «Государство – единственный полномочный реформатор». Первоначально планировалось приватизировать местную промышленность, сферу бытового обслуживания, систему сельхоззаготовок и жилищный фонд. Данный этап завершился к 1994 году, но фактически из 54 тысяч приватизационных предприятий в частные руки перешло только 18,4 тысяч, а остальные модифицировались в акционерные, коллективные и арендные предприятия, в управлении которыми государство по-прежнему могло участвовать в том или ином виде.

Второй этап приватизации начался весной 1994 года. В ходе этого этапа предполагалось формирование открытых акционерных обществ (ОАО), в том числе на предприятиях топливно-энергетического сектора, машиностроения, транспорта и строительства. Всего было создано более тысячи ОАО и свыше 100 тысяч малых предприятий. Однако, хотя в Узбекистане и возникла в результате приватизации многоукладная экономика, государство сохранило в своих руках значительную часть собственности, которая использовалась недостаточно эффективно. 1 июля 1994 года вслед за другими постсоветскими государствами Узбекистан ввел национальную валюту – сум.

Узбекистан одним из первых в Центральной Азии принял конституцию суверенного государства, которая была принята 8 декабря 1992 года на XI сессии Верховного Совета. Помимо прочего изменения касались законодательной власти – вместо Верховного Совета было предусмотрено создание 250-местного однопалатного парламента – Олий мажлиси. И уже 25 декабря 1994 года состоялись первые выборы, явка на которых составила 93,6%. Кандидатов в депутаты могли выдвигать как политические партии, так и местные органы власти, так называемые хокимияты. Так как оппозиционные политические партии к этому времени в Узбекистане были устранены с политической арены, парламент оказался полностью сформирован из депутатов, лояльных президенту Каримову. 120 депутатов были представлены хокимиятами, 69 – от НДПУ, 47 – от партии «Адолат», 14 – от партии «Ватан тараккиети» [59, с. 438].

Каримов одним из первых глав государств Центральной Азии взял курс на пролонгацию срока своей президентуры. 26 марта 1995 года состоялся республиканский референдум по продлению полномочий Каримова на срок с 1997 по 2000 год. Президентская форма правления в Узбекистане тем самым получила очевидную личностную окраску.

Опорой новой власти в Узбекистане стала система органов махаллинского (общинного) управления. 22 октября 1992 года был создан благотворительный фонд «Махалля». Из государственного бюджета Узбекистана ежегодно на

нужды махаллинского управления выделялись значительные суммы. Ряд штатных должностей (председатели и секретари) в махаллинских комитетах были платными. За короткий период в республике были созданы свыше 12 тысяч махаллинских комитетов. Феномен махали как территориальной общины среднеазиатского города известен много веков. Махалля далеко не случайно была выбрана властями Узбекистана в качестве ключевого института низового управления. Она позволяла контролировать не только умонастроения, но и саму жизнь граждан при помощи традиций. Внутри махали поддерживался определенный распорядок, за соблюдением которого следили старейшины. Процессы социализации личности в условиях махалли протекали, таким образом, в формах, детерминированных обрядами и обычаями узбеков и других среднеазиатских этносов. Одновременно махалля давала уникальный шанс для жестокого полицейского контроля со стороны государства за жизнью граждан.

Подводя итоги ретроспективного анализа развития стран региона с момента обретения независимости и до 1999 года, мы пришли к выводу о том, что к указанному рубежу центральноазиатские государства подошли как признанные равноправными (как минимум формально) члены международного сообщества во главе с достаточно централизованными правящими режимами авторитарного типа, способными без прямого насилия подавлять значительную часть противоречий внутри своих обществ, но не обладающими возможностями по формированию устойчивой рыночной экономики и эффективному управлению государством, в частности по борьбе с коррупцией.

2 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999-2007 ГГ

2.1 Социально-экономическое развитие государств Центральной Азии в 1999-2006 гг. в динамике макроэкономических показателей

Анализ социально-экономического развития государств Центральноазиатского региона (далее Центральной Азии), в российской традиции именуемого Средней Азией, посредством инструментов статистики представляет определенную сложность, прежде всего из-за различий в подборе данных и их предоставлении соответствующими службами государств региона.

Структуры экономик Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана схожи – большая роль сельского хозяйства, отсутствие полного самообеспеченности нефтью, значительная доля бедного населения. Все три страны являются значимыми торгово-экономическими партнерами Казахстана и предоставляют существенный интерес как потенциальное поле внешних инвестиций растущего казахстанского бизнеса.

Несмотря на значительные сходства с этими тремя странами, экономики Казахстана и Туркменистана отличаются относительно более высокими показателями социального развития, которые обеспечивает их положение чистых экспортеров сырой нефти, а также меньшей плотностью населения. Кроме того, статистическая служба Туркменистана уже длительное время не предоставляет широкого доступа к своей национальной статистике и поэтому объективное изучение динамики социально-экономического развития этой страны на данном этапе представляется крайне затруднительным.

Хронологические рамки проведенного нами анализа определены по критерию наличия непрерывного экономического роста, который последовал вслед за падением макроэкономических показателей 1998 г., что в свою очередь было вызвано влиянием финансового кризиса в России. Кроме того, по времени данный период примерно попадает в период включающий двух электоральных циклов (1999-2000 гг. и 2004-2006 гг.), в промежутке между которыми правящие режимы имели конституционный мандат на управление своими государствами и их хозяйственными системами. То как они распорядились этим мандатом, не в последнюю очередь проявило себя в событиях весны 2005 г.

Далее мы рассмотрим в динамике за восемь лет несколько групп основных макроэкономических показателей: валовой внутренний продукт, объем промышленного и аграрного производства, показатели внешней торговли, объемы прямых иностранных инвестиций, индекс потребительских цен (инфляция), уровень безработицы и бедности.

Анализ макроэкономических данных показывает, что страны Центральной Азии пережили в это время заметный экономический рост. Однако он в недостаточной степени стимулировался внутренними факторами, в то время как внешние факторы сыграли весьма значительную роль. К ним относятся

высокий спрос на мировых рынках в период благоприятной глобальной конъюнктуры на узкий круг традиционных экспортных товаров стран Центральной Азии и значительно возросший объем денежных переводов от трудовых мигрантов, работавших в России и Казахстане.

Самой крупной из трех сопоставляемых является экономика Республики Узбекистан (РУ). Объемы экономик Кыргызской Республики (КР) и Республики Таджикистан (РТ) примерно равны (см. таблицу 1).

На душу населения самый низкий ВВП – в Таджикистане. В Узбекистане и Кыргызстане они примерно равны. В целом, по показателю ВВП на душу населения, все три страны относятся к числу беднейших не только среди стран СНГ, но и по общемировым критериям.

Таблица 1 – Общий объем ВВП в текущих ценах (2005 г.)

	ВВП (в млрд. долл.)	ВВП на душу населения (в долл.)
Узбекистан	12,8	492
Кыргызстан	2,2	423
Таджикистан	2,2	319

Рассматриваемый период в странах Центральной Азии характеризуется экономическим ростом, выражаемый в постоянном увеличении ВВП. Подобная ситуация является отражением общей динамики развития всего постсоветского пространства. Данный рост можно, безусловно, рассматривать как восстановительный по отношению к падению 1990-х гг., поскольку лишь Узбекистан смог восстановить объем своего производства товаров и услуг до уровня советского времени.

Исключение из общей картины роста составила ситуация в Кыргызстане в 2002 и 2005 гг., когда ВВП государства оставался фактически на уровне предыдущего года. Несмотря на то, что на оба указанных года пришлись периоды внутривнутриполитических дестабилизаций (последствия расстрела демонстрации в с. Аксы и события «тюльпановой революции»), реальной причиной ухудшения экономической ситуации явилось сокращение объемов добычи золота в стране. Это наглядно свидетельствует о чрезмерной зависимости кыргызской экономики от одной отрасли.

Более предсказуемой является динамика увеличения ВВП Узбекистана. Существенный рост его темпов с 2004 г. представляется результатом ряда относительно успешных реформ рыночного характера, прежде всего восстановления свободной конвертации иностранной валюты.

Таджикистан лидирует в регионе по темпам роста ВВП. Помимо относительно грамотной макроэкономической политики правительства в рассматриваемый период, данный факт объясняется также и низкой базой роста, отражавшей тяжелые последствия гражданской войны 1990-х гг.

Как видно из графика, на протяжении всего изучаемого периода динамика изменения ВВП Республики Узбекистан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистане была позитивной. Данные по Туркменистану не оценивались из-за их недостатка и непрозрачности, примером чего является непредставление этой страной сведений в Статистический комитет СНГ [60].

Из представленного ниже графика также видно, что в 2004 г. был достигнут наиболее высокий рост экономик Центральной Азии, после чего последовало некоторое замедление его темпов.

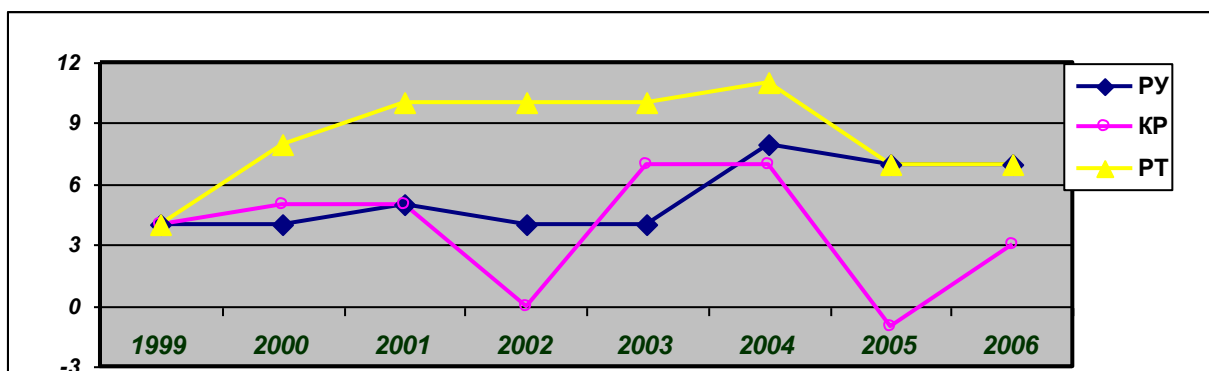

Рисунок 1 – Динамика роста ВВП [61]

Развитие промышленности в Центральной Азии в рассматриваемый период в целом характеризуется тенденциями роста, что, возможно, говорит о некотором восстановлении индустриального потенциала региона.

Наиболее неустойчивой является динамика развития промышленности в Кыргызстане. Связано это, как отмечалось выше, с деятельностью золотодобывающей отрасли страны, а точнее месторождения «Кумтор». Влияние авария на производстве, из-за которой в 2002 г. пришлось приостановить на время добычу «желтого металла», а также быстрое истощение запасов месторождения, проявившее себя в последние два года, привели к более чем десятипроцентному падению объемов промышленного производства в соответствующие годы. Это наглядно демонстрирует мизерный объем индустриального сектора Кыргызстана и его прямую зависимость от одного единственного добывающего предприятия.

Темпы роста промышленности в Узбекистане и Таджикистане за последние семь лет колебались в пределах от 3% до 15%. Довольно неплохие результаты связаны с расширением спроса (как в мире, так и на постсоветском пространстве) на основные для этих двух стран экспортные товары – на золото, газ, автомобили в Узбекистане и на алюминий в Таджикистане.

Темпы роста в аграрном секторе в целом по региону в рассматриваемый период также были высокими. Лишь в уже привычно выделяющемся Кыргызстане аграрное производство в 2005 г. сократилось на 4%. Это может быть связано с «революционным синдромом» с неопределенностью в отношениях собственности на земли сельскохозяйственного назначения.

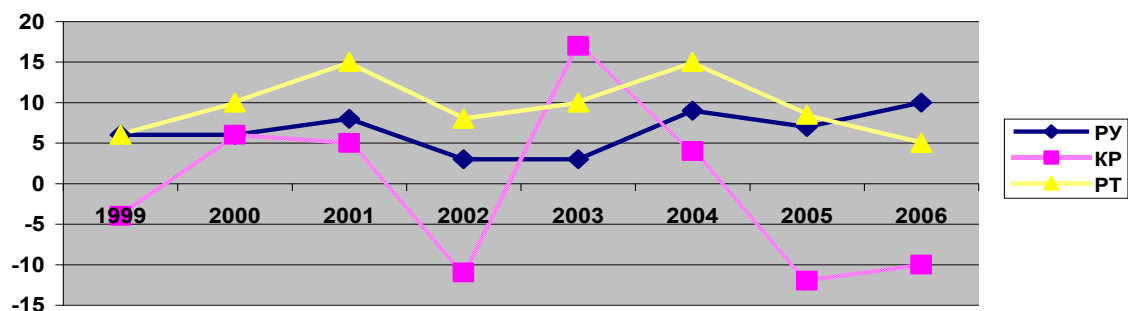

Рисунок 2 – Динамика индекса промышленного производства, % [61]

Для соотношения роста отрасли в двух других странах Центральной Азии применимы те же закономерности, что и для промышленности и всей экономики в целом, т.е. более высокие темпы в Таджикистане, объясняемые низкой стартовой базой роста, и немного более «однообразные» показатели в Узбекистане, которые являются отражением консервативной экономической политики правительства И. Каримова.

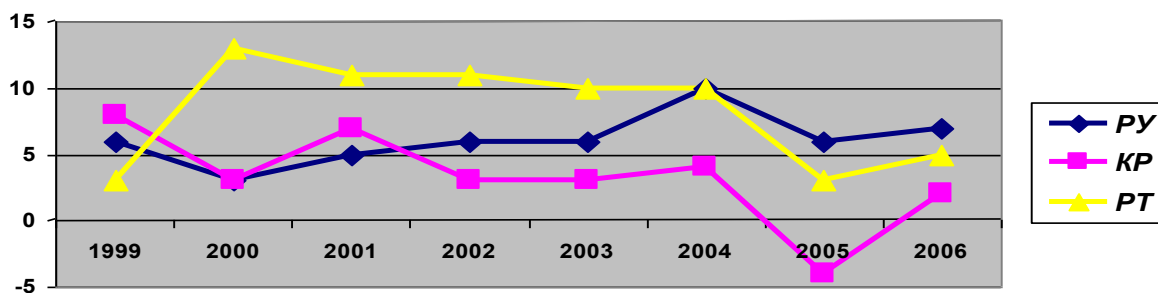

Рисунок 3 – Динамика индекса сельскохозяйственного производства (в %) [61-62]

Индекс потребительских цен в трех странах Центральной Азии имеет немного отличную друг от друга динамику. Огромная по современным меркам инфляция выше 20%, унаследованная от предыдущего десятилетия держалась до 2002 г. Наименьший рост цен (менее 10% во всех странах) был зафиксирован в 2004 г., после чего инфляция вновь немного выросла.

Наиболее успешно инфляционные процессы контролируются в Кыргызстане. В период социально-политической нестабильности в стране после «тюльпановой революции» ее темпы выросли с 3,7% до 4,9%, что все равно является наиболее низким показателем среди стран СНГ. В Таджикистане после высоких темпов инфляции в годы, последовавшие за окончанием гражданской войны, правительству удалось снизить инфляцию сначала до 12-17% в 2002-2003 гг., а затем до 7%-10% в последующие три года.

Большие сложности вызывает оценка инфляции в Узбекистане в рассматриваемый период. Контроль над инфляцией за счет жесткого ограничения оборота наличных денег в экономике является краеугольным камнем финансовой политики узбекского правительства. В стране в первое десятилетие XXI века, по-прежнему, сохранялась разница между официальным и рыночным курсом сума. В этих условиях, официальные показатели инфляции вызывают сомнение у многих международных экспертов. В частности, по расчетам МВФ в 2005 г. инфляция в Узбекистане составила как минимум 21%, в то время как правительство заявило, что цены в среднем возросли лишь на 7%. Однако никто не оспаривает, что после введения конвертации национальной валюты в 2003 г. действительно произошло значительное сокращение инфляции.

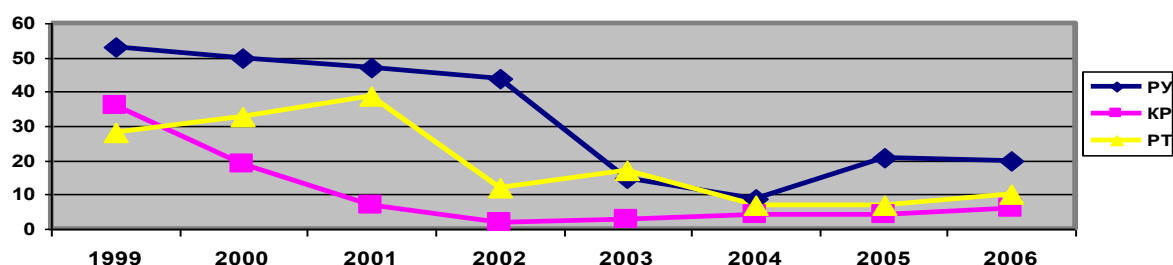

Рисунок 4 - Динамика Индекса потребительских цен (в %) [63]

Наибольший внешнеторговый оборот из трех стран имеет Узбекистан. Несмотря на членство в ВТО, внешнеторговый оборот Кыргызстана меньше, чем у Таджикистана, с которым у него одинаковые по размеру экономики. Положительное сальдо внешнеторгового баланса наблюдается только в Узбекистане.

Таблица 2 – Показатели внешней торговли за 2005 г. [64].

	Внешнеторговый оборот (млрд долл.)	Экспорт (млрд долл.)	Импорт (млрд долл.)
Узбекистан	8,4	4,7	3,7
Таджикистан	2,2	0,9	1,3
Кыргызстан	1,8	0,7	1,1

В первой половине рассматриваемого периода (1999-2002 гг.) положительная динамика экспортной активности была присуща лишь Таджикистану, хотя даже в этом случае имело место ее сокращение в 2001 году. Экспорт из Узбекистана в это время неуклонно сокращался, что можно

объяснить действием ограниченной конвертации сума и сокращением торговых связей со странами СНГ в силу определенных политических разногласий между ними.

В 2003-2004 гг. во всех трех странах наблюдалось резкое увеличение экспорта (от 8% до 34%), гораздо более значительное, нежели рост ВВП. Данный факт, на наш взгляд, демонстрирует его прямую связь с общим экономическим ростом в регионе. Снижение темпов роста в Узбекистане, а в других странах - сокращение экспорта привело к ухудшению динамики общего роста экономик Центральной Азии в 2005 году.

Значительный рост после 2003 г. в Узбекистане, как экспорта, так и импорта, демонстрирует, что именно на внешней торговле и экспортоориентированных отраслях экономики введение конвертируемости сума сказалось наиболее позитивно.

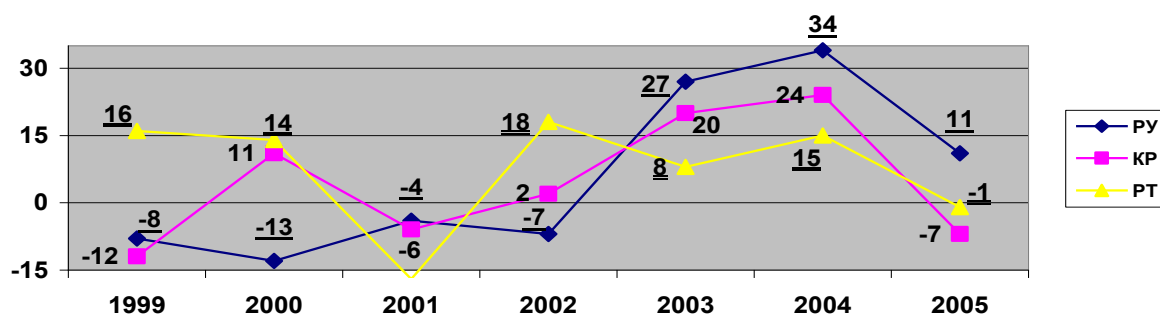

Рисунок 5 – Динамика роста экспорта (в %) [64, р.196]

Для импорта товаров и услуг в страны Центральной Азии характерна точно такая же закономерность, что и для экспорта – сокращение в первой половине периода (до 2002 г.) и резкий рост во второй. Очевидно, что это объясняется увеличением денежной массы в Центральной Азии благодаря увеличению доходов от экспорта, денежных переводов от трудовых мигрантов и, не исключено, от наркотранзита. В период после 2003 г. импорт товаров в Таджикистан и Кыргызстан растет быстрее экспорта, в то время как в Узбекистане его расширение носило более сбалансированный характер.

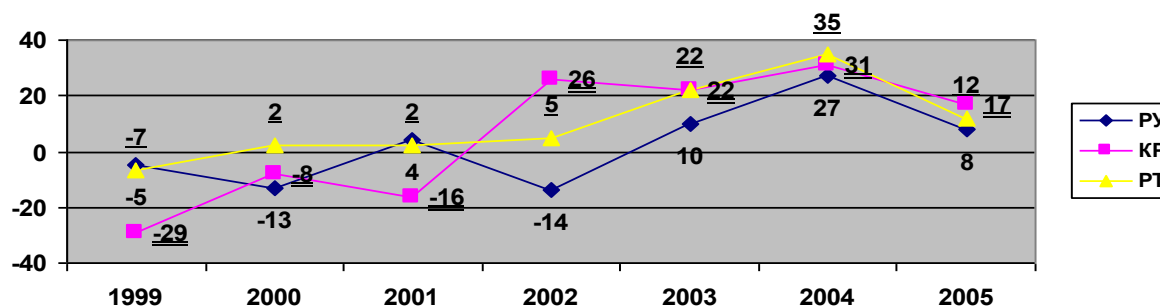

Рисунок 6 – Динамика роста импорта (в %) [64, с. 200]

В условиях недостатка собственных материально-финансовых ресурсов страны Центральной Азии активно нуждались в притоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Накопленные за полтора десятилетия независимости ПИИ составляют у Узбекистана 964 млн. долл. США, а в Кыргызстане и Таджикистане – одинаковую сумму в 522 млн. долл. США. При этом нужно учитывать, что узбекская экономика больше своих соседей примерно в шесть раз.

Наиболее наглядным, на наш взгляд, является показатель доли накопленных ПИИ от ВВП. В этом отношении Узбекистан является аутсайдером не только среди сравниваемых стран, но и на всем постсоветском пространстве (меньше лишь в Беларуси и в Туркменистане), а по уровню ПИИ на душу населения и вовсе занимает последнее место. Показатели Кыргызстана и Таджикистана на порядок лучше, но и они уступают среднемировым показателям.

Таблица 3 – Соотношение накопленных ПИИ к ВВП (в %) [58, с. 317]

	2000 г.	2005 г.
Узбекистан	5,1	8,2
Кыргызстан	32,6	21,4
Таджикистан	14,4	22,6

«Мировой отчет по инвестициям», опубликованный в 2006 году ЮНКТАД, предоставляет данные лишь о периоде с 2002 г. Согласно его данным в 2004 г. наблюдался значительный рост ПИИ в экономики трех стран, особенно в Таджикистане (в 9 раз). Подобные изменения могут быть связаны с активизацией российского бизнеса в Центральной Азии – в топливно-энергетическом и горнодобывающем секторах, металлургии, на рынке сотовой связи. В целом, резкие колебания (более чем 3-х кратная разница) в ежегодных объемах ПИИ свидетельствует об их зависимости от весьма небольшого количества проектов.

Ни одна из трех стран не обладает суверенным рейтингом инвестиционного уровня от международных рейтинговых агентств (Moody's, Fitch, Standard & Poor's). Инвестиционная активность в регионе предполагает большие риски. Кроме российских компаний, привыкших работать в жестких условиях постсоветских рынков и получающих определенное политическое прикрытие, иностранные инвесторы не готовы вкладывать средства в экономики Центральной Азии.

По оценкам большинства экспертов, низкий уровень жизни, выражаемый в показателях социального развития, является главным источником угроз политической стабильности в странах Центральной Азии.

Одной из наиболее значимых проблем в рассматриваемый период является проблема масштабной безработицы в изучаемых государствах, особенно среди

молодежи. Реально оценить ее масштабы на сегодня представляется невозможным.

Таблица 4 – Объем ПИИ в экономику, млн. долл. [58, p.302]

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Узбекистан	65	70	1	45
Кыргызстан	5	46	175	47
Таджикистан	36	32	272	54

Значительная часть трудовых ресурсов задействована в теневой экономике, где занятость документально не регулируется. Данная категория людей именуется в официальных текстах «самозанятыми». Кроме того, от полутора до трех миллионов граждан Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, находятся в трудовой миграции на территории России, Казахстана, Южной Кореи и других стран.

По мнению экспертов, объективно определить «безработного» в странах Центральной Азии невозможно. Поэтому любая статистика по количеству безработного населения в регионе вызывает обоснованную критику.

Согласно данным, озвученным Министром труда и социальной защиты Таджикистана, в России на сезонных заработках находятся 562 тысячи таджикских трудовых мигрантов. С учетом наличия упомянутых министром 4 миллионов человек, принадлежащих работоспособного населения и наличия около 2 миллионов рабочих мест в Таджикистане, можно предположить, что к категории безработных относятся от одного до полутора миллиона (как минимум четверть работоспособных граждан страны). Примерно такие же выводы вполне можно экстраполировать и на Узбекистан с Кыргызстаном.

Таблица 5 – Количество граждан, зарегистрированных безработными (тысяч человек) [62, 65-66]

	2002	2003	2004	2005
Узбекистан	*	36,9	39,2	*
Кыргызстан	60,2	57,4	58,2	62,8
Таджикистан	*	43,0	39,0	*

По классификации Всемирного Банка, все три страны относятся к категории стран с низким уровнем доходов населения. К сожалению, нам оказались доступными статданные по этому вопросу лишь за период 2001-2004 гг.

Согласно статистике программы МВФ по сокращению бедности, в рассматриваемый период в странах Центральной Азии наблюдалось сокращение ее уровня: незначительное – в Узбекистане и Таджикистане, и более существенное – в Кыргызстане. Политика Кыргызстана в

рассматриваемый период выглядит как наиболее социально ориентированная. Сведения по Узбекистану вызвали некоторые сомнения в их объективности, поскольку при сборе данных для исследования по этой стране, эксперты МВФ опирались на сведения правительственных ведомств, заинтересованных в занижении доли бедного населения в стране.

В целом, данный обзор показывает, что в условиях относительно благоприятной общей конъюнктуры мирового и регионального рынков, динамика изменения макроэкономических показателей развития государств Центральной Азии в рассматриваемый период отличались довольно высокими темпами роста. Единственное исключение составила экономика Кыргызстана образца 2002 г. и 2005 г. Определенное положительное влияние на общерегиональную динамику роста оказало восстановление свободной конвертации национальной валюты в Узбекистане в 2003 г., что в комплексе с другими благоприятными факторами конъюнктуры рынка, привело к расширению промышленного и аграрного производства, внешнеторговой деятельности.

К сожалению, по мнению большинства экспертов, наблюдавшийся в данный период рост базировался в основном на расширении отдельных экспортоориентированных производств (золото, алюминий, природный газ, автомобили), а не на увеличении внутреннего потребления, и поэтому не может считаться признаком устойчивости экономического прогресса в регионе.

Следует отметить, что вслед за самым успешным в экономическом отношении за десятилетие 2004 годом, последовал год наибольших на сегодня социальных потрясений в истории независимых Кыргызстана и Узбекистана – «тюльпановой революции» и вооруженного мятежа в Андижане. Связь между успешными макроэкономическими показателями и этими событиями, безусловно, непрямая. Свою роль здесь сыграло прежде всего влияние связанной с очередным электоральным циклом серии «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Однако необходимо признать и определенное влияние того факта, что экономический рост в рассмотренных странах совпал со времени, а возможно и частично явился следствием еще более значимого роста деловой активности в России и в Казахстане. Эти две страны являются двумя ближайшими рынками труда, к которым граждане стран Центральной Азии имеют относительно свободный доступ благодаря безвизовому режиму. Помимо положительной роли вливания денежных средств от трудовых мигрантов, свое негативное для правящих режимов региона влияние имела и возможность наглядно сравнить относительное улучшение ситуации в своих странах с повышением благосостояния россиян и казахстанцев.

Подобные невыгодные для стран Центральной Азии параллели лишь усилили недовольство определенных категорий граждан своими правительствами. Это способствовало укреплению оппозиционных настроений в обществе и в той или иной степени проявилось в событиях весны 2005 г. В Таджикистане свои потрясения уже прошли в 1990-х, и общество не готово

перенести их снова, поэтому антиправительственные группы проявили себя успешно лишь в Кыргызстане и (по крайней мере, громко заявили о себе) в Узбекистане.

В целом, объективная ограниченность ресурсно-сырьевой и промышленной базы, слабая диверсификация народного хозяйства, крайняя ограниченность инвестиций по причине масштабной коррупции, а также сохраняющиеся из-за сложного социально-экономического положения в этих странах угрозы политической дестабилизации, к сожалению, не позволяют в кратко- и среднесрочной перспективе рассчитывать на значимый прорыв в их экономическом развитии.

2.2 Экономическое развитие Кыргызстана в 1999-2007 гг

Несмотря на преобладающее в широких кругах мнение о глубоком кризисе хозяйственной системы Кыргызстана в начале 2000-х гг., статистика демонстрирует рост подавляющего большинства индикаторов экономического развития. В то же время, многие аналитики отмечают, что кризисное состояние кыргызской экономики характеризуется не отсутствием роста производства товаров и услуг, а общей социальной нестабильностью и низким качеством предпринимательской среды.

Основными отраслями экономики Кыргызстана являются сельское хозяйство (дает свыше трети ВВП, в нем занята большая часть экономически активного населения), сфера услуг и промышленность (менее 20% ВВП и всего 6% занятых). В последней преобладающее значение имеют горнодобывающая, легкая, пищевая отрасли и электроэнергетика.

Несмотря на ряд кризисных явлений, таких как начало масштабного «передела собственности» и других явлений, характеризующихся как «революционный синдром», в целом Кыргызстану в 2005 г. удалось справиться с реальной угрозой резкого падения экономических показателей. Основные макроэкономические индикаторы остались на уровне предыдущего года, а ряд из них вырос. В то же время ухудшились некоторые важные показатели, такие как индексы промышленного и сельскохозяйственного производства, потребительских цен, однако в целом эти негативные тенденции не являются решающими.

По данным Нацстаткома, ВВП Кыргызстана в 2005 г. сократился на 0,6%. Из трех основных секторов экономики, сократились объемы производства в промышленности и сельском хозяйстве, в то время как сектор услуг удержал тенденцию роста своих показателей в последние годы [66].

Сильнее всего на отсутствии роста ВВП сказался тот факт, что промышленность в Кыргызстане в 2005 г. произвела продукции на 12,1% меньше, чем в предыдущем году. По сравнению с показателями 2004 года в горнодобывающей отрасли отмечено снижение на 14%, а в обрабатывающей – на 16%.

На падение показателей промышленности повлиял, прежде всего, несвязанный с «революционным синдромом» и предсказывавшийся ранее спад

добычи золота на главном месторождении страны «Кумтор». В 2005 г. добыча на предприятиях «Кумтора» сократилась на четверть, причиной чего являются исключительно технологические факторы исчерпания запасов месторождения. Объемы промышленного производства на всех других предприятиях составили 97% от уровня предыдущего года.

В 2005 г. валовой выпуск аграрной продукции по сравнению с 2004 годом снизился на 4,2%. В частности производство зерна сократилось на 6%, а мяса на 12,2%.

Объемы строительства выросли на 0,8%. В сфере услуг рост составил 5,7%. Можно заключить, что именно развитие сервисного сектора помогло удержаться стране от более значительного сокращения ВВП.

Экспорт продукции из Кыргызстана составил 96,4%, а импорт - 109,9%. Отрицательное торговое сальдо страны увеличилось и достигло 285 млн. долл. США.

Из-за страха потенциальных отдыхающих перед социально-политической нестабильностью, общее число туристов, посетивших страну после «мартовской революции», сократилось на 44%. Доходы от посещения Кыргызстана традиционно доминирующей группой отдыхающих из стран СНГ упали на 11,5%. Общие доходы государства от туристических услуг сократились всего на 4,8%. Разницу в сокращении доходов можно объяснить увеличением на 11,9% количества гостей из других стран, которые тратят большее количество денег в стране, чем отдыхающие из стран СНГ.

Достижением кыргызского правительства до недавнего времени можно было считать удержание наиболее низкого среди всех стран СНГ уровня инфляции. Тем не менее, с марта 2005 г. индекс потребительских цен вырос с 3,2% до 4,9%. Наибольший рост цен пришелся на стратегические для населения товары – газ (6,8%), мясо (11,4%), ГСМ (21,2%), овощи (37,4%).

В последние месяцы 2005 года экономика Кыргызстана демонстрировала признаки оживления. В январе-феврале 2006 г. реальный рост ВВП составил 3,2%, что ненамного ниже показателя аналогичного периода предыдущего года (3,5%).

В промышленности 2006 г. произошло снижение производства на 5% (год назад - 4,5%) относительно 1,5%-ного снижения, предусмотренного в правительственной Программе ускоренного экономического роста. Однако рост промышленности без учета золотодобычи составил 12,5% (3,2% в 2005 году).

Несмотря на снижение производства золота (на 25%), в январе-феврале 2006 г. в стране сложились опережающие темпы роста экспорта (более 46%) над ростом импорта (21%). В целом внешнеторговый оборот в январе 2006 года составил 165,5 млн. долл. США и вырос на 29,4%. Отрицательное сальдо торгового баланса сложилось примерно на уровне показателей годичной давности и составило 47,9 млн. сомов (1,17 млн. долл. США).

Правительство в качестве основного достижения своей экономической политики приводит повышение на 11% поступлений в госбюджет. В основном оно было обеспечено увеличением на 20% таможенных сборов.

В 2005 г. последствия послереволюционной нестабильности сказались сильнее всего на промышленности и сельском хозяйстве, в которых уменьшились объемы производства. В начале 2006 г. экономика Кыргызстана демонстрирует некоторые признаки оживления (рост ВВП 3,2%).

В 2005-2006 гг. Кыргызстан переживал период жесткого передела собственности. Первыми его сигналами стали массовые факты мародерства в г. Бишкек в течение следующих суток после свержения власти А. Акаева и массовые захваты земли в марте-апреле 2005 г. непосредственно в г. Бишкеке и его пригородах.

Если мародерство и захват земель можно было списать на нерешенные социальные проблемы и напряженную обстановку, то продолжающиеся случаи передела государственной и частной собственности крупными бизнесменами, политиками и криминальными структурами, свидетельствуют о серьезной болезни института собственности в Кыргызстане.

Несмотря на то, что процесс приватизации в Кыргызстане был завершен еще в конце 1990-х гг., институт частной собственности остается очень слабым. В Кыргызстане почти не практикуются такие рыночные методы получения собственности, как цивилизованное слияние фирм и корпораций, перекупка контрольного пакета акций или передача собственности в счет долговых обязательств.

Показательно, что около 50% преступлений, совершенных в стране в 2005 г., по данным правоохранительных органов, связано с посягательством на собственность граждан. Для страны, находящейся в глубоком экономическом кризисе, беззаконие в области прав собственности является серьезной угрозой социальной стабильности.

В условиях разрушения «акаевской» системы патроната и возникновения вакуума власти на всех уровнях в государстве, новой правящей элите стало невыгодно ускоренное создание законодательной и силовой защиты частной собственности и капитала от произвольных атак со стороны третьих сил и органов самого государства.

Примером участия групп, пришедших к власти после «мартовской революции», в переделе собственности стала деятельность Госкомиссии по определению движимого и недвижимого имущества, принадлежащего семье экс-президента А. Акаева. Комиссия, возглавляемая тогдашним вице-премьером Д. Усеновым, составила к июню 2005 г. список из 178 предприятий (первоначально 42), подлежащих проверке. В ходе расследования звучали многочисленные заявления о том, что Д. Усенов, сам крупный бизнесмен, использовал Комиссию как средство давления на законных владельцев для извлечения собственных выгод.

Практика использования «политической крыши», которая давала возможность выжить многим предприятиям в период правления А. Акаева, с падением его режима превратило эти самые объекты в очень удобные мишени для захвата. Характерным примером этого является борьба за контроль над единственным оператором сотовой связи GSM-стандарта в Кыргызстане

«Бител». По ходу юридического спора о принадлежности компании возникли трудноразрешимые противоречия между решениями министра юстиции и его заместителя, а также судов различных инстанций. Все это иллюстрирует прямую заинтересованность высокопоставленных чиновников в разрешении хозяйственных конфликтов.

Фактором, отрицательно влияющим на отношения собственности в Кыргызстане является то, что политики и бизнесмены здесь не являются отдельными друг от друга категориями. Участие во власти ценится сегодня, прежде всего, тем, что оно обеспечивает доступ к экономическим выгодам. Почти все кыргызские чиновники имеют бизнес, а все крупные бизнесмены сидят в парламенте.

Вовлеченности чиновников в передел собственности способствует чрезмерное вмешательство госорганов в экономику и обилие контролирующих функций государства при формально провозглашенном курсе либерализма и невмешательства в экономику. В результате доля «теневой» экономики достигает, по разным оценкам, от 25% (официальная оценка Нацстаткома) до 60% (оценки независимых экспертов). Это оставляет «теневых» предпринимателей уязвимыми для полуправовых способов отъема собственности.

Нередко споры вокруг собственности сопровождаются насилием и убийствами. Распространенной практикой в Кыргызстане стало то, что для продвижения своих интересов участники хозяйственных споров организуют наемных пикетчиков для создания видимости «справедливого недовольства народа» на своей стороне. При этом налицо отсутствие адекватной реакции государства на случаи откровенного нарушения законов страны.

Крупнейшими объектами собственности, в которых процесс смены владельцев после «тюльпановой революции» сопровождался применением открытого насилия и практики «рейдерства» (захват предприятия с использованием пробелов в законодательстве, административного ресурса и силового давления), были Карасуйский рынок в Ошской области, месторождение угля Кара-Кече, оператор сотовой связи «Бител», телерадиокомпания «Пирамида», четырехзвездный гостиничный комплекс «Пинара» в г. Бишкеке.

«Послереволюционный» передел собственности в Кыргызстане имел для страны целый ряд отрицательных последствий: 1) Практика решения бизнес-вопросов с применением административного и силового давления повторяет ситуацию при режиме А. Акаева. 2) Корыстное вмешательство госорганов в бизнес, а также неисполнение государством его обязательств по обеспечению верховенства закона, пугают существующих и потенциальных инвесторов в экономику страны.

Большинство крупных иностранных инвесторов в Кыргызстане объединено в Международный Деловой Совет (МДС). По результатам его

исследования, опубликованного в феврале 2006 г., инвестиционный климат в стране оценивался участниками опроса как крайне неблагоприятный.

Основное негативное влияние на инвестиционный климат оказывает общая социально-политическая нестабильность в стране. 55% респондентов уверены, что условия для ведения бизнеса в Кыргызстане ухудшились даже по сравнению с рекордно низкими показателями первых послереволюционных месяцев.

Инвесторы отмечают резкое падение качества деловой среды: в доступе к финансам, правовой среде, общественном управлении, регулировании, налогообложении и таможенном контроле. Многие из них указывают на чрезмерную бюрократическую волокиту при оформлении разрешений на ведение предпринимательской деятельности на территории Кыргызстана.

Среди рисков, влияющих на инвестиционный климат в стране, эксперты и сами инвесторы называют несколько основных:

- социально-политическая нестабильность в государстве,
- связанное с противостоянием ветвей власти неверие в устойчивость и долгосрочность тандема «Бакиев-Кулов»,
- неспособность руководства страны обуздать стихийную активность населения, выливающуюся в «самозахваты» чужой собственности,
- активность организованной преступности, рвущейся во власть, - высокий уровень коррупции (согласно «индексу восприятия коррупции» 2006 г., публикуемому организацией Transparency International, Кыргызстан вошел в число 30 наиболее коррумпированных государств из 159 стран мира),
- отсутствие у страны кредитного рейтинга инвестиционного уровня.

Уход из страны имеющихся инвесторов грозит Кыргызстану приходом авантюристов или ставленников местной бюрократии, которые будут уводить из страны собственность и капитал под видом иностранных инвестиций.

Страна без существенных собственных ресурсов сильно зависит от их внешнего притока, и при нынешней социальной напряженности и экономической ситуации проблема ухудшения инвестиционного климата не должна недооцениваться властями.

Сложность ситуации фактически признает и президент К. Бакиев. На заседании правительства 14 февраля 2005 г. он заявил о необходимости «исправлять инвестиционный имидж» Кыргызстана.

В экономике Кыргызстана в целом преобладают частные собственники. За годы функционирования рыночной экономики малый и средний бизнес приобрел определенную степень устойчивости. Несмотря на огромные убытки во время массовых беспорядков в г. Бишкеке 24-25 марта 2005 г., которые составили, по оценкам Международного Делового Совета Кыргызстана, более 100 млн. долл. США, торговый бизнес смог восстановиться на удивление быстро.

Инвестиционный климат в Кыргызстане после «тюльпановой революции» характеризовался высокой волатильностью. Продолжение социально-политической нестабильности, активное участие новых властей в «переделе

собственности», активизация организованной преступности создают неуверенность среди инвесторов, как иностранных, так и внутренних.

Уровень бедности в Кыргызстане, по данным Нацстаткома, составляет 44,4%. По мнению специалистов Всемирного Банка, пик бедности в стране был пройден в 1999 г., когда соответствующий показатель составлял почти 60%. Согласно официальной статистике, в последние годы наблюдалась тенденция на сокращение доли бедных слоев населения. Однако, естественно, это не способно за короткое время решить проблемы почти двух миллионов бедных кыргызстанцев, что показал социальный бунт в марте 2005 г.

В то же время, на встрече с делегацией МВФ 28 февраля 2006 г. президент К. Бакиев заявил, что доля бедного населения в Кыргызстане составляет не менее 56%. По его мнению, за последние годы бедность сократилась отнюдь не столь значительно, как это показывали отчеты Программы МВФ по сокращению бедности. Эти отчеты в основном использовали данные, предоставленные предыдущим кыргызским правительством.

Из-за крайне сложной ситуации с занятостью в Кыргызстане, постоянно увеличивается трудовая миграция граждан в другие страны СНГ, а также в дальнее зарубежье. В 2005 г. по разным данным, от 300 до 700 тысяч кыргызских граждан, или примерно четверть трудоспособного населения страны, находилась на заработках в России и Казахстане.

При этом трудовые мигранты приносят существенное вливание денежных средств в страну. В 2004 году в Кыргызстан только по системе «Вестерн юнион» от трудовых мигрантов поступило 160 млн. долл. США, за 6 месяцев 2005 года - 124 млн. долл. США.

Новое кыргызское правительство проявляет большее понимание роли трудовой миграции в решении проблем безработицы и пополнения финансовых ресурсов извне. Налаживаются связи с руководством отдельных регионов России (Пермская, Смоленская, Калужская области) и Казахстана (Алматинская область) для государственной координации легальной трудовой миграции по заявкам от работодателей, по вопросам защиты прав гастарбайтеров в странах-импортерах рабочей силы.

Замедленное решение проблем бедных слоев населения и затягивание социально-политического кризиса в Кыргызстане, сопровождаемое экономическим спадом, ведет к ухудшению социально-психологического климата в стране. Этот процесс сопровождается дальнейшим ростом трудовой миграции из Кыргызстана в Россию и Казахстан.

По оценке экспертов Министерства экономики и финансов КР, другие сектора промышленного производства развиваются, но незначительно (в январе 2006 года подъем в других областях промышленности составил 3%). В феврале 2006 г. Кыргызстане простаивало 240 промышленных предприятий (около 40% от их общего количества). По сравнению с июнем 2005 г. не работало на 37 предприятий больше или 7%.

2.3 Экономическое развитие Таджикистана в 1999-2007 гг

Республика Таджикистан (РТ) с момента распада Советского Союза являлась и продолжает оставаться беднейшим государством на постсоветском пространстве с крайне ограниченной минерально-ресурсной базой, которое еще не успело восстановиться от последствий экономического коллапса 1990-х и длительной гражданской войны. Тем не менее, несмотря на самые невыгодные стартовые позиции для роста, экономические показатели Таджикистана в 1999-2007 гг. свидетельствовали о существенном прогрессе реформ в стране.

Основные причины слабости экономических позиций Таджикистана общеизвестны. Помимо тяжелых последствий развала производственной и прочей физической инфраструктуры в стране в 1990-е гг., к ним относились узость внутреннего рынка, слабость индустриально-технологической базы, неразвитость транспортных коммуникаций, географическая изолированность и зависимость от транзитных услуг соседей (прежде всего Узбекистана), нехватка квалифицированной рабочей силы вследствие массового отъезда специалистов за годы независимости.

ВВП на душу населения (319 долл. США в конце 2006 г.) являлся самым низким среди стран СНГ. Несмотря на некоторый прогресс в середине 2000-х гг., за чертой бедности, согласно данным ООН, проживало не менее 60% населения [69], что также являлось наихудшим показателем на постсоветском пространстве.

В стране сохранялся очень высокий уровень безработицы. Количество трудоспособного населения Таджикистана в 2006 г. оценивалось правительством примерно в 4 миллиона человек, а рабочих мест насчитывается немногим более двух миллионов [70]. Согласно оценкам государственных экспертов, в рамках сезонной трудовой миграции свой заработок в 2006 г. за границей находилось почти миллион таджикских граждан [71]. Почти 1 миллион граждан, или около четверти трудоспособного населения, можно было считать безработными.

В 2000-2004 гг. в Таджикистане наблюдался один из наиболее высоких в Содружестве темпов экономического роста - от 8,3% до 10,6% ежегодно. Тем не менее, ВВП Таджикистана к 2006 г. составлял немногим более 60% от уровня 1990 г. Это говорило о продолжении восстановительной фазы экономического подъема в стране.

В 2005-2006 гг. темпы роста немного снизились. В 2005 г. ВВП увеличился на 6,7%, а в 2006 г. на - 7% [72]. По всей видимости, снижение индекса роста было связано с сокращением производства хлопка и некоторым понижением на мировом рынке цен на алюминий (оба продукта представляли собой два основных экспортных товара Таджикистана).

Очевидно, что высокие темпы роста ВВП во многом объяснялись крайне низкой стартовой базой восстановления народного хозяйства. Однако свою роль в этом играла и более компетентная макроэкономическая политика государства, реализуемая на протяжении 1999-2007 гг., а также общая позитивная динамика на рынках стран СНГ.

Деятельность правительства Таджикистана по структурному реформированию национальной экономики весьма положительно оценивалась международными финансовыми институтами. В то же время таджикскому руководству более критично относилось к рекомендациям подобных организаций, чему учил негативный опыт соседнего Кыргызстана.

По мнению экспертов ЕБРР, в Таджикистане довольно успешно была реализована программа приватизации малых предприятий [73]. Тем не менее, доля частного сектора в ВВП продолжала составлять менее 50% в 2005-2006 гг. Из наиболее важных производственных активов в госсобственности остаются Таджикский Алюминиевый Завод, связь, воздушный и железнодорожный транспорт.

Помимо низкой базы роста высокие темпы увеличения ВВП после 2001 года ряд таджикских аналитиков связывал с тем, что:

- приход войск коалиции западных стран в Афганистан привел к увеличению международной помощи Душанбе и списанию существенной части внешнего долга,

- свержение правительства «Талибан» в Афганистане привело к резкому росту производства наркотиков в этой стране, и, следовательно, увеличению их транзита через Таджикистан,

- экономический рост в России привел к расширению возможностей для таджикских трудовых мигрантов, материально поддерживающих свои семьи, оставшиеся на родине, и к укреплению потребительской платежеспособности на внутреннем рынке.

При высоких темпах экономического роста достаточно остро стояла проблема сдерживания инфляции. В 2006 г. индекс потребительских цен составил 10,1%, что почти в полтора раза выше уровня предыдущего года и заметно выше 8%, заложенных в госбюджете. Существенным фактором, стимулировавшим инфляцию, был приток в страну денег от трудовых мигрантов в России и других странах СНГ.

Одним из важных достижений таджикского правительства являлась довольно успешно реализованная политика сокращения долгового бремени государства. В конце 2005 г. МВФ подтвердил свое решение о списании Таджикистану, как и 19-ти другим беднейшим государствам мира, части государственного долга в размере около 120 млн. долл. США. В 2000-2006 гг. отношение внешнего долга к ВВП сократилось в три раза - с 128% до 31% [74]. Сам долг к началу 2007 г. равнялся примерно 866 млн. долл. США [75].

Большую проблему для Таджикистана по-прежнему представляло производство расчетов с Узбекистаном по поставкам газа и электроэнергии. Из-за крайне низкой платежеспособности населения в стране регулярно ощущались перебои с оказанием коммунальных услуг.

Почти половина объема промышленного производства и три четверти экспорта страны складывались из продукции расположенного в г. Турсунзаде Таджикского алюминиевого завода (ТадАЗ), который был в 2005 г. переименован в ГУП «Таджикская алюминиевая компания» (TALCO). Помимо

нескольких ГЭС и небольших ГОК по разработке полиметаллических руд, в стране были более или менее развиты лишь производство цемента, сельскохозяйственных удобрений, хлопкового волокна и плодоконсервной продукции. Однако объемы их производства составляли менее трети от уровня советского времени.

К концу изучаемого периода существенно выросли объемы и рентабельность производства алюминия на ТадАЗ. В 2006 г. завод в Турсунзаде произвел 416 тысяч тонн алюминия-сырца и почти столько же первичного алюминия. Большая часть его продукции отправлялась в Нидерланды и Турцию. По заявлениям руководства, предприятие тогда почти вышло на полную проектную мощность [76]. При этом завод потреблял 32% производимой в стране электроэнергии и еще часть закупал в соседнем Узбекистане [77].

Несмотря на заявленные планы по приватизации ТадАЗ до 2007 г., крупнейшее предприятие страны так и осталось в государственной собственности. Контроль над ним приписывали известному таджикскому бизнесмену Х. Садуллоеву, близкому родственнику президента Э. Рахмона.

С целью привлечения инвестиций в модернизацию производства на заводе в 2004 г. правительство Таджикистана начало переговоры о передаче предприятия в управление российскому концерну РУСАЛ. Руководство инвестора заявляло о готовности произвести значительные вложения в ТадАЗ и связанные с ним отрасли в объеме более 2 млрд. долл. США. В частности, за счет запуска новых цехов планировалось вывести предприятие на полную проектную мощность, построить на юге Таджикистана еще один алюминиевый завод и достроить Рогунскую ГЭС, которая должна была обеспечить ТадАЗ необходимыми объемами электроэнергии [78].

Однако противоречия между правительством и инвестором по поводу стоимости строительства последней оказались непреодолимыми. В мае 2006 г. президент Э. Рахмон заявил о «неготовности» Таджикистана приватизировать стратегическое для страны предприятие [79]. А в начале июня 2007 г. стало известно о том, что TALCO (ТадАЗ) подал в британский суд иск к РУСАЛ на сумму свыше 500 млн. долл. США. Истец добивался компенсации за ущерб, нанесенный российской компанией в результате махинаций с поставками глинозема в 1996-2004 гг. [80]. Это свидетельствовало об окончательном разрыве таджикским руководством отношений с РУСАЛ.

В другой жизненно важной для экспортного потенциала Таджикистана сфере энергетики в 2004 г. было заявлено о проектах по достройке гидроэлектростанций Вахшского каскада с участием компании «РАО ЕЭС» (Россия) и правительства Ирана. С началом их реализации в стране появились тысячи рабочих мест. Для обеспечения строительных работ было построено два новых бетонных завода.

Иностранные инвестиции в гидроэнергетику позволили бы стране реализовать свой экспортный потенциал в этой сфере. Наиболее вероятным и потенциально достаточно выгодным рынком сбыта были Афганистан, Иран,

Пакистан и Индия. В 2005 г. было заключено первое межправительственное соглашение об экспорте электроэнергии в северные районы Афганистана [81].

Достройка Вахшского каскада ГЭС могла дать значимый толчок развитию экономики в целом. При этом правительство должно было позаботиться о том, чтобы народнохозяйственный комплекс Таджикистана не попал в зависимость от монопрофильных предприятий. Расширение экспорта электроэнергии и алюминия обеспечит государству значительные прибыли, которые могут быть направлены на диверсификацию промышленной базы в стране.

В сельском хозяйстве сильно ощущалась ограниченность посевных площадей, низкая степень механизации производства и трудности со сбытом продукции. В 2003-2005 гг. правительство всячески стимулировало увеличение площадей под хлопок (до 40% всех поливных земель), однако его урожайность, наоборот, падала. В 2006 году было собрано 438 тысяч тонн хлопка-сырца, что составило 80,5% от запланированного сбора [82]. При этом в самом Таджикистане лишь 12,4% урожая перерабатывалось в готовое волокно. Кроме того, серьезные риски для сельского хозяйства представлял низкий уровень агрохимии, что оставляло хлопковые и другие поля уязвимыми перед нашествием саранчи и прочих вредителей.

Отдельную проблему для Таджикистана представляла неэффективная система кредитования крестьянских хозяйств через посредничество фьючерсных компаний, а не через банковский сектор. Долги хлопкосеющих хозяйств на начало 2006 г. составили 292 млн. долл. США, т. е. более 10% ВВП. Эта серьезная проблема требует создания эффективной модели сотрудничества между правительством и банковским сектором.

Существенно способствовала преодолению коммуникационной изолированности различных регионов страны масштабная программа реабилитации ряда старых и строительства новых дорог, включая два больших туннеля, осуществлявшаяся начиная с 2004 г. при содействии Ирана и Китая.

Для расширения приграничной торговли позитивный сдвиг представляла постройка американскими военными мостов на границе с Афганистаном по р. Пяндж, а также дальнейшее расширение сезонного автомобильного сообщения с КНР. В частности, это придало дополнительный стимул развитию изолированной в инфраструктурном отношении Горно-Бадахшанской области.

Для большинства населения главным источником дохода являлись денежные переводы от рабочих-мигрантов (в основном низкоквалифицированных) из России, для отдельных групп граждан - участие в нелегальной торговле наркотиками. Поэтому развитие страны в значительной степени продолжало зависеть от теневого сектора экономики.

Денежные переводы сотен тысяч трудовых мигрантов превратились в 2000-е гг. в важнейший источник финансовых вливаний в Таджикистан. Согласно сведениям Министерства труда и социальной защиты населения РТ, в 2006 г. на сезонные заработки в Россию выезжало 562 тысячи таджикских граждан. По этим же данным, по крайней мере, 30 тысяч таджикских гастарбайтеров работало в Казахстане [70].

По некоторым оценкам, легальные доходы от трудовой миграции составляли не менее 40% ВВП. За 2005 г. гастарбайтеры перевели только посредством банков около 800 млн. долл. США [83]. Не меньше средств переправлялось и через нерегистрируемые каналы передачи. В масштабах Таджикистана эти суммы являлись очень большими и способствовали оживлению потребительского рынка страны.

Оживление таджикской экономики в первое десятилетие XXI века в некоторой степени было связано с ростом финансовых прибылей от производства и транзита наркотиков. Это признавалось в частных беседах даже руководящими сотрудниками государственных органов. Согласно экспертным оценкам, доходы наркосиндикатов от транзита героина через Таджикистан составляли в 2006 г. от 500 млн. до 1 млрд. долл. США [84], т. е. от 20% до 45% ВВП государства.

По заявлениям руководства страны, Таджикистан продолжал занимать первое место среди стран СНГ и четвертое в мире - по количеству изымаемых наркотиков. На долю таджикских правоохранительных органов приходилось свыше 60% всех объемов, обнаруживаемых на постсоветском пространстве [85]. Однако не всегда была ясна дальнейшая судьба конфискованного продукта, часть которого вполне могла возвращаться в товарооборот с получением заинтересованными лицами дополнительной прибыли.

Увеличение наркотрафика вело к растущему влиянию связанных с этой преступной деятельностью криминальных группировок. Участие в этой деятельности отдельных чиновников способствовало усилению коррупции на национальном и региональном уровнях, прежде всего в правоохранительных структурах.

2.4 Экономическое развитие Туркменистана в 1999-2007 гг

До тех пор пока руководство страны сохранит управляемость политическими процессами в обществе, а доходы от экспорта газа и хлопка будут достаточно большими, правящая элита будет увеличивать расходы на систему соцобеспечения, одновременно пресекая развитие политического плюрализма [86]. Отмена наиболее нестерпимых реформ С. Ниязова в социально-экономической сфере обеспечила новому руководству поддержку населения.

Основным направлением реформ для правительства Г. Бердымухаммедова, очевидно, будет реформа системы соцобеспечения.

Как бывший глава медицинской отрасли новый президент должен уделить особое внимание улучшению здравоохранения, практически разрушенному при власти С. Ниязова. После вступления в новую должность он подписал ряд постановлений, направленных на обеспечение населения доступными медикаментами [87], заявил о восстановлении старых и открытии новых медицинских центров.

Значительную поддержку общества перед выборами Г. Бердымухаммедов получил благодаря обещанию реформировать пенсионную систему страны,

которая в последние годы из-за решений С. Ниязова фактически не выплачивала заслуженных пенсий большей части пожилых людей. Начало выплаты пересмотренных пенсий запланировано на 1 июля 2006 года.

Одним из краеугольных камней предвыборной программы Г. Бердымухаммедова было обещание провести масштабную реформу в сфере образования. Она предусматривает такие шаги как восстановление 10-летнего среднего и 5-летнего высшего образования, внедрение в школьную программу русского и английского языков в качестве обязательных предметов, открытие новых вузов и масштабное увеличение числа студенческих мест, расширение программ обучения талантливой молодежи за границей и приглашение иностранных специалистов в туркменские вузы [88].

Все свои предвыборные обещания по реформированию системы соцобеспечения Г. Бердымухаммедов подтвердил в своей инаугурационной речи 14 февраля 2007 г. в присутствии высокопоставленных гостей, а соответствующий указ о реформировании народного образования подписал уже на второй день своего президентства [89].

Новое руководство обещало сохранить ниязовские льготы по оплате коммунальных услуг. Бесплатными для населения страны (по квоте) являются природный газ, электроэнергия, пищевая соль и питьевая вода. Правительство обещало сохранить низкие цены на бензин.

Среди первых постановлений президента Г. Бердымухаммедова было введение монополии государства на реализацию хлеба и муки. Подобным образом правительство борется с нехваткой в стране продовольственной пшеницы. Сразу после смерти Туркменбаши, временное руководство страны смогло снять угрозу голодных бунтов, которые могло вызвать отсутствие хлеба в магазинах, за счет своевременного вброса на рынки и прилавки магазинов его дополнительных объемов.

Остальные продукты, одежда и ТНП, однако, доступны большинству населения в основном лишь на черном рынке, цены на котором подвержены инфляции. Из-за отсутствия достоверных статданных оценить ее уровень в Туркменистане невозможно. Однако сохранение значительной разницы между официальным и черным обменным курсами между национальной валютой манатом и долларом США свидетельствует о высоких темпах роста потребительских цен, что, безусловно, негативно сказывается на населении.

Об актуальных социальных проблемах, волнующих туркменское население, можно косвенно судить по предвыборным программам, озвученным шестью кандидатами в президенты. Среди них часто упоминались безработица («проблемы трудоустройства населения»), обеспечение продовольствием, реформирование аграрного сектора, вопросы водопользования, сокращение поголовья скота, жилищное строительство, система образования, пенсионных выплат и здравоохранения. Наказы избирателей о необходимости госрегулирования цен на продукты питания и ТНП, индексации заработной платы также подтверждают сведения о высокой инфляции [90].

Поэтому наиболее вероятными шагами по улучшения материального положения населения в ближайшие месяцы может стать увеличение импорта зерна и дополнительный выброс на открытый рынок товаров массового потребления, дефицит которых наблюдается сегодня [91].

Для финансирования необходимых стране реформ правительство Г. Бердымухаммедова может использовать средства внебюджетного Резервного инвалютного фонда (РИВФ), который за годы работы при С. Ниязове аккумулировал значительную часть экспортных доходов государства. Использование средств Фонда не на помпезное строительство, а на проекты, которые реально облегчат жизнь населения, сможет повысить авторитет новой власти.

Помимо прочего, по оценке известной британской организации «Global Witness» около 2 млрд. долл. США находятся на счете в "Дойче Банке", управлявшимся С. Ниязовым [92]. У правительства Туркменистана, по-видимому, есть шансы вернуть эти средства и использовать их для решения наиболее актуальных проблем соцобеспечения.

Наиболее насущной для большинства населения является проблема реформирования аграрного сектора. О необходимости изменения государственной политики в этой сфере неоднократно говорилось на заседаниях Совбеза, а также в ходе предвыборной кампании.

В Туркменистане всего три процента земель являются орошаемыми, из которых более половины занято под хлопок [93]. Следовательно, эта страна будет регулярно испытывать трудности с обеспечением пшеницей. Потребности государства в объеме 1,7 млн. тонн зерна не покрываются внутренним производством [94]. Данные об урожае 2006 г. в 3,5 млн. тонн, по-видимому, являются недостоверными. Об этом свидетельствует кризисное положение с обеспечением населения хлебом, сложившееся в конце 2006 г.

Часть программы нового руководства была озвучена через заявления «альтернативных» Г. Бердымухаммедову кандидатов. По меньшей мере двое из них заявили о приоритетности укрепления роли частного капитала в народном хозяйстве (в частности в аграрном секторе), который должен превратиться в главную движущую силу интеграции Туркменистана в мировую экономику [95].

По всей видимости, именно таким образом новое руководство заявило о своем намерении провести частичную приватизацию промышленности и земель сельскохозяйственного назначения. Это предоставит правящей элите возможность открыто разделить наиболее интересные активы национальной экономики. Укрепление частного капитала, пусть и не самым демократичным способом, создаст более гибкую хозяйственную систему.

По сообщению азербайджанского информагентства «Тренд», новый президент сделал в марте 2007 г. ряд заявлений о необходимости расширения добычи углеводородов (прежде всего нефти) на туркменском шельфе Каспия. Особо следует отметить заявления о необходимости «расширять взаимовыгодное партнерство с иностранными инвесторами и компаниями,

обладающими передовыми технологиями». Таким образом, Г. Бердымухаммедов фактически пригласил иностранных инвесторов к выдвиганию своих предложений по вхождению на рынок добычи нефти и попутного газа в Туркменистане.

2.5 Экономическое развитие Узбекистана в 1999-2007 гг

Несмотря на очевидные трудности в последние годы, следует признать и некоторые достижения в экономическом развитии Узбекистана за годы независимости. Страна впервые в истории смогла покрыть свои потребности в зерне за счет собственного производства. Значительно выросла добыча нефти, созданы новые производства конечной продукции (автомобилей, электроники). Ограничено имущественное неравенство и влияние организованной преступности.

С 2002 г. в Узбекистане реализуется программа экономических реформ. В последующие четыре года рост ВВП составил более 7% ежегодно (в 2000-2003 гг. в коридоре 3,8-4,2%). Ужесточение финансовой политики привело к значительному сокращению инфляции (по данным правительства с 21,6% в 2002 г. до 3,8% в 2003 г., по данным МВФ с 44,3% до 21%) [67].

Золотовалютные резервы правительства увеличились более чем в два раза. В результате реализации политики нулевого внешнего заимствования соотношение государственного и гарантированного правительством долга к ВВП снизилось с 50% в 2001 г. до 30% в 2005 г [68].

Реальная ситуация в экономике, однако, является гораздо более сложной. К ключевым экономическим проблемам Узбекистана относятся зависимость от экспорта ограниченного списка товаров, низкая конкурентоспособность промышленной продукции предприятий страны, беспорядок частного бизнеса, слабый банковский сектор, сохранение монокультуры хлопка в сельском хозяйстве.

Непоследовательность правительства в реализации экономических реформ. Принципиальная необходимость углубления рыночных реформ и укрепления гражданского общества в целях дальнейшей модернизации Узбекистана для высшего руководства является очевидной. Однако реализация подобных идей сталкивается с двумя ключевыми препятствиями:

1) отсутствием политической воли со стороны высшего руководства страны

2) объективно ограниченными возможностями по их осуществлению без нарушения гражданского мира в стране.

Характерной чертой экономической политики правительства Узбекистана являются неустойчивость и непоследовательность, а точнее фактическое отсутствие комплексного и системного подхода к реформированию экономики. Принимаемые властью, достаточно разумные законы, указы и постановления сопровождаются подзаконными актами и распоряжениями, которые в подавляющем большинстве случаев сводят на нет эффект принятия основного документа.

Постоянство, с которым реформистские мероприятия правительства сменяются откатами назад, свидетельствует о сознательной политике высшего руководства страны по недопущению системных преобразований в национальной экономике страны.

Одной из существенных ошибок правительственных экономистов Узбекистана является чрезмерное увлечение макроэкономической стабилизацией в ущерб реальному реформированию народного хозяйства. Следствием подобной системы является сохранение «советской» системы жесткого администрирования в управлении хозяйственной и идеологической работы как в областях и районах, так и в столице.

Об отсутствии стремления к масштабной либерализации экономики свидетельствует следующий пример. В качестве позитивных изменений для частного предпринимательства в ходе реформ последних лет в Узбекистане рассматривают (цитата из правительственной газеты «Правда Востока») «...ослабление бремени проверок на предприятиях, резкое сокращение попыток вмешательства в их деятельность государственных и контролирующих органов, сокращение бюрократических процедур» [96].

В Узбекистане сформировался крайне неблагоприятный деловой климат. Согласно отчету Всемирного банка (ВБ) и Международной финансовой корпорации за 2006 год, в рейтинге по степени простоты условий для ведения бизнеса (Doing Business 2006) Узбекистан занял 147-е место [97], самое низкое среди стран СНГ. Более того, несмотря на пропагандируемый властью курс на создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса в стране, в этой области обстановка не улучшилась, а наоборот ухудшилась.

Развитию частного предпринимательства мешает чрезмерно жесткий контроль над всеми финансовыми потоками в Узбекистане. Он предполагает максимально возможное ограничение оборота наличных денег и сложную систему ежедневной отчетности коммерческих субъектов и регулярных проверок со стороны уполномоченных госорганов. Это вызвано тем, что ведущие позиции в экономическом блоке правительства Узбекистана занимают приверженцы приоритетности сдерживания инфляции над решением всех других вопросов экономики.

Несмотря на ряд мер по введению свободной конвертации валюты в стране, реализуемых с 2003 г., сохраняется значительная разница в стоимости наличного и безналичного сума. По оценкам местных экспертов она составляет примерно 25%.

Развитию частого бизнеса мешает чрезвычайно тяжелое налоговое бремя в Узбекистане. Подоходный налог, сниженный до коридора от 26% до 35%, составлял до недавнего времени 45%.

Однако по признанию местных предпринимателей, основные издержки ведения бизнеса в Узбекистане связаны для них даже не с высокими налогами, а с огромным уровнем неформальных платежей, т.е. с повальной коррупцией во всех уровнях государственной власти. От высоких налогов же страдает в основном мелкий бизнес.

Фактически действующая финансовая политика и чрезмерно высокие налоги выталкивают большую часть экономической деятельности в огромный теневой сектор, и стимулирует контрабандный завоз товаров и сырья извне, в основном из Казахстана.

Проведение оценки результатов экономической активности в стране затруднено тем, что официальные показатели экономической статистики не всегда вызывают доверие. Статистическая работа в Узбекистане, по всей видимости, намеренно ослаблена, поскольку ее реальное отсутствие лишает специалистов и внешних наблюдателей возможности проведения анализа социально-экономических процессов в стране. Даже оценки количества населения в стране являются достаточно условными, поскольку за 15 лет независимости в Узбекистане до сих пор не проведена перепись населения.

Ограниченные финансовые возможности правительства. Для минимизации социальных издержек, неизбежных при реализации необходимых Узбекистану радикальных реформ, государству потребуются огромные финансовые ресурсы. По приблизительным оценкам экспертов, на первоначальный период реформирования продолжительностью до трех лет потребуется минимум 5–6 млрд. долларов США [98]. В начале 2000-х гг. узбекские власти не обладали свободными средствами в таком объеме, и вряд ли они появятся у правительства в обозримом будущем.

Совокупный ВВП государства в 2005 г. составил 12,8 млрд. долл. США, что примерно в четыре раза меньше чем у Казахстана. Показатель ВВП на душу населения в Узбекистане (492 доллара США) является одним из самых низких среди стран СНГ. По этому показателю страна входит в число 50 беднейших государств мира [99].

Госбюджет Узбекистана в начале 2000-х составлял 3,2 млрд. долл. США, а золотовалютные резервы чуть не дотягивали до того же показателя [68]. Несмотря на определенный рост в 2004 г. до объема в 187 млн. долл. США, величина ПИИ относительно размеров экономики в Узбекистане оставалась самой низкой среди всех стран СНГ.

В условиях отсутствия платежеспособного потребителя и активной динамики развития на внутреннем рынке, доходы Узбекистана в основном зависят от экспорта товаров на внешние рынки.

Однако имеющиеся в стране экспортные товары не обеспечивают государству «сверхприбылей». Ключевыми продуктами, по которым Узбекистан имеет выход на мировые рынки, являются хлопок, золото и уран. В региональном масштабе успешно реализуется природный газ и автомобили.

Несмотря на реализуемый более десяти лет курс на импортозамещающую индустриализацию, Узбекистан в значительной степени остается аграрной страной. Сельское хозяйство составляет около трети ВВП и немного более высокую долю от занятого населения [68]. Ключевые проблемы аграрного сектора страны по-прежнему заключаются в незаинтересованности крестьян в результатах своего труда и в неспособности правительства избавиться страну от сохраняющейся монокультуры хлопка.

Экспорт хлопкового волокна предоставляет государству в зависимости от урожая и цен от 500 млн. до 1 млрд. долл. США ежегодно (от 20% до 40% госбюджета). Однако его производство во многом зависит от погодных условий конкретного года. Кроме того, мировой рынок «белого золота» гораздо более уязвим перед его перепроизводством, нежели топливные рынки. Поскольку мировой спрос на хлопок растет гораздо более медленными темпами, чем на нефть, а его перепроизводство имеет место довольно часто, то и цена на главный экспортный товар Узбекистана не может вырасти значительным образом.

Из-за наложенных на страну санкций Евросоюза, для правительства Узбекистана возникла угроза потери прибылей от реализации хлопка в Европе. Поэтому основными покупателями главного узбекского экспортного товара стали компании из Китая и других азиатских стран, которые платят за него меньшую цену [100].

После рекордно низкого урожая 2004 г. (около 3 млн. тонн), два года подряд в Узбекистане было собрано более 3,8 млн. тонн хлопка-сырца. Это явилось одним из наиболее высоких показателей за все годы независимости.

Помимо высокого урожая, росту прибылей от экспорта «белое золото» может поспособствовать тот факт, что в начале 2007 г. ожидается рост цен на мировом рынке хлопка. Связано это с сокращением субсидирования производства этого товара в странах ОЭСР, прежде всего в США, в рамках соглашений по ВТО [101]. Подобное развитие ситуации предоставит правящему режиму дополнительные финансовые ресурсы.

Более стабильные прибыли Узбекистану обеспечивают золото и уран. Ежегодно в стране добывается около 85 тонн золота и 2,3 тысячи тонн уранового сырья [102]. Большая часть золота и 100% урана идет на экспорт. Цены на оба металла в начале 2000-х значительно выросли и находились в пределах максимума за последние четверть века. Кроме того, большой интерес к узбекскому урану проявляют Россия и Япония.

По природному газу страна имеет выход только на рынки стран СНГ. К тому же, в силу высокого уровня его потребления промышленными предприятиями внутри страны на экспорт может быть направлено лишь менее одной пятой добычи.

Общий объем добычи природного газа в Узбекистане в 2005 г. составил 60,5 млн. кубометров. На экспорт было отправлено 11,5 млрд. кубометров на общую сумму 476,5 млн. долл. США. Для сравнения объем экспорта газа из Туркменистана превышает узбекские показатели в четыре раза.

Почти треть объема экспортируемого узбекского газа направляется в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Остальные 8,2 млрд. кубометров были закуплено Россией [103]. Крупнейший покупатель - «Газпром» увеличил закупки газа в Узбекистане до 9 млрд. кубометров в 2006 г., и до 10 млрд. в 2007 г.

Стремление увеличить продажи «голубого топлива» российскому гиганту может натолкнуться на проблему ограниченности трубопроводных мощностей

из Узбекистана в Россию. В Ташкенте возлагает надежды на обещанное «Газпромом» увеличение пропускной способности газопровода «Средняя Азия-Центр» с 45 млрд. кубометров в год до 55 млрд. на первом этапе, и позднее – до 80 млрд. кубометров газа в год. Однако здесь может возникнуть проблема конкуренции со стороны Туркменистана, который также использует этот газопровод для поставок в Россию.

Увеличению возможностей по экспорту газа должна способствовать программа жесткой экономии потребления энергоресурсов внутренними потребителями, заявленная в выступлении президента И. Каримова на отчетном заседании Кабинета Министров Узбекистана 10 февраля 2006 г. Сведения о начале ее реализации за счет ограничения подачи газа для бытовых нужд уже давно поступают из неофициальных источников внутри страны [104].

В то же время, несмотря на наличие вышеперечисленных возможностей для экспорта, Узбекистан остается зависимым от импорта ряда важнейших товаров. В первую очередь это касается нефти, продовольственной пшеницы, ТНП.

Значительное сокращение добычи нефти в последние годы вынудило руководство Узбекистана фактически признать провал заявленной в середине 1990-х гг. политики «нефтяной независимости». В 2005 г. добыча нефти по сравнению предыдущим годом сократилась на 17,2% и составила менее 5,5 млн. тонн. Кроме того, на 0,3% сократилась добыча газа.

В 2006 г. тенденция к сокращению нефтедобычи утвердилась. Так, например, в первом квартале было добыто на 13,7% меньше «черного золота», чем за аналогичный период предшествующего года [105]. Недостаток собственной добычи нефти заставил госхолдинг «Узбекнефтегаз» в полтора раза увеличить закупки сырой нефти в Казахстане [106]. Это свидетельствует о том, что в последние годы Узбекистан, из-за отказа от импорта нефти, испытывал серьезный недостаток ГСМ. Об этом неоднократно сообщали аккредитованные в стране иностранные СМИ [107], однако госорганы регулярно опровергали эти сообщения.

Несмотря на формальное достижение «зерновой независимости», на деле страна по-прежнему импортирует пшеницу. Из-за низкого качества выращиваемой в непригодных для этого климатических условиях Узбекистана пшеницы население предпочитает приобретать контрабандную муку казахстанского производства.

Некоторые надежды в правительстве возлагают на реализацию программы приватизации госпредприятий. В списке приватизируемых фигурирует более 1000 заводов и фабрик. Наиболее важными компаниями, акции которых государство планирует выставить на продажу, являются «Узбекнефтегаз», «Узбекистанские авиалинии» и авиастроительный завод.

Однако разгосударствление этих предприятий не будет действительно полным. В большинстве случаев правительство сохраняет за собой контрольный пакет акций. Поэтому предложенные пакеты акций вряд ли вызовут серьезный интерес со стороны иностранных инвесторов.

По итогам 2005 г. объем финансовых поступлений от приватизации составил 65,7 млн. долл. США [108]. Это совершенно незначительная сумма свидетельствует о том, что до сих пор правительству не удавалось удачно продать малопривлекательные для инвесторов предприятия. Приватизация подавляющего большинства предприятий в их нынешнем состоянии не способна оказать серьезной поддержки госбюджету.

Серьезнейшей проблемой для государства остается самый низкий среди всех стран СНГ уровень ПИИ (прямых иностранных инвестиций) на душу населения. Инвестиционный климат Узбекистана характеризуется всеми аналитиками как крайне неблагоприятный. Большинство иностранных инвесторов, уже поработавших в стране, столкнулось с проблемой масштабной коррупции и одностороннего пересмотра правительством условий их работы в стране. К примеру, летом 2006 г. было объявлено об отмене налоговых льгот, предоставленных ранее для СП (совместных предприятий) [109].

Иностранным инвесторам, не обладающим мощной политической поддержки в Ташкенте, приходится сталкиваться с большим количеством административных и коррупционных барьеров. Последним примером является недавний уход из страны американской золотодобывающей компании «Ньюмонт-Майнинг». Эта ведущая золотодобывающая компания в мире до недавнего времени являлась крупнейшим иностранным инвестором на узбекском рынке. В результате предъявления необоснованных на взгляд инвестора налоговых претензий в 48 млн. долл. США и ареста его активов, СП «Зарафшан-Ньюмонт» было объявлено банкротом [110].

Начиная с 2005 г. проблему нежелания иностранных инвесторов вкладывать средства в Узбекистан правительство пытается решить через активизацию попыток привлечения в страну компаний из стран Азии (Китай, Южная Корея, Малайзия, Индия и др.) и России. Однако, за исключением связанных с Кремлем «Газпрома» и «Лукойла», новые инвесторы по-прежнему не допускаются в более доходные отрасли экономики.

Монополизация доходов национальной экономики узкой элитой. Существующая система национальной экономики Узбекистана служит интересам ограниченной группы высшего чиновничества и фактически игнорирует интересы и без того слабого национального бизнеса. Провозглашенная в 2002 г. программа реформ по либерализации национальной экономики не привела к изменению основных ее столпов:

- жестко централизованной финансовой системы, управляемой Центробанком;
- монополии государства на наиболее прибыльные экспортно-ориентированные отрасли национальной экономики: выращивание хлопка, добычу природного газа (до 2004 г.), черную и цветную металлургию, автомобилестроение (с 2003 г.), производство и распределение электроэнергии, транспорт и связь;
- фактической монополии правительства на ведение экспортно-импортных операций, что выражается в функционировании отдельного

Министерства Внешней Экономической Деятельности (ВЭС) и Национального Банка Внешней Экономической Деятельности, крупнейшего в стране банка второго уровня.

Несмотря на осознание правящими элитами неизбежности реального реформирования экономической системы государства, возможность реальной экономической либерализации в стране на данном этапе выглядит минимальной. Причиной этого является обоснованный страх элит потерять свои доходы от монополии на ввоз и вывоз товаров. Ключевое значение для правящей элиты Узбекистана имеет сохранение монопольного права на распоряжение доходами от экспорта хлопка.

Несмотря на преобразование государственных аграрных предприятий - ширкатов (бывшие совхозы) - в фермерские хозяйства, дехкане по прежнему остаются объектом государственного заказа, согласно которому они обязаны выращивать сельскохозяйственные культуры по указке госорганов, и обязаны сдавать правительству весь урожай основных культур (хлопка и пшеницы) по ценам намного ниже рыночных.

На сегодняшний день не предвидится возможности даже частичной легализации хлопкового экспорта для частных узбекских производителей. В то же время продолжится практика принудительного выращивания пшеницы в непригодных для этого климатических условиях Узбекистана («политика зерновой независимости»). И, следовательно, контрабанда хлопка из Узбекистана в южные районы Казахстана и пшеницы в обратном направлении будет продолжаться. Сохранение подобного стимула к получению легкой нелегальной прибыли будет негативно сказываться на социальной ситуации в приграничных с Узбекистаном районах ЮКО, сдерживая развитие местного производства.

Программа преобразования ширкатов в фермерские хозяйства на практике оказывается для крестьян бессмысленной. Даже становясь формальными собственниками земли и техники, дехкане все равно принуждены выполнять госзаказ на хлопок и пшеницу. Кроме того, зачастую они не могут свободно распорядиться излишками выращенной продукции, а фактически принуждаются чиновниками к их продаже государству по абсолютно невыгодным для них ценам.

Другие ключевые отрасли национальной экономики также остаются под жестким контролем правящей элиты. Монополия правительства в топливно-энергетическом секторе, добыче урана, электроэнергетике, авиационных и железнодорожных перевозках, связи в последние годы была дополнена выкупом автомобильного предприятия «УзДэу». В золотодобывающей отрасли в 2006 г. произошла фактическая национализация золотодобывающих активов «Ньюмонт Майнинг» и переход другого предприятия с участием западного (британского) инвестора «Амантайтау Голдфилдз» под контроль «швейЦентральной Азиатской» компании Zegotaх, которую многие наблюдатели связывают с определенными кругами в правящей элите Узбекистана [111].

В начале 2006 г. консультантами Всемирного Банка в Узбекистане был сформулирован ряд рекомендаций для правительства по улучшению экономической политики государства [96]:

1) ограничить роли государства как активного производителя продукции и распределителя ресурсов;

2) снять ограничения на конвертацию по текущим операциям и переход к управлению финансовой системой с преобладающей ролью рыночных инструментов;

3) либерализовать аграрный рынок и отменить монополию государства на планирование посева и выкуп сельскохозяйственных культур, завершить трансформацию ширкатов в фермерские хозяйства;

4) повысить открытость и подотчетность госорганов обществу с одновременным усилением борьбы с коррупцией и ее основными причинами.

Из предложенных направлений, с учетом рисков потерь имеющихся прибылей, находящиеся у власти элиты могут реально заинтересовать лишь первое и четвертое. Связано это с тем, что жесткий контроль над финансовыми потоками и монополия на хлопок составляют основу экономической власти в современном Узбекистане. Прямое управление этими отраслями не может быть отдано нынешними элитами без существенных для них потерь.

Риски социальной деградации. По мнению международных экспертов, основным фактором экономического роста в Узбекистане в последние годы был рост чистого экспорта, в то время как внутреннее потребление находилось в состоянии стагнации [96]. В результате рост ВВП не получает своего отражения в существенном улучшении уровня жизни населения.

Средняя зарплата в стране составляет 60 долларов. При этом минимальная зарплата составляла 10800 сумов или 8,6 доллара, а минимальная пенсия – 21398 сумов или 17 долларов [112]. Реальность же такова, что розничные цены на большинство продуктов питания и ТНП в Узбекистане практически равны ценам в Казахстане, в то время как доходы населения значительно ниже. По Индексу человеческого развития, вычисляемому ПРООН, Узбекистан занимает 113-е место, опережая среди стран СНГ лишь Молдову и Таджикистан.

Основную проблему для правительства Узбекистана представляет тот факт, что экономический рост в этом государстве оказался в несколько раз ниже, чем в России и Казахстане. Именно с ситуацией в этих странах, с которыми они часто контактируют, сравнивают свое положение узбекские граждане. В то время как средняя зарплата в стране увеличилась примерно в 1,5-2 раза, то в России и Казахстане она увеличилась в 5-6 раз. Наравне с большой сложностью ведения частной предпринимательской деятельности в стране, этот фактор вызывает наибольшее раздражение граждан в отношении сложившейся ситуации.

Официальная статистика Узбекистана почти не публикует сведений о проблемных показателях социального развития: безработице, уровне грамотности, обеспеченности питьевой водой и т.д. Согласно национальной шкале бедности доход ниже этого уровня имеет 26,2% населения [96]. Однако,

в реальности этот показатель представляется намного более высоким. Невозможность альтернативных исследований этой проблемы не предоставляет узбекским и зарубежным экспертам данных для сравнения.

Огромной проблемой для населения Узбекистана остается высокий уровень инфляции. Согласно данным, озвученным правительством, индекс потребительских цен в 2005 г. составил 7%. Однако, согласно оценке МВФ, реальный уровень инфляции в прошлом году достиг 21% [68]. Из-за искусственных ограничений в номенклатуре производимых и ввозимых в страну товаров, розничные цены на продовольствие и потребительские товары внутри Узбекистана остаются очень высокими. Таким образом, инфляция больше всего бьет по социально-незащищенным слоям, которые составляют большинство узбекского общества.

Показателем кризиса государственной системы социальной поддержки населения является провозглашение 2006 г. «Годом благотворительства и медицинских работников». Реализация мероприятий этой программы предполагала принудительную «поддержку» малообеспеченных слоев населения за счет «средств» спонсоров, изыскание которых поручено областным и районным хокимиятам. «Спонсорами» программ, которые должны были реализовываться на бюджетные средства, был назначен мелкий и средний бизнес, наиболее зависимый от местных властей.

В условиях крайне сложного положения в экономике и значительной безработицы едва ли не единственным способом частичного снятия социальной напряженности является массовая трудовая миграция зарубеж. Согласно неофициальным оценкам экспертов государственного Центра Экономических Исследований Узбекистана, количество трудовых мигрантов из Узбекистана превышает 1 млн. человек. Официальные оценки госорганов примерно в два раза меньше.

Труд гастарбайтеров фактически стал для страны новым экспортным товаром. По экспертным оценкам, в Узбекистан ежегодно поступает в виде денежных переводов от трудовых мигрантов не менее 500 млн. долларов США [113]. В силу больших масштабов национальной экономики, значение данного фактора для макроэкономических показателей государства в Узбекистане существенно ниже, чем в Таджикистане и Кыргызстане. Однако доходы от труда гастарбайтеров идут непосредственно в семейные хозяйства, и таким образом увеличивают более или менее платежеспособный спрос на внутреннем рынке потребления.

В Узбекистане все еще отсутствует госорган, ответственный за контроль над процессом трудовой миграции. Агентство по вопросам внешней трудовой миграции занимается лишь отправкой небольшого количества гастарбайтеров в Южную Корею. На высоком правительственном уровне о проблемах трудовых мигрантов никто не говорит. Отсутствует какая-либо политика защиты узбекских граждан в России и Казахстане – в странах, куда направляется подавляющая часть гастарбайтеров.

В целом, в странах Центральной Азии в 1999-2007 гг. объективно наблюдался общий экономический подъем. Однако его позитивное влияние на социальную стабильность подрывало замедленные, по сравнению с Россией и Казахстаном как странам, с которыми жители региона обычно сравнивают свое положение, темпы сокращения бедности, повышения экономических возможностей и личного благосостояния основной массы граждан.

В то же время как показали примеры дестабилизации политической ситуации в Кыргызстане и Узбекистане в 2002-2005 гг., даже объективно имеющийся экономический рост не гарантирует политической стабильности. Автор объясняет это ростом ожиданий по отношению к эффективности работы правительства по сокращению бедности, борьбе с коррупцией и созданию благоприятной среды для предпринимателей и инвесторов.

3 ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999-2007 ГГ

3.1 Эволюция общественно-политических структур в государствах региона

События 24 марта 2005 г. в Кыргызстане, а затем 13-14 мая того же года в узбекском Андижане, привлекли к Центральной Азии и ее проблемам повышенное внимание мировой общественности. Также они имели своими последствиями значительное изменение динамики политических процессов внутри этих государств.

Серьезные угрозы политической дестабилизации накладывались на целый комплекс нерешенных проблем социально-экономического характера. Высокий уровень коррупции, безработицы и бедности сказывался на низкой инвестиционной привлекательности экономик Центральной Азии. Демографический рост обгонял имевшийся рост производства.

Большинство проблем обществ постсоветской Центральной Азии созрели годами. В Кыргызстане этот «нарыв» лопнул в марте 2005 г. В Таджикистане часть вопросов, отложенных после завершения гражданской войны 1992-1997 гг., вновь может выдвинуться на повестку дня. Наибольшую угрозу для всего региона представляло возможное разрешение кризисной ситуации в Узбекистане по худшему сценарию масштабного вооруженного противостояния с приходом к власти радикальных исламистских групп.

Как показал анализ внутривнутриполитической ситуации в рассматриваемых странах, классический для Центральной Азии сценарий политического развития – усиление центральной власти, отдаление от власти оппозиции, сохранение региональных и клановых групп при относительном снижении их активности – продолжал оставаться актуальным, несмотря на события весны 2005 г. в Узбекистане и Кыргызстане.

Подобный сценарий был в основном реализован правящим режимом в Узбекистане еще в начале 1990-х гг., и успешно осуществлялся Э.Рахмоном на протяжении 1999-2006 гг. Только в Кыргызстане, в условиях сохранения после 24 марта 2005 г. «революционного синдрома» активности масс, попытки его осуществления К. Бакиевым натолкнулись на мощное сопротивление центральной и региональных элит, которое в конечном итоге привело к его насильственному отстранению от власти пятью годами позже.

Огромную негативную роль на протяжении изучаемого периода продолжала играть несформированность в Центральной Азии структур гражданского общества, способного отстаивать общие интересы в противовес узко клановым и региональным. Даже в случае Кыргызстана, где для их работы были созданы благоприятные правовые условия, политические партии, СМИ и НПО оказались не способны противостоять интересам отдельных личностей, криминальных групп или неорганизованной толпы.

Политические элиты рассматриваемых государств оказались охвачены масштабной коррупцией. Согласно «Индексу восприятия коррупции» за 2005 г., подготовленному организацией Transparency International, из 159 стран мира

рассматриваемые в работе государства занимают места между 130-м и 144 местами [114]. Для всех из них была характерна та или иная степень проникновения влияния криминальных групп во власть. Эта тенденция с наибольшей ясностью обнажилась в 2005-2006 гг. в Кыргызстане.

Степень организованности политической оппозиции в странах Центральной Азии различалась. В Узбекистане организованной оппозиции фактически не существовало на протяжении всего изучаемого периода, или же она была представлена несвязанными между собой группами религиозных экстремистов и крайне малочисленной и неизвестной населению группой политэмигрантов, находящихся в основном на Западе. В Таджикистане имелись легальные оппозиционные партии, как светского, так и религиозного характера. Однако из-за ограничения их деятельности правящим режимом и общей политической пассивности граждан вследствие гражданской войны в стране, они на данном этапе не пользовались широкой поддержкой со стороны населения. В Кыргызстане же после «тюльпановой революции» 2005 г. на короткое время в стране оппозиция фактически отсутствовала, поскольку большинство политических групп, противостоявших А. Акаеву, получили те или иные позиции в правительстве, парламенте или региональных властях. Однако, новая оппозиция К. Бакиева сформировалась достаточно быстро.

В странах Центральной Азии постепенно накапливался лидерский потенциал оппозиции, которая практически в каждой из стран могла выставить некоторое количество более или менее авторитетных среди населения лидеров. Правящие группировки стремились ограничить возможности их участия в политической жизни своих государств посредством либо уголовного преследования – как в случае с лидером Демократической партии Таджикистана М. Искандаровым и движения «Серкуеш Узбекистоним» С. Умаровым, либо снижения их статуса в политической элите – как в случае с А. Бекназаровым, Р. Отунбаевой, О. Текебаевым и Ф. Куловым в Кыргызстане.

В 2004-2007 гг. во всех изучаемых странах Центральной Азии актуализировалась борьба элитных группировок внутри правящего класса. От хода этих процессов во многом зависел вопрос сохранения у власти главы государства. В худшем случае было возможно привлечение для борьбы за власть народных масс, как это в результате и произошло в апреле и июне 2010 г. в Кыргызстане, когда в результате масштабных столкновений на политической и этнополитической основе погибли сотни человек.

Среди глав государств, наиболее прочными были позиции у президента Таджикистана и Туркменистана. Факт сохранения стабильности в туркменском обществе в результате смерти президента С. Ниязова это наглядно продемонстрировал. Власть руководства Узбекистана и Кыргызстана была менее устойчивой. В случае неблагоприятного для них оборота событий в среднесрочной перспективе, их могли сместить как стихийное народное выступление, так и внутриэлитный «дворцовый» переворот. В первом случае правящему режиму удалось за счет ряда эффективных мер сохранить власть и стабильность в обществе. Однако во втором произошло то, чего следовало

опасаться – значительные столкновения противостоящих в обществе сил (в 2010 г.), приведшие к многочисленным жертвам.

Внутриполитическую ситуацию в четырех изучаемых странах Центральной Азии объединял достаточно низкий рейтинг доверия населения к государственной власти. Поэтому несмотря на традиционную для региона слабость оппозиции, как показали события 2005 г. и 2010 г., в странах Центральной Азии сложился опасно высокий мобилизационный потенциал протестной массы. Массовость в данном случае приводила к быстрой эскалации и как следствие к непредсказуемости последствий.

Наибольшую угрозу исламские радикалы представляли для Узбекистана, где отсутствует какие-либо легальные формы оппозиции. В соседних странах угроза исламских экстремистов была не столь высока из-за наличия мощной светской, а в Таджикистане – еще и умеренной исламской оппозиции.

Существенную угрозу безопасности государств Центральной Азии представляло наличие больших групп маргинальной безработной молодежи. Она может быть легко использована в политических целях как «ударная сила» во время массовых беспорядков или костяк религиозных экстремистских группировок, что также продемонстрировали события 2010 г. в Кыргызстане.

3.2 Политическая ситуация в Кыргызстане в 1999-2007 гг

В июле 1999 года Кыргызстан столкнулся с серьезным испытанием. На ее территорию проникли вооруженные формирования исламских радикальных экстремистов. Как показало проведенное расследование, они пришли из Афганистана через Таджикистан. Основную часть исламских экстремистов составляли представители Исламского движения Узбекистана, а их целью было нападение на Ферганскую долину Узбекистана, захват власти и создание на данной территории исламского эмирата. Рейд боевиков обнажил слабость кыргызской государственности. Небольшой по численности отряд боевиков сумел захватить группу японских специалистов, руководителя республиканского силового ведомства и в течение нескольких месяцев держать в напряжении всю республику. В вооруженных столкновениях погибли 28 граждан Кыргызстана. Лишь ценой больших усилий, при помощи государств СНГ, правительству Кыргызстана удалось выбить террористов с территории Баткенского района.

Похожая ситуация повторилась в 2000 году. В горах на юге республики опять появились исламские боевики. В боях с ними во вновь образованной Баткентской области и в Джалалабадской области погибли 34 военнослужащих Кыргызстана. В конце концов, территория республики оказалась очищена от боевых отрядов международных террористов. Но исламские экстремистские взгляды, как оказалось, пустили глубокие корни. В республике существенно расширилась деятельность подпольных исламских организаций.

20 февраля 2000 года состоялись парламентские выборы. В выборах участвовали девять политических партий. Незадолго до их проведения Министерство юстиции республики своим решением отстранило от выборов

две оппозиционные структуры: партию «Ар Намыс» («Достоинство») и Народную партию, еще одну партию отстранил от выборов суд. Выборы показали, что проведенные конституционные реформы достигли своей цели: несмотря на то, что по партийным спискам наибольший в сравнении с другими партиями процент голосов получили коммунисты (27,78%), а пропрезидентская партия «Моя страна» набрала лишь 4,9% голосов, парламент в целом оказался гораздо более лояльным президенту, чем предыдущие легислатуры.

29 октября 2000 года состоялись президентские выборы. Первоначально в них изъявили желание принимать участие 19 кандидатов. Однако власти постарались обеспечить победу действующему президенту. Так, был урегулирован вопрос с конституционным запретом занимать должность президента более двух сроков подряд. Конституционный суд республики вынес конъюнктурное решение, позволившее А. Акаеву принять участие в выборах. Несколько кандидатов были отстранены от выборов решением лингвистической комиссии, проверявшей их знание государственного языка. Основным потенциальным соперником Акаева – бывший вице-президент Феликс Кулов, лидер партии «Ар-Намыс», находился в заключении по приговору суда. В результате Акаев в очередной раз победил, набрав 74,4% голосов. Лидер партии «Ата Мекен» («Отечество») О. Текебаев получил 13,9%, предприниматель А. Атамбаев (будущий премьер-министр Кыргызстана в 2007 г. и с декабря 2010 г.) – 6,02%, лидер Народной партии М. Эшимканов – 1,09%, депутат парламента Т. Бакир уулу – 0,97%, правозащитник Т. Акунов – 0,68%.

В течение 2005-2007 гг. «революционная» власть Кыргызстана находилась в состоянии фактически перманентного кризиса, сталкиваясь с растущим политическим насилием, тюремными бунтами, переделом собственности и крепнущим разочарованием населения. У последнего сформировалось четкое впечатление, что новая власть ничуть не менее коррумпирована, чем предыдущая. К тому же, скорее всего, она менее компетентна и менее профессиональна. Силловые структуры никоим образом не укрепили свой авторитет, что сделало вполне реальной перспективу вакуума власти и дальнейшего усиления влияния криминалитета на общество.

Победа К. Бакиева на президентских выборах в июне 2005 с показателем в 89% голосов действительно свидетельствовала о широкой поддержке населением новых лидеров. Насколько искренними были тогда надежды большинства граждан на стабилизацию ситуации в стране, настолько сильно сегодня их разочарование действиями новой власти спустя год после «мартовской революции».

За последний год в кыргызском обществе увеличивается беспокойство перед лицом возможной дестабилизации и хаоса как результат усиления вакуума власти, а также усиливающееся подозрение, что новая власть является всего лишь другой формой предыдущей системы. Несмотря на то, что правительству удалось преодолеть несколько кризисных ситуаций, оно все еще не может добиться реальных результатов, чтобы заявить о выполнении своих обещаний, данных населению.

Основным поводом для беспокойства среди рядовых граждан и предпринимательского класса Кыргызстана сегодня является чувство неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне. Насколько бы коррумпированным ни был режим А. Акаева, при нем присутствовал элемент предсказуемости ситуации. Сегодня же новые власти фактически не способны гарантировать продовольственную и энергетическую безопасность страны, а также защиту граждан от коррупции и криминала.

Свидетельством нарушения вертикали власти в государстве является отсутствия эффективного взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвями власти. По мнению ряда аналитиков, сегодня Кыргызстан фактически уже находится на этапе латентного гражданского противостояния между различными центрами силы.

Слабости государственных институтов в Кыргызстане есть как объективные, так и субъективные причины. В последние месяцы, все больше и больше преобладают факторы субъективного характера.

Главным субъективным фактором является конкуренция между отдельными лидерами, представляющими интересы отдельных политических кланов. Очевидно, что большинство политиков действуют исходя только из личных интересов, чаще всего меркантильных.

Открытое пренебрежение законами и нормами морали со стороны политической элиты ведет к формированию нигилистического отношения к принципам правового государства со стороны рядовых граждан. Это проявляется и в факте резкого усиления организованной преступности, которая ощущает свое фактическое равенство с государственными органами, как в реальных возможностях по осуществлению власти на местах, так и в степени авторитета в глазах населения.

В пост-революционном Кыргызстане при осуществлении государственного управления, разрешении конфликтных ситуаций, назначениях и отстранениях должностных лиц чаще всего преобладают факторы семейственности, землячества, личных симпатий и антипатий, эмоции, т.е. факторы субъективного характера.

Несмотря на прогнозы некоторых аналитиков о возможности гражданского противостояния между регионами по принципу «Север-Юг» («таджикский вариант»), более актуальным в Кыргызстане может оказаться вариант противостояния между Центром и отдельными регионами («афганский вариант») [115].

Классическим примером отсутствия контроля национального правительства над своей территорией является ситуация на угольном месторождении Кара-Кече в Джумгальском районе Нарынской области. Фактически контролирующей эту территорию самопровозглашенный «вождь джумгальского народа» Н. Мотуев угрожает правоохранительным органам вооруженным сопротивлением, захватом административных зданий, иницированием партизанской войны.

В январе 2006 г. произошел первый случай открытого отказа региональной администрации подчиниться указаниям главы государства. Характерно, что эта ситуация прямого игнорирования президента К. Бакиева произошла в области, выходцем из которой он сам является и которой он сам ранее руководил.

После оглашения Указа президента о его снятии с должности и назначении на его место руководителя Таласской области И. Айдаралиева, при поддержке митингующей толпы, Ж. Жээнбеков, губернатор Жалал-Абатской области, «избранный народом» в начале «революции», отказался уйти со своей должности. Свое решение он обосновал тем, что «поддержка народа и его решение стоят выше всяких властей». В Таласской области также были проведены демонстрации против решения президента о переводе губернатора И. Айдаралиева. Обоих руководителей их сторонники провозглашали «народными губернаторами» и заносили в рабочие кабинеты на руках.

Через неделю, после проведения персональных переговоров с К. Бакиевым, Ж. Жээнбеков согласился уйти на условия его назначения руководителем Таласской области вместо И. Айдаралиева. К. Бакиев вынужден идти на переговоры с местными руководителями по поводу своего конституционного права – назначения и увольнения областных руководителей.

Созданный прецедент получил свое продолжение на уровне районных властей в апреле 2006 г. После отказа акимов двух районов Ошской области и митинга нескольких сотен их сторонников, президент К. Бакиев оставил чиновников на их местах.

Характерной чертой «постреволюционной» ситуации в Кыргызстане является глубокий кризис отношений между властью и обществом. По терминологии отдельных аналитиков, в стране разрушено «харизматическое отношение к власти». Фактически, население не уважает и не боится представителей правоохранительных и других государственных органов. В краткосрочной перспективе восстановить такое отношение маловероятно.

Доказательством разрушения авторитета власти среди населения в Кыргызстане является феномен «митинговой демократии». Пикетирования, попытки захвата административных зданий, угрозы самосожжения, захват в заложники должностных лиц явились характерной чертой политической повседневности Кыргызстана в первый послереволюционный год.

Сами власти боятся использовать силовые методы и предпочитают вступать в переговоры с любыми группами протестующих граждан, даже в случае применения ими противоправных действий. Этот страх получил среди кыргызских политологов название «синдрома Аксы». Данный феномен предполагает страх властей перед использованием силы для прекращения противоправных форм протеста отдельных граждан. Применение силы против митингующих жителей Аксынского района Жалалабатской области в марте 2002 г. привело к гибели 6 граждан и тяжелому политическому кризису в стране. Именно «синдром Аксы» привел к потере власти А. Акаевым в марте 2005 г. и разгулу митинговой демократии после «революции».

За вторую половину 2005 г. в Кыргызстане было зарегистрировано 2 тыс. 286 несанкционированных митингов и собраний. В то же время, правоохранительные органы выявили всего 11 организаторов массовых беспорядков. Среди значительного числа граждан явление «наемного протеста» стало популярным способом поддержания скудного семейного бюджета.

Начиная с 2005 г. особую угрозу безопасности любого правящего режима в Кыргызстане представляет наличие прецедента насильственного свержения власти. В нынешней ситуации это явление выражается в готовности многих политических сил и даже отдельных радикальных групп граждан к свержению действующей власти в случае неразрешимого, на их взгляд, конфликта с государственными органами.

Угроза насильственного свержения власти особо актуализируется в связи с крайним ослаблением правоохранительных органов. Из-за совершенно недостаточного финансирования их сотрудники сталкиваются с большими социально-бытовыми проблемами. Большинство сотрудников полиции деморализовано, и не готово противостоять агрессивной толпе, особенно после того, как их оставляли без приказов руководства и прикрытия в марте 2002 г. и марте 2005 г.

Организованные толпы стали обычным инструментом, используемым политиками для реализации своих интересов. Это приводит к непредсказуемости последствий за сохранение порядка полицейскими, из-за чего появляется страх перед выполнением своих прямых обязанностей.

У государственных органов нет уверенности, что в случае новых массовых беспорядков полиция сможет удержать ситуацию под контролем. Последствием отсутствия контроля в данной сфере могут быть полная анархия и потеря рычагов государственного управления. Насилие грозит превратиться в привычный механизм реализации своих интересов политическими группами, представителями бизнеса, криминальных структур и рядовыми гражданами.

При такой степени уязвимости правоохранительных структур, они сами могут стать объектом соперничества между различными группами интересов, включая организованную преступность. Об этом свидетельствуют факты убийства заключенными начальника ГУИН Минюста И. Полотова и публичного избиения на митинге в поддержку Р. Акматбаева начальника ГУВД и его помощников на главной площади областного центра г. Балыкчи.

Наглядной иллюстрацией крайне слабости правоохранительных органов стала их беспомощность во время массовых беспорядков в с. Искра Чуйской области в январе 2006 г. Бытовой конфликт между подростками, из-за попустительства местных властей, перерос в межэтническое столкновение между кыргызской и дунганской общинами села.

Несмотря на активное освещение в СМИ, данный конфликт нельзя рассматривать как свидетельство резкого обострения противоречий между различными этническими группами Кыргызстана. В целом угроза межэтнических конфликтов в стране после революции оказалась неактуальной. На юге страны, где компактно проживает узбекская диаспора, губернатором

Ошской области с апреля по декабрь 2005 г. являлся этнический узбек А. Артыков. Важно, что его отставка не привела к волнениям среди узбеков, о чем часто предупреждали некоторые эксперты.

Позитивным фактом в политической жизни КР можно считать также то, что, несмотря на прогнозы ряда политологов, радикальные исламские группы почти ничем не проявили себя со времени, прошедшем с мартовской «революции». Здесь сказывается фактор относительно низкой степени религиозности кыргызского общества, по сравнению с узбекским и таджикским. Но думается, что главную роль в таком различии с Узбекистаном, сыграло наличие внутри страны мощной светской оппозиции. Протестные настроения в КР, в отличие от Узбекистана, не привели к усилению фундаменталистских групп типа «Хизб ут-Тахрир».

Таким образом, в КР сохраняется реальный риск того, что правительство может утратить контроль над общественными институтами и территорией. В этом случае страна может столкнуться с периодом неконтролируемой криминализации общества и перманентного насилия, хотя и без полномасштабной гражданской войны.

Предотвратить открытое гражданское противостояние в Кыргызстане, угроза чего в период президентских выборов 2005 г. была достаточно реальной, удалось, прежде всего, благодаря заключению соглашения о политическом альянсе («тандем») между двумя наиболее популярными среди населения лидерами - К. Бакиевым и Ф. Куловым.

С самого начала деятельности «тандема» был очевиден вынужденный характер этого альянса. В своей деятельности в качестве президента К. Бакиев постоянно ощущает зависимость своего избрания на этот пост от возглавившего правительство Ф. Кулова. Этот недостаток легитимности создает новому главе государства определенные трудности, например, в его противодействии усилению Жогорку Кенеша во второй половине 2005 г. – начале 2006 г.; попытках ограничить реформы конституции с целью сохранения президентской республики; назначению руководителей органов исполнительной власти; возможно, участию его близких в «переделе собственности».

Для снижения авторитета Ф. Кулова президент использовал деятельность непосредственно подчиненных ему органов исполнительной власти и их руководителей: Администрации президента – У. Сыдыков; Службы Национальной Безопасности (СНБ) – Т. Айтбаев (по неподтвержденным данным, родственник К. Бакиева); Генеральной Прокуратуры – К. Конгантиев (с сентября 2005 г.). Внутри возглавляемого Ф. Куловым правительства в группу сторонников К. Бакиева входили чиновники, чьи кандидатуры выдвигались президентом – вице-премьер А. Мадумаров, бывший и.о. вице-преьера Д. Усенов, ряд министров.

С октября 2005 г. по февраль 2006 г. произошла серия ключевых конфликтов между президентом, премьер-министром и парламентом, результатом чего стала консолидация «тандема» за счет фактического признания Ф. Куловым за

К. Бакиевым приоритетного права решать наиболее важные вопросы в государстве. Позиция публичного невмешательства президента в противостояние известного криминального авторитета и премьер-министра и даже очевидная согласованность многих действий Р. Акматбаева с государственными органами, подчиненными президенту (Генпрокуратура, СНБ, до некоторой степени – судебная система), создали на Ф. Кулова колоссальное давление и поставили его в зависимое от К. Бакиева положение. Фактически произошел не распад «тандема», прогнозирувавшийся большинством политологов, а его разрушение как союза двух равновесных и равноправных политиков.

В январе-феврале 2006 г. произошел ряд событий, которые привели к временному изменению соотношения сил в тандеме. Сначала, отказ региональных властей подчиниться указам президента, оправдание в суде Р. Акматбаева, угрожающего личной расправой премьер-министру, скандал в Жогорку Кенеше вокруг предполагаемой МВД связи СНБ и Генпрокуратуры, непосредственно подчиненных президенту, с криминалитетом вызвали рост популярности Ф. Кулова и падение авторитета К. Бакиева. Многие аналитики прогнозировали скорый распад «тандема».

Эти события шли вразрез с тенденцией усиления позиций К. Бакиева в последние месяцы 2005 г. Тогда в нарушение большинства условий предвыборных договоренностей с Ф. Куловым, президент попытался использовать административный ресурс для усиления своих позиций через деятельность подконтрольных К. Бакиеву СНБ и Генпрокуратуру, а также давление на депутатов Жогорку Кенеша через Администрацию Президента.

Однако, скандальная отставка, фактически по требованию К. Бакиева, спикера Жогорку Кенеша О. Текебаева, который считался политическим союзником Ф. Кулова, привела к консолидации альянса президента и премьер-министра с явным преобладанием первого. Открытая поддержка президента в данном вопросе лишила Ф. Кулова симпатий большинства парламентариев, до этого чаще поддерживавших его в спорах с президентом. Кроме того, поведение Ф. Кулова во время конфликта президента и спикера резко снизило авторитет премьер-министра среди населения и поддерживавших его депутатов парламента.

Свидетельством консолидации «тандема» можно считать тот факт, что в начале марта 2006 г. Ф. Кулов рекомендовал на должность первого заместителя СНБ родного брата президента, Жаныша Бакиева. Премьер-министр заявил, что «там нужен человек, которому можно доверять, я думаю, что президент может доверять своему брату».

Среди кыргызских экспертов преобладает мнение, что Ф. Кулов допускал слишком много уступок президенту. Обладая всеми возможностями уйти в отставку и стать непререкаемым лидером оппозиции, он, тем не менее, продолжил сотрудничество с К. Бакиевым.

Пассивная позиция Ф. Кулова по ключевым вопросам политической жизни (разрешение кризиса в отношениях законодательной и исполнительной власти,

выраженного в форме персонального конфликта О. Текебаева и К. Бакиева; фактическое содействие президента избранию Р. Акматбаева в парламент) привела к резкому падению его авторитета и перехода его государственной деятельности в разряд работы «технического премьера».

В результате активного давления группировки связанной с президентом К. Бакиевым, с целью преднамеренного отдаления Ф. Кулова от властных рычагов влияния, произошла консолидация связки двух ведущих политиков Кыргызстана. Однако фактически имело место глубинное изменение характера отношений между президентом и премьер-министром, фактически приведшее к разрушению «тандема» как альянса двух равновесных и равноправных политиков.

Весной 2007 г. Ф. Кулов подал в отставку с поста премьер-министра.

Большинство лидеров анти-акаевского протеста входили в «Народное Движение Кыргызстана», созданное в сентябре 2004 г. Входившие в его состав Р. Отунбаева, А. Бекназаров, О. Текебаев, А. Мадумаров, вошли в состав нового правительства и руководства парламента, а К. Бакиев был избран президентом Кыргызской Республики.

Известные разногласия между ними были заметны и ранее. Однако решающий раскол произошел в период с октября 2005 г. по февраль 2006 г., когда Жогорку Кенеш последовательно отправил в отставку А. Бекназарова, Р. Отунбаева, и О. Текебаева. Несмотря на то, что решения об отставках принимались парламентом, большинство экспертов утверждают, что депутаты сделали это под давлением Администрации президента. В условиях исключения из политической жизни сторонников А. Акаева, именно эти люди, по всей видимости, становятся главными лицами оппозиции президенту К. Бакиеву.

Отставка А. Бекназарова была явно связана с его вмешательством в качестве Генпрокурора в конфликты вокруг после-революционного дележа собственности. Сам он заявлял о причастности к его отставке приближенных президента К. Бакиева, его младшего сына бизнесмена Максима и руководителя его Администрации С. Усенова, которые участвовали во многих случаях в разделе собственности в Кыргызстане.

Лидирующей силой новой оппозиции может стать партия «Асаба» (Знамя), которая входит в более аморфное объединение «Кыргызстан». Ее сопредседателями являются А. Бекназаров, Р. Отунбаева (вступила в партию в начале 2006 г.) и А. Артыков. Они активно используют свой имидж пострадавших лидеров «тюльпановой революции».

Определенным минусом партии «Асаба» считается ее репутация «националистической». Чтобы избавиться от этого, в руководство партии и были привлечены преимущественно русскоговорящая Р. Отунбаева и отстраненный К. Бакиевым экс-губернатор Ошской области А. Артыков, узбек по этнической принадлежности.

Тем не менее, по мнению местных аналитиков, несмотря на анти-бакиевскую риторику, новая оппозиция пока не носит характера радикальной.

Она вполне способна идти на компромиссы со своими бывшими соратниками, вошедшими в исполнительную власть. Признаком того, что К. Бакиеву нередко удается договариваться с А. Бекназаровым, является включение последнего в состав специальной Комиссии по разработке проекта новой конституции Кыргызстана.

Еще одним ярким лидером оппозиции президенту К. Бакиеву после своей громкой отставки вследствие персонального конфликта с К. Бакиевым стал экс-спикер Жогорку Кенеша, депутат О. Текебаев. Он обладает значительным авторитетом среди населения, являлся главным соперником А. Акаева на президентских выборах 2000 года. Определенную положительную роль может сыграть то, что он выходец из Ошской области. Это позволит ему конкурировать среди населения с К. Бакиевым за роль ключевого представителя южных регионов во власти.

Не последнюю роль в переходе значимой группы парламентариев на более оппозиционные к новой исполнительной власти сыграла их уязвимость как крупных бизнесменов. По сообщениям источников внутри Жогорку Кенеша, во время конфликта К. Бакиева и О. Текебаева, а также кризиса вокруг отмены регистрации Р. Акматбаева, бизнес известных депутатов, критиковавших исполнительную власть, подвергался давлению со стороны лиц, непосредственно связанных с президентом, как административному (со стороны Администрации президента), так и, вероятно, силовому (со стороны Р. Акматбаева и Максима Бакиева). Продолжение такого давления будет вынуждать этих известных публичных политиков к более активному участию в формирующейся оппозиции президенту К. Бакиеву.

Различие интересов основных элитных группировок при неподкрепленному реальными возможностями стремлении одной из них, собирающейся вокруг президента К. Бакиева, привело к весне 2006 г. к окончательному распаду политического альянса, свергнувшего режим А. Акаева. Сформировавшийся баланс интересов основных центров влияния был нарушен действиями президента К. Бакиева и связанных с ним групп, и привел к формированию оппозиции новой власти. Процесс ее сложения, безусловно, ускорится в связи с усилением давления на поддерживающих Ф. Кулова депутатов Жогорку Кенеша.

Влияние организованной преступности на государственные органы в Кыргызстане имело место и до марта 2005 г. Однако, именно образовавшийся после «тюльпановой революции» вакуум власти в условиях перераспределения властных полномочий внутри политической элиты влияние криминальных элементов в государстве резко возросло.

Наиболее известным и потенциально представляющим большую угрозу стабильности кыргызского государства случаем активизации организованной преступности было резкое усиление роли в общественной жизни страны известного «криминального авторитета» Рыспека Акматбаева.

Известный в преступных кругах как «Рыся», дважды судимый Р. Акматбаев является лидером т.н. «иссык-кульской» ОПГ, контролирующей

зоны отдыха на Иссык-Куле, торговые и развлекательные заведения в г. Бишкек, возможно, часть наркотрафика. С 2001 г. находился в розыске милицией. Согласно обещанной после «революции» общей амнистии, в июле 2005 г. он получил право находиться на свободе до судебного процесса, который должен был рассмотреть предъявленные ему обвинения в нескольких убийствах. В выходе из тени ему, безусловно, помогло избрание депутатом Жогорку Кенеша его младшего брата, Тынычбека Акматбаева.

С августа 2005 г. Р. Акматбаев стал активно участвовать в публичной общественной деятельности и приобретать определенную известность. В августе 2005 г. тогдашний спикер Жогорку Кенеша О. Текебаев заявил о том, что государственные руководители не должны поддерживать знакомство с известными в стране криминальными авторитетами. Он намекал на вице-премьеров тогдашнего правительства Д. Усенова и А. Мадумарова, которые приняли участие в организованных братьями Акматбаевыми играх по национальным видам спорта в г. Чолпон-Ата.

20 октября 2005 г. депутат Т. Акматбаев, вместе с двумя своими помощниками и начальником ГУИН Минюста КР И. Полотовым, был убит заключенными ИТК №31. Неформальным лидером заключенных этой колонии, а также всех тюрем Кыргызстана, являлся некий А. Батукаев, этнический чеченец. Одним из уголовных обвинений, предъявленных Р. Акматбаеву, было убийство близкого родственника А. Батукаева. Поэтому в организации убийства депутата был обвинен именно он. Р. Акматбаев утверждает, что убийце брата и его прямому конкуренту покровительствует премьер-министр Ф. Кулов, который, якобы, поддерживает дружбу с А. Батукаевым со времен его тюремного заключения.

С 22 по 26 октября 2005 г. Р. Акматбаев организовал митинг протеста перед резиденцией президента и премьер-министра с требованием отставки Ф. Кулова. Высказать ему соболезнования в связи с гибелью брата вышли главы МВД М. Суталинов и СНБ Т. Айтбаев. При этом они заходили в главную из поставленных Р. Акматбаевым юрт. Жогорку Кенеш создал комиссию для расследования событий в ИТК №31.

В январе 2006 г. государственное обвинение отказалось от преследования Р. Акматбаева по делу об убийстве высокопоставленного сотрудника Бишкекского ГУВД, и тот был оправдан судом. После этого Р. Акматбаев был зарегистрирован кандидатом в депутаты Жогорку Кенеша. Это было сделано, несмотря на апелляции пострадавшей стороны и заявления Ф. Кулова с требованиями к госорганом проверить законность его оправдания.

В то же время сам Р. Акматбаев проводит активную пиар-кампанию в СМИ, в которых он предстает деятельным защитником кыргызских национальных интересов. Его сторонники даже заявили о создании политической партии «Тынычтык» (Мир), названной по имени убитого брата - депутата. В своих интервью СМИ Р. Акматбаев открыто объявляет о своей поддержке политики президента К. Бакиева.

С момента нового укрепления тандема «Бакиев-Кулов» в начале марта 2006 г. (отставка О. Текебаева, назначение брата президента заместителем главы СНБ) началось наступление премьер-министра на позиции Р. Акматбаева. В течение 10 дней неизвестными были убиты трое людей, обвинявшиеся вместе с Р. Акматбаевым в совершении тяжких преступлений и оправданных судом. Эксперты связывают эти убийства с криминальными элементами, которые согласовывают свои действия с Ф. Куловым с целью устранения несправедливо, на его взгляд, оправданных преступников. По-видимому, это происходит не без санкции со стороны президента К. Бакиева, который выполняет свою часть достигнутых с Ф. Куловым соглашений.

В то же время, в случае начала работы Р. Акматбаева в качестве депутата Жогорку Кенеша и достоверности сведений о его сотрудничестве с президентом, К. Бакиев может получить в свои руки новые рычаги влияния на внутривластную расстановку сил. Президент сможет использовать присутствие Р. Акматбаева в высших органах государственной власти как средство давления на премьер-министра Ф. Кулова и оппозиционных депутатов парламента.

Некоторые из экспертов выдвигают версию, что присутствие в рядах депутатов такой одиозной фигуры было бы выгодно президенту К. Бакиеву еще и потому что это может парализовать деятельность Жогорку Кенеша, серьезно скомпрометировать в глазах части общества идею парламентской республики и повысит популярность идеи укрепления президентской формы правления. Такая постановка вопроса является вполне правомочной в условиях, когда власти в любом случае не удастся проигнорировать необходимость конституционной реформы, пусть даже и частичной.

Многие наблюдатели, однако, полагают, что после того, как Р. Акматбаев выполнит свои функции в политической игре К. Бакиева, он будет физически ликвидирован людьми президента.

Привлечение такого ресурса как организованная преступность к решению проблем в отношениях отдельных групп в политической элите создает опасный прецедент для внутривластных процессов Кыргызстана в будущем. Известно, что незадолго до убийства трех весьма близких к Р. Акматбаеву людей («соратников»), из мест заключения совершил побег один из его главных «врагов», некий К. Колбаев, осужденный в 2000 г. на 25 лет заключения за покушение на Р. Акматбаева.

Обстоятельства его выхода на свободу (ускоренное сокращение его срока до 10 лет; условно-досрочное освобождение с переводом в колонию-поселение и побег оттуда – все события в промежутке с ноября 2005 г. по февраль 2006 г., т.е. в период открытого противостояния Р. Акматбаева и Ф. Кулова) позволяют предполагать заинтересованность в таком ходе событий премьер-министра страны. Не исключено, что, столкнувшись с противодействием связанных с президентом К. Бакиевым сил в органах юстиции и правопорядка, Ф. Кулов тоже перешел к применению возможностей конкурентов своих врагов в организованной преступности.

Летом 2006 г. Р. Акматбаев был убит в результате покушения на его жизнь, которое осталось нераскрытым.

Бездействие государственной власти и даже известная степень координации ее действий с криминальными структурами, а возможно, и зависимости от них свидетельствует о крайней слабости государства в пост-революционном Кыргызстане.

Естественно, ситуация с Р. Акматбаевым крайне негативным образом сказалась на международном имидже Кыргызстана. Советник Посольства США в Бишкеке на встрече с К. Бакиевым заявил, что нет ничего «более губительного для доверия инвесторов и доноров, как понимание того, что правительство закрывает глаза на деятельность организованной преступности». О своей обеспокоенности проникновением организованной преступности во власть открыто заявляли МИД России, Госдеп США, ОБСЕ.

Еще одним ярким примером бездействия властей перед лицом откровенного нарушения законов со стороны преступных элементов является история вокруг Кара-Кече, главного угольного месторождения Кыргызстана в Джумгалском районе Нарынской области. Бывший владелец карьера, экс-депутат Жогорку Кенеша, связанный с семьей А. Акаева был вынужден бежать в июне 2005 г. под градом камней со стороны 200 представителей «Народного движения «Жоомарт» во главе с местным «журналистом» и «правозащитником» Н. Мотуевым. Последний полностью захватил контроль над добычей и продажей угля.

Будучи одним из активных критиков акаевского режима, Н. Мотуев был недоволен тем, что не получил никакой должности после «тюльпановой революции». С помощью раздачи бесплатного угля местным семьям и популистских обещаний, Н. Мотуев добился определенной популярности среди населения района и стал называть себя «вождем джумгалского народа». Прибывший на место с госкомиссией замминистра внутренних дел Ш. Мирзакаримов, испугавшись толпы наемников нового хозяина карьера, заявил, что никакого уголовного преследования их патрона не будет.

Основной причиной, по которой новая власть не предприняла каких-либо мер, чтобы прекратить его самоуправство, является т.н. «синдром Аксы». Советники К. Бакиева и СНБ Кыргызстана оказались не способны предоставить президенту грамотный анализ ситуации и способ выхода из нее, поскольку боятся столкнуться с негативной реакцией жителей района.

В то же время бездействие правительства ведет к затягиванию кризиса с Кара-Кече. Н. Мотуев регулярно бывал в г. Бишкеке, встречался с журналистами, но полиция не предпринимала никаких мер, поскольку на него не было заведено уголовное дело, несмотря на явный состав преступления в его деятельности в течение 2005-2006 гг. Убедившись в неспособности властей решить проблему Кара-Кече, Н. Мотуев стал уже сам угрожать правительству, что выставит до 20 тысяч «активных бойцов», которые способны обратить полицию в бегство и развязать «басмаческую войну» в горной местности.

Однако главная опасность состояла в другом. Чем дольше власть надеялась, что подобные прецеденты будут разрешаться сами собой, тем быстрее происходила «привыкание» противоправных методов захвата собственности в глазах населения.

Отсутствие реального противодействия со стороны государства и активные пиар-кампании привели к тому, что фактически в Кыргызстане уже произошла т.н. «общественная легитимизация» Р. Акматбаева и Н. Мотуева. Увеличилось количество их сторонников, а также произошло частичное «узаконивание» противоправных методов реализации своих интересов.

Помимо всего, образовавшийся вакуум власти в Кыргызстане является благоприятной средой для усиления наркотрафика через территорию страны, особенно на юге. Рост производства героина в Афганистане и ожидаемое в связи с выводом российских пограничников увеличение наркотранзита через Таджикистан должно привести к дальнейшему росту транзита наркотиков в Казахстан, Россию и далее в Европу.

Фактически, в борьбе за властные ресурсы элитные группировки Кыргызстана перешли от применения возможностей официальных административных и правоохранительных органов к активному использованию в своих интересах «неформальных» (криминальных) группировок. Данная тенденция представляла собой большую угрозу стабильности и развития государства, создавая опасный прецедент для будущего. Со всей наглядностью актуальность этой угрозы проявилась во время трагических событий июня 2010 г. в Оше, когда в нанятые отдельными политическими силами преступные группировки приняли активное участие в убийствах и узбеков и кыргызов в ходе межэтнических столкновений.

3.3 Политическая ситуация в Таджикистане в 1999-2007 гг

Политическая ситуация в Таджикистане начиная с 1990-х гг. является значимым фактором безопасности для Центральной Азии в целом и Казахстана в частности, поскольку ее масштабная дестабилизация, помимо прочих неприятных последствий, нарушит режим изоляции зоны афганского конфликта на северном направлении [10].

Проблемы в искреннем примирении власти и ОТО После завершения гражданской войны и последовательном выполнении условий Московского соглашения 1997 г. осложнялась тем, что в ноябре 1999 года истекал срок полномочий президента Э. Рахмона. Естественно, что с учетом этого обстоятельства власть и объединенная оппозиция сосредоточили свои усилия на подготовке к грядущим выборам. Причем ОТО настаивала на проведении прежде всего парламентских выборов, не без основания полагая, что после выборов главы государства и победы на них Э. Рахмона последний может воспользоваться этим для приостановки дальнейшего процесса интеграции оппозиции во властные структуры. Не один раз ОТО отказывалась от работы в Комиссии по национальному примирению, выдвигая те или иные условия и

претензии к власти. Посредникам от ООН стоило немалого труда улаживать эти разногласия.

В конце концов, правительство Э. Рахмона пошло на уступки требованиям оппозиции. Бывший полевой командир Мирзо Зиеев был назначен министром по чрезвычайным ситуациям, представители ОТО вошли в местные органы власти и были включены в состав ЦИК республики. Со своей стороны, ОТО дала согласие на проведение сначала президентских выборов. Наконец, 3 августа 1999 года ОТО заявила о роспуске своих боевых отрядов [59, с.459].

Обоюдный отказ от ставки на силовые методы для достижения политических целей привел к легализации деятельности политических партий и дал возможность проведения 26 сентября 1999 года референдума по поправкам в конституцию. Вокруг выборов главы государства, однако, сложилась непростая ситуация. Из четырех выдвинутых различными политическими партиями кандидатов только кандидату от Народно-демократической партии удалось собрать требуемые законом для регистрации 145 тысяч подписей избирателей, этот норматив был достаточно высок для республики. Нетрудно догадаться, что этим кандидатом был действующий президент Э. Рахмон. Представители же оппозиции заявляли о преднамеренно чинимых на местах препятствиях в сборе подписей их сторонникам. Не помогло даже то, что фамилию одного из оппозиционеров (от Исламской партии возрождения) – Д. Усмона – потом все-таки (помимо его желания) включили в бюллетени, чтобы выборы не выглядели безальтернативными. В результате стало очевидно, что таджикская оппозиция явно проиграла этот раунд. 6 ноября 1999 г. Э. Рахмон вновь был избран главой государства.

Неудачей окончилась и попытка взять реванш на выборах в реформированный – уже двухпалатный – парламент, которые прошли в марте 2000 г. Из 63 мест в нижней палате парламента пропрезидентская Народно-демократическая партия получила 40 мест, Коммунистическая партия – 7 мест, а Исламская партия возрождения – всего 2 места. Остальные места достались независимым кандидатам. Участвовавшим в выборах Демократической партии, Социалистической партии и Партии справедливости мест вообще не досталось. Что касается верхней палаты парламента, то бесперспективность надежд оппозиции на получение контроля над ней была предопределена уже самим способом ее формирования. Из 33 таджикских «сенаторов» 25 избирались областными, районными и столичными представительными органами республиканского подчинения, а еще 8 назначались самим президентом.

После избрания парламента была прекращена деятельность Комиссии по национальному примирению. В результате всего этого таджикская оппозиция потерпела явное фиаско при попытке своей политической легитимации. Как и во всей остальной Центральной Азии, властная бюрократия оказалась сильнее публичных политиков от оппозиции.

Президентские выборы в ноябре 2006 г. завершили трехлетний период подготовки долговременного закрепления Э. Рахмона на посту государства (в перспективе еще на 14 лет). Начало соответствующей кампании было положено

референдумом 2003 г. об изменениях в Конституции, позволивших Э. Рахмону баллотироваться в президенты на очередной семилетний срок и в 2013 г. После успешного проведения парламентских (февраль 2005 г.) и президентских (ноябрь 2006 г.) выборов правящий режим Э. Рахмона получил от населения мандат на управление страной на срок, по крайней мере, в 5-6 лет.

Пользуясь отрицательным отношением общества к возобновлению гражданского противостояния и подготавливая продление своего пребывания у власти, правящий режим осуществил масштабное наступление на внутривластном поле, которое до сей поры является успешным.

В период с 2002 по 2004 годы президент Э. Рахмон упрочил свои позиции как за счет легитимной религиозной и светской оппозиции, так и за счет своих приближенных из числа бывших полевых командиров кулябского Народного фронта. Были арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения лидер оппозиционной Демократической партии М. Искандаров, зампреда Партии исламского возрождения Ш. Шамсуддинов, экс-глава МВД и Таможенного комитета Я. Салимов и бывший командующий президентской гвардией Г. Мирзоев. Вместе с ограничением оппозиционной прессы и обеспечением необходимых результатов референдума и выборов эта кампания привела к явному усилению правящего режима.

Можно сказать, что к 2006 г. в Таджикистане завершился переход от послевоенной системы баланса интересов различных политических сил к жестко централизованной президентской системе, осуществляющей эффективный контроль над всей политической элитой страны. Остальные участники политического процесса, прежде всего представители бывшей оппозиции, региональные элиты (включая кулябцев) отошли на периферийные позиции в политической жизни государства [10, с.18].

Определенным итогом завершения в новейшей истории Таджикистана периода, связанного с итогами гражданской войны, можно считать кончину за четыре месяца до президентских выборов бывшего лидера Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) С.А. Нури и отсутствие (впервые с момента заключения соглашений 1997 года) в составе нового правительства, назначенного после переизбрания Э. Рахмона, представителей ОТО.

Это свидетельствовало о том, что президент Э. Рахмон перестал считать себя связанным соглашениями 1997 г., которые он подписывал с С.А. Нури. Действующий глава государства был легко переизбран в ноябре 2006 г. на новый семилетний срок.

Укрепление тенденции к продолжению конфронтационного курса власти к концу нового срока полномочий Э. Рахмона может вызвать формирование резко отрицательного к нему отношения со стороны широких кругов в среде таджикской элиты. Хотя все стороны к настоящему времени объявили о своем стремлении к поддержанию мира и стабильности, тем не менее, можно констатировать тот факт, что в таджикском обществе начинается медленное накопление конфликтного потенциала.

В то же время следует отметить, что в целом, несмотря на то, что в стране к середине 2000-х гг. не достигнут уровень производства и материального достатка, существовавший во времена Советского Союза, для большинства граждан Таджикистана была характерна относительная удовлетворенность текущей ситуацией и управлением государством со стороны действующей власти. Возможность беспрепятственной трудовой миграции в Россию и другие страны СНГ снижала остроту проблемы безработицы, в то время как пересылаемые гастарбайтерами финансовые средства вели к повышению уровня внутреннего потребления. Позитивное влияние трудовой миграции поддерживалось благоприятной конъюнктурой мирового и регионального товарных рынков, а также относительно успешной социальной и экономической политикой правительства. Влияние данных факторов на стабильную внутривластную ситуацию в Таджикистане к концу изучаемого периода начало перевешивать фактор страха перед повторением гражданского противостояния, со времени завершения которого успело пройти целое десятилетие.

Таджикистан, в силу географических и исторических причин, имеет наибольшее из всех стран Центральной Азии тяготение к регионально-клановому разделению. Это обусловило относительно большую мобилизуемость и устойчивость оппозиционных групп, за которыми стояли именно кланы, организованные на региональном принципе. Можно сказать, что вся эволюция оппозиции в Таджикистане прошла на этой основе.

Сохранявшиеся условия географической изолированности отдельных регионов при отсутствии развитой транспортной сети в горной стране способствовали сохранению явлений регионализации политических и экономических элитных группировок Таджикистана по клановому признаку.

Находившийся у власти кулябский клан к середине 2000-х гг. перестал быть единым. Президент Э. Рахмон, пытаясь закрепиться у власти на долгосрочную перспективу, проводил собственную политику, которая нередко шла вразрез с интересами многих видных кулябцев.

В частности, в 2005-2006 гг. были приговорены к длительным срокам тюремного заключения двое высокопоставленных земляков президента из числа бывших полевых командиров Народного Фронта - экс-глава МВД Я. Салимов и бывший командующий президентской гвардией Г. Мирзоев. Также были уволены десятки чиновников из числа кулябцев. Их места заняли лояльные по отношению к главе государства таджики из других регионов, в основном из числа северян - худжандцев.

Другим сильным кандидатом от кулябского клана и потенциальным конкурентом Э. Рахмона являлся спикер таджикского парламента и мэр Душанбе М. Убайдуллоев. В СМИ и Интернете его нередко называли «серым кардиналом» таджикской политики и одним из богатейших людей Таджикистана. В российской аналитической прессе, в частности в журнале «Эксперт», в 2000 г. проходила информация о его причастности, наряду с

главой МЧС М. Зиеевым и командующим президентской гвардией Г. Мирзоевым, к наркотрафику через территорию страны.

Спикер парламента потенциально был вполне способен возглавить номенклатурную оппозицию Э. Рахмону в случае прямого конфликта их интересов. Многие уволенные президентом три года назад чиновники-кулябцы считались «людьми Убайдуллоева».

В то же время, позиции душанбинского мэра к 2007 г. оставались слабыми, и не стал конкурировать с Э. Рахмоном. Однако потенциал мобилизации своих сторонников у него все же реально имелся.

Среди других региональных лидеров наибольшими финансовыми и политическими ресурсами обладал К. Касымов, который, начиная с 1996 г., руководил наиболее экономически развитой Согдийской области. После президентских выборов в ноябре 2006 г. он был снят президентом с должности, что свидетельствовало о довольно прочных позициях Э. Рахмона в его взаимоотношениях с региональными элитами.

База исламской оппозиции – Каратегинский регион в центральной части страны - находилась в непосредственном подчинении общенациональным органам власти, и поэтому вероятность концентрации здесь существенных экономических и политических ресурсов у локальных элит была невелика. Тем более что этот регион являлся одним из беднейших в стране. Поэтому в настоящее время фактически единственным ресурсом выражения интересов каратегинцев является ПИВТ, которая сама к 2005-2007 гг. утратила многие позиции внутри таджикской политической элиты.

Другой бывший оппозиционный регион - Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) - являлся районом, где после завершения войны разместилось большое количество нелояльных по отношению к правительству полевых командиров бывшей ОТО. Усиление положительного восприятия центральной власти достигалось там за счет расширения транспортных связей с Душанбе, СУАР КНР и Афганистаном. Для укрепления своего контроля над этой территорией Э. Рахмон после своего переизбрания на пост президента в конце 2006 г. сменил губернатора области А. Ниезмамадова, который руководил регионом 12 лет.

Несмотря на наличие в стране ряда очень богатых бизнесменов (Х. Садуллоев, А. Гуломов и др.), в условиях отсутствия действенных гарантий частной собственности в Таджикистане финансовый ресурс пока еще не был способен противостоять административно-политическому. И поэтому влияние таджикских «олигархов» всецело зависело от их лояльности по отношению к президенту Э. Рахмону, а сами они не представляли реальной угрозы его власти.

На протяжении 1999-2007 гг. Таджикистан обладал весьма развитой, по меркам региона, партийной системой. Помимо правящей Народно-Демократической (НДПТ) в стране действовали Коммунистическая, Демократическая, Социалистическая и ряд более мелких политических партий, в различной степени представлявших себя оппозицией действующей власти.

Однако даже правящая НДПТ не обладает устойчивой партийной структурой и общенациональным значением. Такие возможности, на взгляд автора, имелись только у Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), являвшейся наиболее дееспособной силой оппозиции.

В таджикском парламенте 2005-2010 гг. НДПТ принадлежало 75% мест. Коммунисты и ПИВТ располагали 4 и 2 мандатами соответственно. Беспартийными провозгласили себя 14% депутатов, однако большая их часть была лояльна по отношению к действующей исполнительной власти.

Перед парламентскими выборами 2005 г. властям удалось усилить контроль над информационным пространством в стране. Под различными предлогами органами исполнительной власти был закрыт ряд газет, которые накануне парламентских выборов предоставили возможность высказаться оппозиции.

Поскольку из-за своей ограниченности в ресурсах правящий режим в Таджикистане продолжал оставаться зависимым от международной помощи, его руководство не могло, подобно Туркменистану или Узбекистану, ослабить деятельность многочисленных НПО, которые являлись вторым или третьим по величине работодателем в стране [40, с.218].

В предшествующий парламентским и президентским выборам 2005-2006 гг. период оппозиционные партии Таджикистана подверглись значительно более интенсивным, чем прежде, ограничениям и преследованиям. Например, был захвачен в России и осужден в Таджикистане по обвинению в экономических преступлениях, совершенных в бытность главой газового сектора страны, лидер Демпартии М. Искандаров. Он был одним из наиболее известных политиков, заявивших о своем желании выступить альтернативными Э. Рахмону кандидатами на выборах президента.

В электоральный период властям удалось добиться раскола Демпартии на 3 группы, из которых Министерством юстиции РТ была зарегистрирована фракция меньшинства во главе с М. Сабиловым. Аналогичных успехов власти добились и в отношении другой партии светской оппозиции – Социалистической.

Усиление позиций Э. Рахмона привело к фактической отмене Соглашений 1997 г. о предоставлении ОТО не менее 30% мест в высших органах управления. Большинство ее деятелей были успешно кооптированы в ряды правящей элиты за счет предоставления им должностей, обеспечивавших хорошие доходы от управления бизнес-активами, но не предполагавших какой-либо ресурс политического влияния. Последние назначенные по этой квоте министры (двое) лишились своих должностей в конце 2006 г., в ходе формирования нового правительства после переизбрания президента [116].

Несмотря на кончину своего основателя и многолетнего лидера С.А. Нури, ПИВТ продолжала оставаться наиболее дееспособной партией оппозиции в стране и в постсоветской Центральной Азии в целом. Автор рассматривает ее в качестве одной из важнейших стабилизирующих сил в общественно-

политической жизни Таджикистана. Несмотря на очевидное ущемление ее прав, партия избегала прямой конфронтации с властями.

Особенно ощутимым притеснением ПИВТ подверглась перед парламентскими выборами 2005 г., в преддверии которых были осуждены на длительные сроки заключения несколько ее видных руководителей на уровне зампреда партии и глав ее региональных ячеек. Руководство Горводоканала Душанбе угрожало завести на самого председателя ПИВТ уголовное дело по обвинению в клевете, хотя тот и не заявлял о своем желании баллотироваться на пост главы государства.

Кончина С. Нури в августе 2006 г. нанесла ПИВТ тяжелый удар. Потеря, возможно, самого авторитетного политика постсоветской эпохи неизбежно приведет к неопределенности в отношении будущего партии.

Избранный через месяц новым председателем ПИВТ М. Кабири был известен как лидер «модернистского» крыла партии. Тогда же руководство партии объявило о решении не выдвигать собственного кандидата на предстоящих через два месяца президентских выборах.

Обучившийся в Москве специалист-востоковед, владеющий несколькими иностранными языками, относительно молодой и ведущий себя достаточно по-светски М. Кабири считается вполне приемлемой для властей фигурой. Его критика правительства выглядела достаточно осторожной, а сам он, как и С. Нури, был настроен на поиск компромиссов в политике. В то же время, ему, очевидно, не доставало духовного авторитета своего предшественника [117].

Несмотря на пессимистические прогнозы наблюдателей, раскола ПИВТ и отделения от него более ортодоксального движения все же не произошло. Однако после смерти своего духовного лидера и избрания неоднозначно воспринимаемого в самой партии молодого председателя важнейшей оппозиционной силы Таджикистана предстоял этап осмысления и поиска своего места в новых внутривластных реалиях. Задача ПИВТ состояла на тот момент в усилении своего политического потенциала в период до парламентских выборов 2010 года.

Несмотря на то, что ПИВТ избежала конфликтов с властью, недовольство правящим режимом среди мусульман Таджикистана все же усиливалось, причем, так же как и тенденция медленного, но неуклонного упрочения позиций ислама в обществе.

Пытаясь еще больше ограничить влияние оппозиции своей власти, правящий режим продолжал усиливать борьбу с религиозным фундаментализмом в обществе. В частности, в 2005 г. был введен запрет на ношение девочками в школах хиджабов и фотографирование в них для документов. Согласно постановлениям правительства количество мечетей должны были ограничить из расчета не более одной молельни на 15 тысяч верующих, что на практике мало соответствовало потребностям отличающихся относительно высокой религиозностью таджиков.

Ликвидация незарегистрированных мечетей усиливало недовольство верующих граждан. Однако, судя по сообщениям в СМИ, работа над проверкой

мечетей, по крайней мере, в столице, проводилась властями достаточно осторожно. Так, из 70 незарегистрированных в госорганах молелен были закрыты лишь 13, а остальные были зарегистрированы как официальные, либо получили время на завершение регистрации [118].

Борьбой с нелегальными мечетями таджикское правительство надеялось ограничить распространение экстремистских идей. В 1999-2007 гг. по подозрению в членстве в «Хизб-ат-Тахрир» и ИДУ было задержано несколько тысяч человек, в основном в северных регионах страны. Официальные источники утверждали, что большинство их были гражданами Таджикистана из узбекской диаспоры.

Это свидетельствует о том, что экстремистские организации исламского толка не пользовались широкой поддержкой основной массы верующих таджиков, которые в целом сохраняли лояльность по отношению к ПИВТ и соглашениям о мире 1997 г. Руководство самой ПИВТ категорически отрицало возможность сотрудничества с «Хизб-ат Тахир». Следовательно, угроза со стороны радикальных исламистов на изучаемом этапе была для Таджикистана ниже, чем, например, для Узбекистана.

3.4 Политическая ситуация в Туркменистане в 1999-2007 гг

Одним из наиболее показательных примеров туркменской модели демократии стало принятие в декабре 1999 года постановления Халк Маслахаты «О полномочиях первого Президента Туркменистана Сапармурада Туркменбаши», по которому президент С. Ниязов получал исключительное право осуществлять полномочия главы государства без ограничения срока. Состоявшиеся в декабре 1999 года очередные выборы в Меджлис уже не были безальтернативными. Но к участию в них были допущены только лояльные президенту кандидаты. В результате 99,72% голосов было опять отдано за представителей Демократической партии и так называемых независимых кандидатов.

Несмотря на то, что известие о кончине Туркменбаши в декабре 2006 г. прозвучало неожиданно, сообщения о серьезном ухудшении его здоровья и высокой вероятности его преждевременной смерти поступали из информированных источников в мае и в начале октября 2005 года [119].

По многим признакам, смерть С. Ниязова не явилась неожиданностью для правящей элиты Туркменистана. Значительной борьбы за кресло преемника не было, а решение было обнародовано быстро. Вероятно, приближенные покойного президента имели согласованный вариант действий в подобной ситуации, что, однако не является доказательством насильственного характера его смерти.

Захват власти был осуществлен в два этапа. Первый имел место в день смерти С. Ниязова, когда всей полнотой власти в стране, включая определение временно исполняющего обязанности президента, наделил себя Государственный Совет Безопасности (далее – Совбез). Второй произошел пятью днями позднее с изменением конституции государства.

В состав Совбеза, судя по всему, вошли высшие офицеры, руководители силовых ведомств, включая личную охрану президента и генпрокуратуру. Во время правления С. Ниязова он являлся исключительно совещательным органом при президенте [120] и не имел прописанных полномочий по управлению государством.

Однако в ситуации неопределенности после смерти Туркменбаши, именно Совбез, благодаря концентрации в своих руках контроля над всеми военно-силовыми структурами, оказался наиболее дееспособным государственным органом и отстранил избираемые ветви власти от определения дальнейшей судьбы страны.

Сразу же после объявления о кончине С. Ниязова, именно решением Совбеза от власти был отстранен конституционный наследник полномочий президента – председатель меджлиса О. Атаев. Совбез, формально совместно с кабинетом министров, также принял решение о назначении вице-премьера Г. Бердымухаммедова и.о. президента и главнокомандующего армией Туркменистана [121].

Официальных сведений о персональном составе Совбеза нет. Несмотря на то, что он является коллегиальной структурой, все данные указывали на то, что фактическое руководство осуществлял начальник личной охраны президента Акмурад Реджепов [120, 122].

Результаты захвата власти 21 декабря были закреплены через пять дней заседанием Народного Совета - Халк Маслахаты (далее – ХМ). На первый взгляд, важнейшими его решениями были замена председателя парламента в качестве конституционного наследника президента вице-премьером правительства, снятие запрета на баллотирование временного и.о. главы государства на президентских выборах, а также изменение возрастных цензов для должностей президента и председателя ХМ.

Однако гораздо большее значение имели изменения в основной закон Туркменистана. В частности новая редакция 50-й статьи Конституции юридически закрепила ключевую роль Совбеза в определении, способен президент или нет исполнять свои обязанности, что предоставило ему право определения и.о. главы государства.

Формально важнейшие решения в Туркменистане принимало ХМ. Право его созыва принадлежало председателю ХМ или президенту страны (в свое время С. Ниязов совмещал обе эти должности). Новая редакция 50-й статьи гласила следующее: «в случае, когда Председатель Халк маслахаты или Президент Туркменистана по тем или иным причинам не может исполнять свои обязанности, Халк маслахаты созывается на основании решения Государственного совета безопасности» [123].

Во внесённых поправках не было прямо сказано, кто же именно решает самый главный вопрос - о том, что председатель ХМ или президент «не может исполнять свои обязанности». Однако закрепление функции Совбеза по созыву ХМ означает, что именно им решается ключевой вопрос о дееспособности главы государства. Поскольку понятно, что прежде чем принять решение о

назначении и.о. президента или созыве ХМ, Совбезу надо вынести определение о том, что действовавший до этого президент или председатель ХМ «уже не может исполнять свои обязанности». Усиление акцента на формулировке «по тем или иным причинам», предоставило руководству Совбеза возможность субъективно толковать конституцию и использовать для отстранения неприемлемой персоны на посту номинального главы государства другие «причины», кроме болезни (смерти) или факта государственной измены.

Таким образом, в силу многозначности формулировок, внесённых в Конституцию Туркменистана изменений, смещение президента и председателя ХМ могло начиная с января 2007 г. производиться исключительно решением Совбеза. И эти решения нельзя будет назвать противоречащими конституции [120].

В соответствии с общемировой практикой, отсутствие в Туркменистане традиции легитимной передачи власти привело к тому, что главную роль в сохранении внутривластной стабильности в переходный период сыграли силовики. В условиях крайней слабости других политических игроков в ниязовском Туркменистане (номенклатура, законодательная власть, финансовая олигархия, кланово-родовые структуры, политические партии, гражданское общество) они оказались единственной силой, которая обладала реальными ресурсами, чтобы удержать стабильность внутри государства.

Избрание 11 февраля 2007 г. Г. Бердымухаммедова вторым президентом Туркменистана на всенародных выборах легитимизировало новую структуру власти в глазах населения и международного сообщества. Успешное проведение первых в истории страны альтернативных выборов президента и выдвижение согласованной кандидатуры в качестве гарантированного их победителя показало способность правящей элиты к достижению компромиссов.

В то же время было бы неверно ожидать от старой политической элиты, пережившей все чистки прежнего правления, что она добровольно пойдет на развал системы. Это означало бы для нее необходимость вступить в конкурентную борьбу с реальной перспективой потери власти. Слишком много представителей бывшей туркменской элиты оказалось выброшено из политической жизни, и они жаждут реванша. Правящему кругу оказалось проще выяснить отношения в дворцовых интригах и в «схватках под ковром», с тем, чтобы потом представить внешнему миру и стране консолидированное лицо власти.

Так же как и смерть Туркменбаши, выдвижение Г. Бердымухаммедова в качестве консолидированного кандидата от правящей элиты на пост главы государства для многих явилась неожиданностью. При жизни С. Ниязова вице-премьер по вопросам здравоохранения, образования и науки редко упоминался в списке потенциальных наследников.

Поскольку Г. Бердымухаммедов не был очевидным фаворитом, то необходимо было веское основание для его выдвижения в качестве и.о. президента. В условиях перехода реальной власти к Совбезу реальной основной

для этого шага могла стать только поддержка его кандидатуры главой «хунты» А. Реджеповым. Другим фактором стало его положение как наиболее высокопоставленного представителя племени теке, к которому принадлежит большая часть правящей элиты туркменского государства.

В качестве версии обеспечения легитимности Г. Бердымухаммедова «для народа» сразу после смерти С. Ниязова был запущен слух о том, что он приходится незаконнорожденным сыном покойному президенту. Однако первые сведения о существовании подобной информации появились в интернет-СМИ, по крайней мере, за полгода до смерти С. Ниязова [119, 124].

Судя по воспоминаниям его однокурсников, опубликованным в «Московском комсомольце» [125], родственники С. Ниязова выказывали свое отрицательное отношение к его решению жениться на русской девушке. Вероятность родства двух президентов Туркменистана подкрепляет тот факт, что родное село Г. Бердымухаммедова находится всего лишь в 30 км от с. Кипчак, где родился С. Ниязов.

Кроме поддержки правящей элиты внутри Туркменистана, его избрание, по всей видимости, имело своей целью получить поддержку России как основного внешнего игрока, влияющего посредством практически монопольных закупок туркменского газа на стабильность режима в Ашгабате.

Согласно отрывочным биографическим сведениям, отец нового президента в советское время был полковником МВД, а старший брат высокопоставленным офицером КГБ [126]. Поэтому можно также предположить, что Г. Бердымухаммедов с детства имел обширные знакомства в высших эшелонах правоохранительных органов, которые помогли ему после вхождения в состав руководства Туркменистана.

Первые заявления нового президента свидетельствуют о нем как о грамотном и трезво мыслящем политике. Судя по всему, Г. Бердымухаммедов четко уяснил для себя, какие из многочисленных преобразований С. Ниязова были наиболее непопулярными среди населения, и четко дал населению понять это. В первые месяцы после своего прихода к власти он возглавил тех представителей правящей элиты, которые четко понимали, что продолжение наиболее жестоких проявлений политики С. Ниязова могло привести государство к полномасштабному социальному кризису. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли Г. Бердымухаммедову как авторитета, так и политической воли, исполнить свои предвыборные обещания по либерализации правящего режима [127].

Многое зависело от того, как новый глава государства сможет сбалансировать интересы силовиков и крупнейших номенклатурных группировок. Если ему удастся успешно осуществлять соответствующую политику лавирования в течение 2007 года, то он получит хорошие шансы надолго закрепиться у руля туркменского государства.

Опорой влияния А. Реджепова является возглавляемая им и преданная лично ему Служба безопасности президента (СБП) Туркменистана. Ее

численный состав включает не менее 2000 хорошо обученных и натренированных сотрудников [128].

Из-за панического страха покойного президента перед угрозой покушения на его жизнь, СБП в последние годы правления С. Ниязова получила огромные полномочия, намного более широкие, чем у МНБ или МВД. Ее руководство имело полный доступ к политической, экономической и финансовой информации и обладает обширной базой компромата на правящие элиты страны.

Со времени борьбы с внутриэлитной оппозицией в 2002 г. выходцы из СБП захватили контроль над своим основным конкурентом среди силовых структур – МНБ. Нынешний руководитель чекистов в 1992-1997 гг. работал в СБП [129] и, по-видимому, является ставленником А. Реджепова.

Весной 2007 г. А.Реджепов был снят со своей должности, арестован и осужден на длительный тюремный срок.

МНБ (ранее НКБ) является более дееспособной структурой, однако туркменские чекисты до настоящего времени не смогли полностью восстановиться от репрессий 2002-2003 гг., устроенных на них С. Ниязовым и А. Реджеповым.

В настоящее время МНБ Туркменистана возглавляет Г. Аширмухаммедов, выходец из СБП и, по всей видимости, ставленник А. Реджепова, однако недовольство основного состава чекистов ролью нынешнего главы Совбеза в тех событиях не позволяет считать МНБ организацией, однозначно ему лояльной.

Репрессии 2002 г. были вызваны подозрениями Туркменбаши в амбициях руководства МНБ по захвату власти в стране, по-видимому, частично обоснованных [93, p.2]. По некоторым данным от чисток тогда пострадало до 80% офицерского состава ведомства [93, p.9].

Некоторые обозреватели предположили, что в попытке покушения на С. Ниязова от 25 ноября 2002 г. действительно были причастны офицеры НКБ, поддерживавшие Б. Шихмурадова, который в бытность вице-премьером курировал силовой блок правительства. Недовольство чекистов президентом и совпавший с этим тайный приезд «главного оппозиционера» в Туркменистан свидетельствовали в пользу правдоподобности этой версии.

Однако непрофессионализм, с которым была осуществлена «попытка покушения», свидетельствует в пользу предположений о том, что этот акт мог быть осуществлен и другой группой заговорщиков. Согласно наиболее обоснованной версии события 25 ноября 2002 г. были инсценировкой СБП с целью предупреждения действительно готовившегося переворота, что дало С. Ниязову повод отдать приказы об арестах заговорщиков из НКБ.

В то же время следует отметить, что силовые структуры Туркменистана в совокупности являются достаточно многочисленными и эффективными для успешного подавления любого мятежа внутри страны. По оценкам экспертов, в вооруженных силах страны насчитывается около 50 тысяч военнослужащих и в правоохранительных органах почти 100 тысяч сотрудников. Ежегодный

бюджет силовых структур составляет не менее 500-600 млн. долл. США [130], что составляет не менее 3% от ВВП государства. Эти силы вполне способны подавить любое стихийное возмущение внутри границ государства.

Административно-территориальное деление Туркменистана примерно соответствует зонам распространения крупнейших туркменских племен: текинцы в основном заселяют южные Ашхабадский и Марыйский, эрсаринцы – восточный Лебапский (Чарджоу), йомуды – западный Балканский (Красноводск) и северный Дашогузский (Ташауз) велаяты.

В постсоветский период в высших структурах государства абсолютно преобладают представители текинцев. Ресурс их влияния опирается на принадлежность к этому племени обоих президентов, нахождение в их регионе столицы государства и контроль над границей с Афганистаном, через которую проходит основной поток наркотрафика. В регионах же, населенных эрсари и йомудами, сконцентрированы основные месторождения нефти и газа. Однако контроль над добычей углеводородов в условиях жестко централизованного государства полностью находится в руках общенациональных органов (в отличие от скрытых прибылей от наркотрафика) и не дает особых преимуществ региональным элитам.

Покойный Туркменбаши не имел практики опираться на регионально-клановых лидеров. Об этом свидетельствует та частота, с которой он менял областных хякимов. Однако, несмотря на свою независимость от родоплеменных авторитетов, С. Ниязов все же имел практику назначать на большинство должностей в правительстве своих соплеменников из числа текинцев. Это всегда вызывало значительное недовольство со стороны йомудов и эрсаринцев.

Так, например, по подсчетам туркменского эксперта (в эмиграции) Ш. Кадырова, автора книги «Нация племен», из 46 этнических туркмен, осужденных по так называемому «делу о покушении» на С. Ниязова 25 ноября 2006 года, только 6 были выходцами из Ашхабадского и Марыйского велаятов (текинцами). Более половины из осужденных составляли выходцы из населенного эрсаринцами Лебапского велаята, где сосредоточена большая часть местной добычи газа [131].

Если рассмотреть родоплеменное распределение среди ключевых лиц в новом руководстве Туркменистана (президент и силовики), то трое из пяти (Г. Бердымухаммедов, А. Мамедгельдыев, А. Рахманов) являются текинцами, по одному - эрсаринцем (А. Реджепов) и йомудом (Г. Аширмухаммедов). В свете вероятного противостояния двух главных руководителей Туркменистана, Г. Бердымухаммедов имеет все шансы опереться на доминирующую текинскую группировку во власти, в то время как А. Реджепов поддержкой каких-либо регионально-клановых группировок, по-видимому, не пользуется.

Шансы туркменской оппозиции принять участие в политических процессах постниязовского государства оказались мизерными и, как следствие, не были никоим образом нереализованы. Ее представители не могут въехать в

страну, так как сразу же будут арестованы. Население не знает об оппозиции в эмиграции почти ничего, и вряд ли ее поддержит.

Наиболее авторитетный лидер оппозиции – бывший вице-премьер Борис Шихмурадов – осужден на пожизненное заключение в Туркменистане. С начала 2003 г. о нем отсутствуют какие-либо достоверные сведения.

Однако, если он жив, вряд ли он может быть выпущен на свободу в ближайшие годы. Это связано с тем, что он является реальным конкурентом «группы Бердымухаммедова – Реджепова», поскольку обладает обширными связями в силовых структурах, работу которых он контролировал во время работы вице-премьером.

Эмигрантская оппозиция может вернуться в страну только в результате стихийного восстания населения или приглашения со стороны отдельных силовиков, способных поднять мятеж против Г. Бердымухаммедова. В то же время, возможность в Туркменистане стихийного или организованного бунта, хотя бы отдаленно напоминающего мятеж в Андижане, выглядит минимальной. Несмотря на отдельные попытки публичного выражения недовольства политикой властей или случаев распространения антиниязовских листовок, население явно запугано длительными репрессиями.

Еще более важным фактором является распространившаяся среди населения надежда на постепенные улучшения в стране, вызванная уходом С. Ниязова и обещаниями нового руководства. Другим ключевым препятствием для возможности антиправительственной деятельности является невозможность в нынешних условиях координации акций протеста ввиду отсутствия лидеров оппозиции внутри страны.

Очевидно, что продолжение Г. Бердымухаммедовым крайне жесткой линии С. Ниязова представлялось невозможным. Задачи, стоящие перед новым президентом, не предполагают усиления внутреннего режима. Правящей элите наоборот придется быть более открытой и установить разумный и уважительный диалог с внешним миром. Поэтому некоторое смягчение режима стало неизбежным.

Для закрепления своих позиций новое руководство пошло на определенные изменения в социально-экономической политике государства при одновременном сохранении жесткого контроля над обществом и подавлении любых проявлений антирежимных настроений.

В пользу «либерально-эволюционного» сценария говорит безусловная усталость представителей туркменской элиты от непредсказуемости верховной власти во время правления С. Ниязова, которая постоянно грозила каждому из них необоснованной потерей должности, личной свободы и самой жизни.

Признаком относительной либерализации режима стало согласие новых властей допустить к наблюдению за выборами президента представителей ОБСЕ [132]. Несмотря на жесткую критику туркменских выборов отдельными представителями делегации ОБСЕ, сам факт их приглашения стал знаковой подвижкой в политике нынешнего руководства, поскольку сразу после смерти С. Ниязова объявлялось, что приглашать иностранных наблюдателей не будут.

Г. Бердымухаммедову и стоящим за ним людям оказалось выгоднее перехватить часть лозунгов оппозиции, нежели чрезмерно ужесточать военно-полицейский режим. Это уже было осуществлено в плане преодоления продовольственного кризиса (т.н. идея оппозиции о «мучной революции»), а также в начале реализации реформ образования, здравоохранения и пенсионной системы, снятия запрета на Интернет и т.д. В то же время, очевидно, что либерализация туркменского режима не пойдет по линии расширения круга участников внутривластной жизни за счет оппозиции или масштабного улучшения положения с соблюдением прав человека.

Выборы в Туркменистане наглядно продемонстрировали, что ожидать формирования какого-либо политического плюрализма сейчас преждевременно. Заблаговременное приглашение иностранных делегаций на инаугурацию нового президента в день объявления итогов первого тура голосования говорит о том, что в стране никоим образом не озаботились вопросом соблюдения приличий по оформлению результатов электорального процесса.

До конституционных изменений от 26 декабря 2006 г., политическая система Туркменистана, как и любая другая в Центральной Азии, была построена таким образом, что президентский пост предполагает получение львиной доли власти и привилегий по сравнению с любым другим статусом. Сегодня же туркменские силовики, входящие в Совбез, единственные на постсоветском пространстве, имеют право при желании отстранить президента от власти.

Реальность, однако, такова, что позитивно воспринимаемые населением шаги нового руководства по улучшению положения рядовых граждан персонифицируются в их глазах не с А. Реджеповым, который на деле санкционирует шаги президента, но с личностью самого Г. Бердымухаммедова. Основой преобладающего в Центральной Азии традиционного типа легитимизации власти является принцип личного доверия к руководителю государства. Следовательно, можно предположить, что с продолжением подобной ситуации, позиции нового президента в обществе и в элите будут только усиливаться.

В отличие от нового президента, С. Ниязов по многим параметрам был политиком-«одиночкой». За 15 лет своего правления он практически не поддерживал отношений со своей семьей. Он избавился от всех, кто был свидетелем начала его политической карьеры. Это позволяло ему установить режим собственной абсолютной власти, в котором ему почти ни с кем не приходилось делить власть и деньги.

В частности, минимальной представляется угроза резкого роста исламского фундаментализма в Туркменистане. Несмотря на соседство с Ираном, религиозные традиции туркмен гораздо менее подвержены риску радикализации, нежели в Узбекистане или Таджикистане. Мусульманское духовенство и учебные заведения находятся под плотным контролем государства.

3.5 Политическая ситуация в Узбекистане в 1999-2007 гг

Сложная международная обстановка в регионе, связанная с деятельностью радикального движения «Талибан» в Афганистане, и жесткая внутренняя политика президента Каримова по отношению к политической оппозиции способствовали активизации экстремистских группировок в Узбекистане. 16 февраля 1999 года одновременно в нескольких местах Ташкента, в том числе у здания правительства, произошли взрывы. Погибли 16 человек, десятки получили ранения. Проведенное властями следствие показало, что организаторами и исполнителями террористических актов выступали члены религиозного Исламского движения Узбекистана. Террористы надеялись, что им удастся посеять страх в обществе и парализовать деятельность государственных органов, а это, по их мнению должно было облегчить захват власти исламистами. Одновременно с проведением взрывов намечалось вторжение на территорию Узбекистана отрядов вооруженных боевиков с территории Афганистана.

Решительными и жесткими действиями спецслужб Узбекистана эти планы были сорваны. Исполнители террористических актов предстали перед судом. Власти постарались связать подрывную деятельность Исламского движения Узбекистана с именем политического лидера партии «Эрк» Салиха. Последний был заочно приговорен к длительному сроку лишения свободы.

Происшедшее привело к определенным изменениям во внутренней политике президента И.Каримова. Государство временно отказалось от проведения дальнейшей либерализации в экономической и политической сферах жизни общества. Наоборот, был усилен репрессивный элемент в государственной политике. Такому повороту способствовало очередное обострение обстановки в Центральной Азии. В июле 1999 году на территорию пограничного с Узбекистаном Баткенского района Кыргызстана проникли формирования исламских боевиков. По данным средств массовой информации, в планы боевиков входило вторжение на территорию узбекской части Ферганской долины, а Кыргызстан должен был стать лишь коридором для их прохода.

С большим трудом кыргызским военным с помощью ВВС Узбекистана удалось разгромить боевиков. Очередное осложнение привело к тому, что руководство Узбекистана приняло решение о минировании ряда участков государственной границы с Кыргызстаном и Таджикистаном, откуда можно было ожидать проникновения вооруженных исламистов. Кроме этого, население некоторых высокогорных кишлаков с Узбекистана было переселено в другие места проживания, чтобы исключить потенциальную возможность использования этих людей в боевых операциях исламистов.

В сентябре 1999 года новая политическая партия – «Фидокорлар» («Самоотверженные») выдвинула кандидатом на предстоящие президентские выборы Ислама Каримова. 8 октября того же года НДПУ выдвинула своего кандидата – первого секретаря ЦК партии А. Джалилова. 11 октября на своих съездах партии «Ватан тараккиети» и «Адолат» избрали кандидатуру И.

Каримова. На следующий день его же выдвинула и демократическая партия «Миллий тикланиш».

5 и 19 декабря 1999 года состоялись выборы в Олий маджлис, а 9 января 2000 года – выборы президента. Ислам Каримов получил 91,9% голосов избирателей.

В мае 2000 года произошло объединение партий «Ватан тараккиети» и «Фидокорлар». Новая организация получила наименование Национально-демократическая партия Узбекистана «Фидокорлар». Формально партия ориентируется на интеллигенцию, предпринимателей и фермеров.

События 13-14 мая 2005 г. в Андижане (далее – Андижанский инцидент), безусловно, стали значительным потрясением для узбекистанского общества. Впервые силовые структуры открыто и массово применили огнестрельное оружие против большой группы митингующих граждан, большинство которых было безоружно (пусть даже среди них и были вооруженные боевики). Во всех предыдущих случаях открытого применения оружия (в ходе расследования терактов 1999 и 2004 гг., вторжения «исламских» боевиков в Сурхандарьинскую область в 2000 г.) властям приходилось иметь дело лишь с небольшими группами вооруженных экстремистов. Жестокость подавления мятежа в Андижане оказала шокирующее влияние на население Узбекистана. Любое открытое выступление против власти для подавляющего его большинства представляется крайним безумством. Стало очевидным отсутствие «внутренних тормозов», если не у всей правящей элиты, то, по крайней мере, у высшего руководства, в отношении пределов применения силы против собственных граждан. Поэтому при сохранении статус-кво в правящей элите, широкомасштабные выступления населения против действующего режима в течение полутора-двух после Андижанского инцидента выглядят крайне маловероятными.

Предпринятыми после Андижанского инцидента шагами И. Каримову удалось удержать внутренние процессы под видимостью контроля и обеспечить определенную стабилизацию общественно-политической обстановки. В то же время, очевидно, что в действительности были нейтрализованы лишь второстепенные, косвенные деструктивные элементы. Основные же потенциальные кризисные участки были лишь временно законсервированы, перейдя в латентную фазу. Такая ситуация чревата повышенной вероятностью неожиданных проявлений внутривнутриполитических кризисов [133]. По мнению аналитиков, Узбекистан продолжает скатываться в зону внутренней неопределенности, которая практически не поддается прогнозированию [134].

Несмотря на отрезвляющее действие Андижанского инцидента на широкие массы недовольных правящим режимом, протестный потенциал среди населения и возможности повторения подобных событий все равно остаются достаточно высокими. Об этом свидетельствуют мирные, но очень активные протесты торговцев против попыток госорганов ограничить работу базаров в Самарканде в августе 2005 г. и в Ташкенте в ноябре 2006 г., а также протесты

граждан в г. Ходжейли (Каракалпакстан) и в том же Андижане против прекращения подачи газового отопления в жилые дома [135].

По всей видимости, с приближением президентских выборов (ожидаемых в декабре 2007 г.) и обострением внутриэлитной борьбы, действие пост-андижанского синдрома страха будет ослабевать, а вероятность новых массовых выступлений против режима И. Каримова, наоборот, возрастет. В такой непростой ситуации правящий режим может опираться почти исключительно на милицию и службу национальной безопасности. Возможность либерализации режима с проведением политических и реальных экономических реформ выглядит крайне низкой.

После подавления мятежа в Андижане, правительство усилило репрессии против представителей гражданского общества и оппозиции. Наиболее яркими его примерами стали фактическая ликвидация нового умеренно-оппозиционного движения «Серкуеш Узбекистоним» (Мой солнечный Узбекистан, более известна как «Солнечная коалиция»), продолжение гонений на небольшие группы «правозащитников», негосударственные общественно-политические СМИ, западные НПО.

Попытки открытой деятельности оппозиционной «Солнечной коалиции» закончились в первой половине 2006 г. Основавшие его известные бизнесмены С. Умаров и Н. Хидоятова оказались осуждены по сомнительным обвинениям в экономических преступлениях (Н. Хидоятова была позже амнистирована). «Солнечная коалиция» позиционировала себя как умеренная оппозиция представителей национального бизнеса, проповедующая либеральную идеологию и конструктивный диалог с властью. Несколько недель, в течение которых ее лидеры открыто высказывали свои мнения, создали представление о том, что правящий режим готов терпеть рациональную критику своих действий.

Однако арест лидеров и ликвидация «Солнечной коалиции» быстро развеяли иллюзию о возможности публичного оппонирования власти в Узбекистане. Дальнейшее подавление светской оппозиции в стране приводит к сохранению ситуации, когда главным инструментом проявления недовольства властью становятся группы религиозных экстремистов.

В 2006 г. продолжилась инспирированная властями кампания по закрытию неподконтрольных властям местных и западных, в основном американских, НПО. Продолжает сохраняться ситуация, когда в стране для СМИ практически невозможно получить объективную информацию и комментарии от представителей госорганов.

Андижанский инцидент имел также серьезные последствия для расстановки внутри правящей элиты страны. В ноябре 2005 г., сразу после подписания И. Каримовым в Москве Договора о союзнических отношениях с Россией были отправлены в отставку такие важнейшие фигуры во власти последних лет как глава МВД З. Алматов и глава Минобороны К. Гулямов. Их отстранение от власти явно стало следствием «разбора полетов», предпринятого президентом И. Каримовым после Андижанского инцидента. В

результате перестановок в силовых структурах резко усилились позиции СНБ. Это дало некоторым аналитикам, по аналогии с терактами 2004 г. в Ташкенте и Бухаре, повод предположить, что за событиями 13-14 мая 2005 г. стоял глава спецслужб Р. Иноятов.

Мятеж в Андижане, тем не менее, выглядел в гораздо большей степени как спонтанное выступление недовольных радикальных групп населения («исламисты»), нежели теракты 2004 г. Многие аналитики связывают тогдашние события с очередным раундом обострения межклановой борьбы во власти. Действия небольшой группы смертников-камикадзе регулировать значительно легче, чем руководить десятками и сотнями обычных граждан. Поэтому версия о СНБ как силе стоявшей за организацией антикаримовского выступления в Андижане выглядит несостоятельной. Мятеж 13-14 мая 2005 г. скорее доказал тот факт, что возможности по быстрой мобилизации населения против действующей власти имеются даже у самых различных, даже немногочисленных групп противников режима.

Несмотря на попытки привлечь главу МВД З. Алматова к уголовной ответственности на территории Германии, где он проходил курс лечения в ноябре-декабре 2005 г., по возвращению в Ташкент ему устроили почетные проводы на пенсию с формулировкой «по состоянию здоровья». Это говорит том, что З. Алматов сохранил лояльность президенту И. Каримову, хотя имел возможность попросить политического убежища на Западе.

Из трех ключевых силовых ведомств Узбекистана после Андижанского инцидента МВД оказалось наиболее ослабленным. Кроме того, что оно лишилось харизматического лидера, МВД также лишилось внутренних войск. Эти подразделения под названием «специального корпуса быстрого реагирования» теперь подчиняются Минобороны [136]. В свою очередь военное ведомство перешло под фактически контроль Р. Иноятова, после того как его руководителем назначили полковника СНБ Р. Мирзаева.

Отправленный в отставку сразу после подписания Договора о союзнических отношениях с Россией, К. Гулямов, в отличие от З. Алматова, по-видимому, оказался в конфликтной ситуации с президентом. Об этом свидетельствует привлечение его к уголовной ответственности в начале 2006 г. В июле 2006 г. экс-министр был приговорен Военным судом к 5 годам заключения условно [137].

Не профессиональный военный, академик К. Гулямов был осужден по традиционным экономическим статьям. Однако, по-видимому, основная его вина в глазах И. Каримова состояла в том, что авторитет экс-министра обороны особенно укрепился за годы сотрудничества Узбекистана с антитеррористической коалицией в Афганистане. Поэтому на Западе К. Гулямов мог рассматриваться как их потенциальный кандидат на замещение нынешнего президента. К тому же, осенью 2005 г. он выступил против переподчинения внутренних войск от МВД к Минобороны, что фактически наделило армию функциями подавлять волнения внутри страны. Несмотря на то, что К. Гулямов считался представителем ташкентского клана во главе с Т.

Алимовым (его близкий родственник) и Р. Иноятовым, он мог попытаться вести собственную игру.

В настоящее время в стране действует относительно сильный президент, который формально и фактически занял позицию равноудаленности от всех иных центров силы, и это положение позволяет ему жестко контролировать процессы, происходящие в обществе. Вместе с тем, существуют еще несколько центров силы, которые также претендуют на реальную власть в стране. Формальное их подчинение руководителю государства не означает их относительной самостоятельности в принятии ряда важных, в том числе политических и кадровых решений.

Помимо собственно президента И. Каримова, сохраняющего за собой ключевую роль в Узбекистане, существенное влияние на развитие политической ситуации потенциально и реально оказывают следующие политические субъекты: элитные клановые группировки, внеклановые политические силы, радикальная исламская оппозиция, внешние геополитические игроки.

Элитные клановые группировки традиционно формировались по территориальному признаку. К настоящему времени выделяются три основных региональных клана общенационального значения: «самаркандцы», «ташкентцы» и «ферганцы».

В период независимого существования Узбекистана основная борьба за главные позиции в политической иерархии и контроль над наиболее прибыльными отраслями экономики велась между «самаркандцами» и «ташкентцами». Ферганский клан фактически отстранен от распределения власти на общенациональном уровне. Среди них нет политиков или чиновников общенационального масштаба.

Однако потенциально «ферганцы» имеют как минимум не меньшее значение для государства, поскольку выступают от лица трети населения страны (8 млн. человек), к тому же наиболее исламизированной и поэтому склонной к оппозиционности по отношению к подчеркнuto антиклерикальному режиму И. Каримова. Открытое пренебрежение их интересами может вызвать серьезные негативные последствия для правящего клана. Многие аналитики связывают Андижанский инцидент именно с попыткой ферганского клана проявить президенту свое недовольство ситуацией, когда их не допускают к распределению основных прибылей в стране.

В конце 2003 г. И. Каримов нарушил негласное правило уравнивания двух ведущих кланов, когда назначил на пост премьер-министра представителя самаркандского клана – Ш. Мирзиёева. По традиции при президенте «самаркандце» вторую по значимости должность государства должен был занимать наиболее лояльный представитель ташкентского клана. Более того, продолжающееся усиление позиций Ш. Мирзиёева делает его реальным кандидатом на место преемника президента, что также должно беспокоить его конкурентов.

Однако в самом самаркандском клане подъем нового премьера привел к усилению внутренних противоречий. Фигура бывшего неформального лидера «самаркандцев» И. Джурабекова особо выделяется из числа отстраненных от власти в течение последних нескольких лет. Долгое время он возглавлял аграрный сектор страны, занимал должность первого вице-премьера. Курируя хлопковые и частично кадровые вопросы, а также в силу своей длительной личной дружбы с И. Каримовым, он фактически выполнял функции «серого кардинала» узбекской политики.

В январе 2004 г. И. Джурабеков был отправлен в отставку с должности госссоветника по АПК по обвинениям в коррупции и самоуправстве. А в апреле 2005 г., по непроверенным данным, он уехал из Узбекистана и пока не возвращался обратно [138]. Со своими широкими возможностями и открытым конфликтом с президентом, И. Джурабеков вполне был способен поддерживать действия оппозиции режиму И. Каримова, как за пределами страны, так и внутри нее. Примечательно, что Андижанский инцидент имел место по прошествии всего лишь нескольких недель после его отъезда из Узбекистана. Такая же ситуация имело место в 1999 г., когда взрывы в Ташкенте произошли именно после отстранения И. Джурабекова от участия во власти.

От двух всплесков антиправительственной деятельности в 2004-05 гг. больше всех пострадало МВД, во главе которого стоял другой видный «самаркандец» З. Алматов. Его отставка вполне могла стать результатом скрытой борьбы между его патроном И. Джурабековым и премьером Ш. Мирзиевым, которая одновременно оказалась выгодной и для главы конкурирующей силовой структуры - СНБ, по совместительству нового лидера «ташкентцев», Р. Иноятова.

Противовесом чрезмерному влиянию на него собственного самаркандского клана И. Каримов всегда видел приближенность к себе лидера ташкентского клана Т. Алимова. С 1991 по 2005 г. он занимал должность госссоветника президента по организационно-кадровой политике и был наиболее активным оппонентом И. Джурабекова. Однако в начале 2005 г. он был фактически отправлен в почетную отставку (руководителем «Интернационального культурного центра»). После ухода Т. Алимова право считаться лидером «ташкентцев», по всей вероятности, перешло к наиболее влиятельному из них, главе СНБ Р. Иноятову.

Среди других неформальных лидеров ташкентского клана называют ведущего экономиста правительства, имеющего репутацию молодого «технократа» Р. Азимова, экс-глава МИД, а ныне министр по внешнеэкономическим связям Э. Ганиев, а также известных бизнесменов С. Абдувалиева и Г. Рахимова, до своей «легализации» в середине 1990-х гг. известных как лидеры криминалитета узбекской столицы.

Следует отметить, что, по всей видимости, регионально-клановый фактор, который многие связывали с такими возрастными политиками как И. Джурабеков и Т. Алимов, отходит в прошлое. Последний на сегодня раунд борьбы за власть, связанный с Андижанским инцидентом и его последствиями,

демонстрирует, что конкуренция между самаркандским и ташкентско-ферганским кланом в узбекской элите сменится на данном этапе конкуренцией между «политико-финансовыми группировками», не имеющих четких территориальных ограничителей.

Узбекские политико-финансовые группировки являются более гибкими, чем строго территориальный клан, так как помимо региональной общности, действуют и другие важные факторы. К ним относятся доступ к финансовым ресурсам, родственные связи, дружеские отношения и пр. моменты субъективного характера, а также другие важные обстоятельства. Исходя из этого, в узбекские политико-финансовые группировки (ПФГ), могут входить и входят представители разных регионов и этнических групп, что в значительной степени усиливает ресурсные возможности клана.

Наиболее сильной выглядела ПФГ, связанная с СНБ. Глава Службы Р. Иноятов обладает обширной базой данных, в которой содержится компромат на всю правящую элиту Узбекистана. Сохранение «эсэнбэшиником» Э. Ганиевым контроля за министерством внешнеэкономических связей дает группе Р. Иноятова по крайней мере частичный контроль над экспортными прибылями правящей элиты.

После отставки З. Алматова, ПФГ «самаркандцев» должна перейти под полный контроль Ш. Мирзиёева. С учетом усиления этого клана в правительстве и традиционное кураторства его представителей над аграрным сектором их группу можно также обозначить как «административно-хлопковую» ПФГ. В связи с уходом И. Джурабекова и З. Алматова, силовые и внеадминистративные ресурсы этой группировки могут оказаться временно ослабленными. Тем не менее, сама позиция премьера Ш. Мирзиёева, который к тому же курирует хлопковый сектор, должна обеспечить группе необходимые средства для противостояния конкурентам.

Альтернативу предыдущим двум могла составить гипотетическая «банковско-нефтегазовая» ПФГ. В ее состав могут войти имеющие схожие интересы и обладающие имиджем молодых «либералов» Г. Каримова и Р. Азимов. Несмотря на то, что в настоящее время отсутствуют сведения об их отношениях, именно они выглядят друг для друга наиболее естественными союзниками. Оба они относительно молоды, выросли в преимущественно русскоязычной ташкентской среде, получили западное образование, имеют как опыт работы в госорганах (Г. Каримова в МИД), так и в управлении подконтрольных коммерческих структур.

В частности Р. Азимов контролирует большинство денежных потоков внутри страны. Г. Каримова обладает широкими бизнес-интересами в нефтегазовом секторе (СП «Зеромакс»), сотовой связи, торговле золотом и ювелирными изделиями. Кроме того, за годы работы в Москве она завела важные связи среди российской политической и бизнес элиты, а у Р. Азимов обширные контакты в международных финансово-кредитных институтах. Поэтому установление между ними на определенном этапе борьбы за власть союзнических отношений выглядит вполне вероятным.

По мнению большинства аналитиков, полный государственный контроль за всеми прибыльными отраслями экономики привел к крайней слабости позиций крупного бизнеса в Узбекистане. Крупными фигурами бизнеса, которые могут иметь лишь опосредованное влияние на внутривнутриполитические процессы, являются С. Абдувалиев, Г. Рахимов и Б. Рахимов (не родственник предыдущего). Среди узбекских бизнесменов, работающих за рубежом, называется имя российского олигарха Алишера Усманова.

В Узбекистане, в отличие от Кыргызстана и Таджикистана, относительно слабы позиции организованной преступности в политической и экономической жизни страны. Существует весьма обоснованное подозрение в участии значительных кругов правящей элиты Узбекистана в организованном наркобизнесе.

Отсутствие легальной светской оппозиции в Узбекистане неизбежно приводило к усилению радикальной оппозиции, которая выступала под единственно понятными населению в таких условиях религиозными лозунгами. Возможность прихода в Ташкенте к власти исламских экстремистов реально беспокоит всех государств, заинтересованных в развитии ситуации в этой стране.

Высшее руководство Узбекистана, по всей видимости, приняло окончательное решение не идти на поиск компромиссов с любыми оппозиционными группами, и надеется подавить любые выступления против своей власти военно-силовыми методами.

По мнению большинства аналитиков, активная борьба правящего режима с нелояльными к нему духовенством и верующими в целом не привела к подавлению или повиновению последнего. Его потенциал, особенно в Ферганской долине, позволяет прогнозировать, что при появлении харизматического исламского лидера 40% населения Узбекистана, сконцентрированные в регионе, поддержит его движение. К тому же высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, обостренные социальные отношения толкают население долины к поддержке религиозных экстремистов.

Тем не менее, масштабы репрессий со времени терактов 1999 г. и после Андижанского инцидента, а также крайняя затруднительность получения финансовой и другой поддержки извне, говорят о том, что поддерживаемого международным террористическим интернационалом, организованного исламского подполья в Узбекистане на сегодня не существует. По мнению известного российского эксперта А. Малашенко, провал вооруженного мятежа в Андижане и последующее затишье свидетельствует о том, что религиозное подполье оказалось фактически не готово к противостоянию со спецслужбами, несмотря даже на широкую поддержку со стороны населения [139].

Основной военизированной группировкой узбекской исламской оппозиции остается «ИДУ - Исламское движение Узбекистана» (ныне «ИДТ - Исламское Движение Туркестана»). В настоящее время проамериканские и пророссийские власти в Кабуле и Душанбе фактически лишили ИДТ прямых коридоров из их основных баз в Северном Пакистане через свою территорию. Эта группировка

также заявила о своей непричастности к Андижанскому инциденту 2005 г. и противостоянию исламистов с кыргызской СНБ на юге этой страны летом 2006 г. Это говорит о том, что ИДТ в настоящее время не предоставляет непосредственной угрозы стабильности на подконтрольной Ташкенту территории.

Наилучшие перспективы из всех исламских группировок в Узбекистане имеет партия «Хизб ат-Тахрир». Еще не известно ни одного случая ее военной деятельности. Однако, используя конспирацию и свои финансовые ресурсы, эта группа способна и дальше расширять свое влияние среди бедных слоев населения через массированную агитацию и вербовку сторонников. В частности речь идет о нелегальной системе микрокредитования, действующей гораздо более эффективно, чем легальные схемы. Поэтому влияние «Хизб-ут-Тахрир» будет только увеличиваться, а ИДТ (ИДУ) наоборот сокращаться. Несмотря на мирный характер своей агитации, в случае нарастания конфронтации со светским режимом в Ташкенте, милитаризация «Хизб-ут-Тахрир» отнюдь не исключается.

По периметру государственной границы наибольшую угрозу для Ташкента представляет ослабление контроля со стороны Бишкека над южными областями Кыргызстана. На данном этапе этот регион представляет собой более удобную базу для боевиков ИДТ (ИДУ) и «Хизб-ут-Тахрир», чем приграничные районы Таджикистана.

Четкое намерение решать данную проблему продемонстрировали недавние встречи президента и главы СНБ Узбекистана со своими кыргызскими коллегами. Причем похоже на то, что инициатива этих встреч исходила из Ташкента. Чуть ранее спецслужбы Кыргызстана провели ряд операций по задержанию активистов ИДТ (ИДУ) в Ошской и Жалал-Абадской областях, в ходе которых погибло несколько «экстремистов» [140]. Свидетельством согласия официального Бишкека на интенсивное сотрудничество стало принятие президентом Кыргызстана К. Бакиевым предложения посетить вскоре Ташкент с официальным визитом и общий дружественный тон его заявлений.

При проведении сравнительного анализа развития внутривнутриполитических процессов в регионе проявилась изменившаяся по сравнению с первыми годами независимости роль «таджикского синдрома» (влияние гражданской войны в Таджикистане). С одной стороны отсутствие наглядного примера опасностей перехода политических противостояний в силовую фазу способствовало дестабилизации в указанный период ситуации в тюркоязычных государствах региона. С другой – в самом Таджикистане память о лишениях гражданской войны вела к большей сдержанности противостоящих друг другу во внутривнутриполитической жизни сторон.

В целом подводя некоторые итоги по второй главе можно вывести следующие положения.

Опыт развития государств Центральной Азии в 1999-2007 гг. демонстрирует, что последовательный экономический рост не гарантирует политической стабильности. В то же время недовольство граждан Узбекистана

и Кыргызстана своим социально-экономическим положением стало причиной политической нестабильности 2002-2005 гг. Оно было вызвано не сокращением рынка труда, а более динамичным экономическим ростом в России и Казахстане. Именно с ситуацией в этих странах узбеки и кыргызы сравнивали свое положение в силу тесных экономических и личных контактов. Это связано, конечно, и с тем, что в указанный исторический период резко возросли масштабы и интенсивность миграции из и в регионе, характеризуемые как трудовые, незаконные, «утечка умов» и другие тренды. В ряде стран это стало одним из факторов, негативно влияющих на внутриэкономическую ситуацию в стране (Узбекистан), в других – более позитивно (Кыргызстан и Таджикистан). Это связано с государственной политикой, проводимой в экономической сфере, при которой изменяется социально-экономический, демографический и платежный баланс государства, а также структура и особенности внутреннего рынка труда.

Значительное влияние на развитие внутривнутриполитической ситуации в центральноазиатских государствах в указанный период имели два внешних фактора – военно-политическая ситуация в Афганистане и «цветные революции» на постсоветском пространстве, приведшие к активизации оппозиционных сил в Кыргызстане и Узбекистане. Попытки вооруженной экспансии радикальных исламских группировок в Кыргызстан и Узбекистан в 1999-2000 гг. и обретение в этой борьбе нового союзника в виде войск НАТО в Афганистане предоставили правящим режимам государств Центральной Азии дополнительные возможности для ужесточения контроля своих силовых структур над любыми проявлениями оппозиции действующим властям.

В динамике социально-экономических и внутривнутриполитических процессов в государствах Центральной Азии наибольшая специфика отмечена в отношении Таджикистана. В 1990-е годы гражданская война в этой стране объективно способствовала мирному развитию других стран региона (т.н. «таджикский синдром»). Однако на всем протяжении первого десятилетия XXI века в Таджикистане отсутствовало силовое противостояние между властью и оппозицией, в то время как ситуация в других странах региона отличалась меньшей стабильностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение источников и научной литературы по теме диссертации позволили автору сделать следующие **выводы**:

1. Достаточно схожие исторические предпосылки развития центральноазиатских государств и влияние одних и тех же внешних факторов (ситуация в Афганистане, геополитическое соперничество в регионе России, США и Китая, необходимость укрепления торговых, транспортных и технологических связей с внешним миром) привели к тому, что несмотря на наличие большого количества специфичных черт, в их социально-экономическом и внутривластном развитии имел место ряд значимых общих тенденций.

2. Преодолев большую часть последствий экономического коллапса начала 1990-х гг. и российского финансового кризиса 1998 г., на рубеже веков страны Центральной Азии вступили в первый в своей независимой истории этап последовательного экономического роста. Воспользоваться его плодами правящие режимы региона в полной мере, однако, не сумели. Более того, возросшие ожидания населения от правительства в части получения для себя новых экономических благ сыграли значительную роль в дестабилизации политической ситуации в ряде стран региона в 2002-2005 гг.

3. Сложившиеся к концу первых лет независимости модели государственной власти в Центральной Азии позволили в 1999-2000 гг. всем четырем действующим президентам государств региона в третий раз получить конституционные мандаты на управление своими государствами на срок от 5 до 7 лет, а в случае с С. Ниязовым – «без ограничения срока полномочий». Однако на протяжении этого мандата действовавшим на тот момент президентам Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана пришлось столкнуться с возросшим давлением своих внутривластных оппонентов, в результате чего двое из них лишились той степени власти и авторитета, которая у них была до этого: первый – в результате «революции», а второй – символически, после своей смерти. В наибольшей степени укрепить свою власть в регионе в указанный период удалось правящему режиму Таджикистана, так как ему на руку сыграл т.н. «таджикский синдром» - боязнь спровоцировать события вроде гражданской войны 1992-1997 гг. в этой стране.

4. Правительства Центральной Азии в изучаемый период оказались под влиянием двух связанных с внешними источниками угроз – со стороны исламских экстремистов, получавших прямую подпитку от «интернационала джихадистов», и со стороны ряда групп светской оппозиции, получавших более опосредованную поддержку от некоторых влиятельных на Западе НПО. Тот факт, что первая угроза, в отличие от второй, не реализовалась, свидетельствует об отсутствии у нее соответствующей социальной базы. В то же время успех «тюльпановой революции» в Кыргызстане стал результатом не работы столько «западных эмиссаров», сколько сочетания ряда внутренних факторов, и прежде всего наличия социальной базы для антиправительственных выступлений.

В целом опыт социально-экономического и политического развития в Центральной Азии в 1999-2007 гг. продемонстрировал ряд важных уроков для моделирования государственного управления в странах постсоветского пространства. К ним относятся необходимость рационального использования преимуществ периода экономического роста, включая возможности для ускоренного сокращения бедности, целенаправленную политику по повышению общего благосостояния населения, создание благоприятных условий для реализации гражданами предпринимательской инициативы, в частности через реализацию эффективной борьбы с коррупцией, улучшение бизнес-климата для иностранных инвесторов. В политической сфере можно говорить о содействии укреплению гражданского общества, деликатном взаимодействии государства с крупнейшими религиозными общинами, конструктивном диалоге власти и оппозиции. Немаловажное значение имеет обеспечение благоприятного геополитического окружения через осуществление ответственной и сбалансированной внешней политики, поиск взаимовыгодного партнерства со всеми ведущими глобальными и региональными акторами.

Именно реализация подобных мер позволила Казахстану успешнее, в сравнении с соседями по постсоветской Центральной Азии, пройти испытания первого десятилетия XXI в. Новые вызовы, с которыми сталкивается и еще столкнется наше государство, требуют дальнейшего внимательного изучения социально-экономических и политических процессов в постсоветских государствах, и в первую очередь - центральноазиатских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Назарбаев Н. Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерства цивилизаций. – Астана: ТОО АРКО, 2009. – 264 с.
- 2 Арыстанбекова А. Глобализация. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 304 с.
- 3 Бырбаева Г. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 484 с.
- 4 Султанов Б. Республика Казахстан и Шанхайская организация сотрудничества в контексте региональной безопасности // Казахстан в глобальных процессах. – 2004. – №2. – С.74-85.
- 5 Сыроежкин К. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – 736 с.
- 6 Ерекешева Л. Миграция в Центральной Азии: закономерности и особенности // Азия и Африка сегодня. – 2005. – №6. – С.23-27.
- 7 Лаумулин М. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой политике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 440 с.
- 8 Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2003. – 400 с.
- 9 Дадабаева Г. К вопросу о влиянии ислама на государственную идеологию республик Центральной Азии (по документам архивов Великобритании) // Материалы республиканской научно-практической конференции «Исторический источник: проблемы археографии и источниковедения». 30 октября 2007 г. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – С. 302-306.
- 10 Тукумов Е. Основные этапы эволюции экстремизма в Таджикистане // Analytic. – 2004. - № 5. - С. 16-18.
- 11 Каримов Н. Государственная власть и ислам в истории Центральной Азии // Казахская цивилизация. Университет «Кайнар». – 2010. – № 2(38). – С. 80-85.
- 12 Бурнашев Р., Черных И. Вооруженные силы Республики Таджикистан // Центральная Азия и Кавказ. - 2002. – №6. – С. 108-122.
- 13 Ауельбаев Б. Страны Центральной Азии, Россия и Китай в казахстанской стратегии безопасности // Казахстан-Спектр. – 2007. – №3. – С. 5-9.
- 14 Кушкумбаев С. Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. – Алматы: ТОО «Издательский дом «Казахстан», 2002. – 200 с.
- 15 Казбеков Б. Интеграция экономик Казахстана и Центральной Азии в мировую экономику. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 416 с.
- 16 Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008. – 312 с.

- 17 Мендикулова Г. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Дайк-пресс, 2006. – 343 с.
- 18 Ермекбаев Ж. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. – Алматы: Дайк-пресс, 2009. – 532 с.
- 19 Жаркынбаева Р. Рынок труда Республики Узбекистан: проблемы и перспективы // Евразийское сообщество. – 2003. – № 2. – С. 140-152.
- 20 Кобландин К. Демографические характеристики казахов в Узбекистане в советский период // Эл-Фараби атындағы ҚазҰУ Хабаршысы. Шығыстану сериясы. – 2008. – №2. – С. 57-66.
- 21 История Казахстана и Центральной Азии: учебное пособие. – Алматы: Білім, 2001. – 620 с.
- 22 Есмагамбетов К. Что писали о нас на Западе. – Алматы: Қазақ университеті, 1992. – 152 с.
- 23 Жумагулов К.Т. Гуннский союз племен в Центральной Азии и Великое переселение народов на евразийском континенте // Евразия на стыке веков. Материалы международного симпозиума, посвященного 10-летию Независимости Республики Казахстан. – Алматы: КазНУ, 2002. – С. 190-202.
- 24 Берденова К. Общая и экономическая история Казахстана. – Алматы: Экономика, 1999. – 232 с.
- 25 Тохтабаева Ш.Ж. Шедевры Великой степи. – Алматы: Дайк-пресс, 2008. – 378 с.
- 26 Kamalov A. Uighurs in Central Asia: changes during the last decade // Central Asia and the Caucasus: Transnationalism and Diaspora. – London: Routledge, 2005. – 256 p.
- 27 Оразбаева А. Цивилизация кочевников евразийских степей: историческая литература. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 308 с.
- 28 Искандаров К. Таджикско-афганские отношения и перспективы их развития // Центральная Азия и Кавказ. - 2008. – №1. – С. 145-156.
- 29 Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация. Перспективы государственности в Туркменистане. – М.: РАН ЦЦРИ, 2003. – 363 с.
- 30 Эргашев Б. Узбекская модель модернизации: вызовы, результаты и перспективы // Центральная Азия – 2007: ключевые факторы безопасности. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы: ИМЭП, 2007. - С. 29-45.
- 31 Толипов Ф. Большая стратегия Узбекистана в условиях и контексте геополитической и идеологической трансформации Центральной Азии. – Ташкент: Фан, 2005. – 154 с.
- 32 Богатырев В. Постреформаторский этап в Кыргызстане: перегруппировка сил или возврат на исходные позиции? // Казахстан в глобальных процессах. – 2007. – №1. – С. 18-20.
- 33 Омаров М., Омаров Н. Проблемы национальной безопасности Кыргызстана на современном этапе его развития // Центральная Азия и Кавказ. - 1999. – №4. – С. 145-156.

- 34 Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. В Киргизии. – Алматы, Бишкек: Институт национальной стратегии, 2005. – 252 с.
- 35 Олимова С., Олимов М. Влияние антитеррористической кампании в Афганистане на соседние страны Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №4. – С.45-52.
- 36 Усмонов И. Миростроительство в Таджикистане. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 160 с.
- 37 Улуныян А. Центразия 2000/2005: Упущенный шанс? Оценки и прогнозы зарубежного экспертно-аналитического сообщества. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2006. – 301 с.
- 38 Звягельская М. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – 208 с.
- 39 Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006). – М.: Центр стратегических и политических исследований, 2006. – 270 с.
- 40 Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии. – М.-Вашингтон: Фонд Карнеги за международный мир, 2005. – 487 с.
- 41 Gleason, G. Markets and Politics in Central Asia: Structural Reform and Political Change. – London: Routledge, 2003. – 256 с.
- 42 Куртов А. Туркменистан: особенности политического транзита и безопасность региона // Казахстан в глобальных процессах. – 2007. – №1. – С. 43-47.
- 43 Малашенко А. Исламизм в Центральной Азии: сегодня и завтра // Материалы международной научно-практической конференции Центральная Азия – 2007: ключевые факторы безопасности. – Алматы: ИМЭП, 2007. – С. 14-20.
- 44 Starr F. Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia. - Uppsala & Washington: CACI & SRSP Silk Road Paper, 2006. – 65 p.
- 45 Rumer B. The Search of Stability in Central Asia // Central Asia: A Gathering Storm? / Ed. By Rumer B. – Washington: Sharpe, 2002. – P. 3-66.
- 46 Marat E. The Tulip Revolution. Kyrgyzstan One Year After. – Washington: Jamestown Foundation, 2006. – 150 p.
- 47 Akiner Sh. The Caspian: Politics, Energy, Security. – London: RoutledgeCurzon (UK), 2004. – 405 p.
- 48 Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / пер. с англ. А.Б. Богдановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.
- 49 Pomfret R.W.T. Resource Abundance, Governance and Economic Performance in Turkmenistan and Uzbekistan. – Bonn: ZEF, 2004. – 20 p.
- 50 Конституция Кыргызской Республики (редакция 2003 г.) // <http://constitutions.ru/archives/213>.
- 51 Конституция Республики Таджикистана // http://www.president.tj/rus/sanadho_rus.htm.
- 52 Конституция Туркменистана // http://www.turkmenistan.gov.tm/_ru/laws/?laws=01dw.

- 53 Конституция Республики Узбекистан – Ташкент: Узбекистон, 2003. – 40 с.
- 54 Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности. – М.: ПРООН, 2005. – 281 с.
- 55 Доклад о человеческом развитии. Национальный доклад о человеческом развитии. Узбекистан-2005. Децентрализация и человеческое развитие. – Ташкент: ПРООН, 2005. – 116 с.
- 56 Макроэкономическая политика и бедность в Узбекистане. – Ташкент: ПРООН, 2005. – 128 с.
- 57 Всемирный банк // www.worldbank.org.
- 58 World Investment Report 2006: FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. – Geneva: UNCTAD, 2007. – 215 p.
- 59 История Востока: Восток в новейший период (1945-2000 гг.). – М.: Восток, 2008. – 442 с.
- 60 Абдрахманов А. Социально-экономическое развитие государств Центральной Азии в 1999-2006 гг. в динамике макроэкономических показателей // Казахстан-спектр. – 2007. – № 4. – С. 69-77.
- 61 Статистический комитет СНГ // <http://www.cisstat.com/rus/>.
- 62 Государственный комитет по статистике Республики Таджикистан // <http://www.stat.tj/ru/>.
- 63 World Economic Outlook (April 2007) // www.worldbank.org.
- 64 International Trade Statistics. - New York: UNCTAD, 2006. – 72 p.
- 65 Государственный комитет по статистике Республики Узбекистан // <http://www.stat.uz/ru/>.
- 66 Национальный комитет по статистике Кыргызской Республики // <http://www.stat.kg/ru/>.
- 67 Международный Валютный Фонд. Обзоры по реализации Программы по сокращению бедности (2005, март-ноябрь) // www.imf.org.
- 68 World Economic Outlook: Financial Systems and Economic Cycles. International Monetary Fund (September 2006). // www.imf.org.
- 69 Радостные новости: Уровень бедности в Таджикистане снизился до 60 процентов // Информационное агентство «Фергана.Ру», 04.06.07. www.ferghana.ru.
- 70 Вазиров З. Трудовая миграция: этапы сотрудничества // ИА «Азия-плюс» (Таджикистан). 17.11.06. www.asiaplus.tj.
- 71 Таджикистан просит Россию пускать на треть больше трудовых мигрантов // Интернет-издание «NewsRu.com» (Россия). 23.01.07. www.newsru.com.
- 72 International Monetary Fund. World Economic Outlook. (April 2007) // www.imf.org.
- 73 Доклад о процессе перехода за 2005 г. Процесс перехода и показатели стран СНГ. – М.: ЕБРР, 2005. – С. 4.

74 Republic of Tajikistan: Selected Issues and Statistical Appendix (April 2005) // www.imf.org.

75 Внешний долг Таджикистана в 2006 году составил 866 миллионов долларов // Информационное агентство «Регнум» (Россия). 25.01.07. www.regnum.ru.

76 Эргашева З. ТадАЗ переименован // Информационное агентство «Азия-плюс» (Таджикистан). 06.04.07. www.asiaplus.tj.

77 ТадАЗ – это «таджикский Газпром»? // Asia Plus. – 2006, октябрь. – 5.

78 Интервью с директором представительства РУСАЛ в Таджикистане К. Загребельным. // Информационное агентство «Азия-Плюс» (Таджикистан). 02.11.05. www.asiaplus.tj.

79 Батырханов Э. Рахмонов отказал Дерипаске // Деловая газета «Взгляд». - 2005, май. – 5.

80 Эргашева З. «Талко» против «РусАЛа» // Информационное агентство «Азия-плюс» (Таджикистан). 04.06.07. www.asiaplus.tj.

81 Ёдгори Н. Минэнерго: никто не в силах нам помешать // Информационное агентство «Авеста» (Таджикистан). 19.12.05. www.avesta.tj.

82 Орипова М. Интервью с министром сельского хозяйства и охраны природы Таджикистана Абдурахмоном Кадыровым: «Реформа прошла с ошибками» // Информационное агентство «Азия-плюс» (Таджикистан). 25.01.07. www.asiaplus.tj.

83 Абубакр Б. Денежные переводы через «Страну-экспресс» // НИАТ «Ховар» (Таджикистан). 16.05.06. www.khovar.tj.

84 Махмадиев Х. Героиновый ВВП // Информационное агентство «Азия-плюс» (Таджикистан). 15.09.05. www.asiaplus.tj.

85 Брунтальский П. Заслон у «героиновой реки». Таджикские удары по афганским наркорекордам // Военно-промышленный курьер. – 2007. - №3 (169). – С. 25-31.

86 Azimov D. Turkmenistan: What Chance of a Thaw? // Institute of World and Peace Reporting. Report on Central Asia, No 480. 29.01.07. www.iwpr.net.

87 Дубнов А. Туркменская терапия // Время новостей. – 2007, апрель – 14.

88 Дубнов А. Три недели без вождя. Туркменам пообещали поезд на Россию // Время новостей. – 2007, январь – 9.

89 Гурбангулы Бердымухаммедов дал старт коренной реформе народного образования Туркменистана // Интернет-газета «Туркменистан.Ру». 15.02.07. www.turkmenistan.ru.

90 Наказ избирателей - обеспечить госрегулирование цен на товары и продукты питания первой необходимости // Интернет-газета «Туркменистан.Ру». 16.01.07. www.turkmenistan.ru.

91 Стенограмма Круглого стола на тему «Что будет в Туркменистане?» Материалы круглого стола в Московском центре Карнеги 23 января 2007 года // www.carnegie.ru.

92 Turkmenistan: NGO alleges Turkmen president conceals gas earnings // Integrated Regional Information Networks (IRIN). 25.04.06. www.irinnews.org.

- 93 Cracks in the Marble: Turkmenistan's Failing Dictatorship. - Osh-Brussels: International Crisis Group, 2003. – 17 p.
- 94 Туркменистан: где оно, зерно истины? // Институт по освещению проблем войны и мира (Лондон). 14.02.06. www.iwpr.net.
- 95 Pannier V. Turkmenistan: Sorting Out the Presidential Candidates // Radio Free Europe - Radio Liberty. 07.02.07. www.rferl.org.
- 96 Обзор экономики Узбекистана (май 2006 г.) // www.worldbank.org.uz.
- 97 Саидова Г. Формула экономического роста // Правда Востока. – 2006, август – 10.
- 98 Рай для бизнесменов // Эксперт-Казахстан. – 2006, сентябрь. - 11.
- 99 Лебеков Р., Бурнашев Р. Казахстан и Узбекистан: точки конфликта. Аналитическая справка (апрель 2005 г.) // www.analitika.org.
- 100 Рейтинг стран по ВВП на душу населения // Информационное агентство «РБК». 12.02.2005. <http://rating.rbc.ru>.
- 101 Узбекский хлопок меняет географию экспорта, с Европы на Азию // Информационная служба «Узньюз.Нет». 17.10.06. www.uznews.net.
- 102 Чичкин А. В Узбекистане ожидается рекордный урожай хлопка // Российская газета. – 2006, август – 7.
- 103 Узбекистан: корейцы будут добывать в стране золото // Интернет-издание «Металлоторговля». 22.05.06. www.metal-trade.ru.
- 104 Белов А. Газпром крепит позиции в Узбекистане // Интернет-издание «Вести.Уз». 20. 01.06. www.vesti.uz.
- 105 Аманжол И. Назад в будущее, или будни Узбекистана // Деловая неделя. – 2006, август - 18.
- 106 Сократили добычу нефти и газа // Интернет-издание «Вести.Уз». 26.04.06. www.vesti.uz.
- 107 «Узбекнефтегаз» закупит нефть в Казахстане // Информационное агентство «Тренд» (Азербайджан). 10.07.06. www.trend.az.
- 108 Uzbek businessmen say the country's oil shortages will continue to worsen unless the government gives up its monopoly control over the oil industry // BBC World Service. 11.11.05. <http://news.bbc.co.uk>.
- 109 Шарипов Т. Узбекистан отбирает у инвесторов налоговые льготы // Коммерсант. – 2006, июль - 21.
- 110 Власти Узбекистана арестовали активы американо-узбекского СП «Зеравшан-Ньюмонт» // Информационное агентство «Фергана.Ру». 04.08.06. www.ferghana.ru.
- 111 Саидов А. Передел узбекского золота завершается // Деловая Неделя. – 2006, ноябрь – 12.
- 112 Цены на товары и услуги в Ташкенте в конце октября // Информационное агентство «Фергана.Ру». 09.11.2006. www.ferghana.ru.
- 113 Максакова Л. Миграция и предпринимательство // Экономическое обозрение (Узбекистан). - 2006. - № 2 (77). – С. 18.
- 114 Transparency International Corruption Perceptions Index 2005. – Berlin: Transparency International, 2005.

115 Абдрахманов А. О последствиях «тюльпановой революции» для Кыргызстана // Современный мир: доминирующие стратегии развития. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2007. – С. 144-151.

116 Бабаханов У. Выбор президента // Информационное агентство «Азия-Плюс» (Таджикистан). 07.12.06. www.asiaplus.tj.

117 Соловьев В. Таджикская оппозиция потеряла лидера // Коммерсант. – 2006, август - 10.

118 Писареджева Н. Борьба с неофициальными таджикскими мечетями: другая сторона медали // Институт по освещению войны и мира. 17.04.07. www.iwpr.net.

119 Зацепин К. В Туркменистане назревает революция. Ниязов смертельно болен // Интернет-издание «Ukraine Daily». 16.05.06. www.uadaily.net.

120 Топыев Ч. «Главным» в Туркменистане по новой конституции стал Акмурад Реджепов // Интернет-газета «Туркменская искра». 27.12.06. www.tm-iskra.org.

121 В Туркменистане объявлен общенациональный траур // Интернет-газета «Туркменистан.Ру». 21.12.06. www.turkmenistan.ru.

122 Сидоров О. Сможет ли новый президент играть по старым правилам? // Информационное агентство «Казахстан Тудэй». 15.02.07. www.gazeta.kz.

123 Конституционный закон Туркменистана. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Туркменистана // Интернет-газета «Туркменистан.Ру». 27.12.06. www.turkmenistan.ru.

124 Полтаева Г. Сапармурат Ниязов готовит себе фальшивый подарок // Интернет-газета «Туркменская искра». 11.06.06. www.tm-iskra.org.

125 Богомаз М. Ниязов по прозвищу сахарок // Московский комсомолец. – 2007, январь - 13.

126 Кадыров Ш. Легитимная нелегитимность. Еще раз о наследстве Ниязова // Raykhas: Turkmen's Club of intellectual Collaborations. 26.01.07. <http://turkmeny.blogspot.com>.

127 Pannier В. Who is Gurbanguly Berdymukhammedov? // Радио Свободная Европа - Радио Свобода. 14.02.07. www.rferl.org.

128 Досье Акмурада Реджепова // Справочно-биографическая база данных «Лентапедия». 10.01.07. <http://www.lenta.ru/lib/>.

129 Туркменские спецслужбы // Интернет-издание «Агентура.Ру». 11.02.07. <http://www.agentura.ru/dossier/turkmen>.

130 Центральная Азия готовится к обороне. Военные расходы постсоветских стран региона увеличились в 2007 году на половину // Информационное агентство «Фергана.Ру». 23.01.07. www.ferghana.ru.

131 Акимбеков С. Под туркменским газом // Континент. - 2006, январь - 17.

132 Туркмения допустит на выборы иностранных наблюдателей // Деловая газета «Взгляд». – 2007, январь - 20.

- 133 Устименко А. Будущее Узбекистана // http://www.caf.kz/Publications/Future_Uzbekistan_Ustimenko.htm.
- 134 Устименко А. Узбекистан: между Россией и Западом // <http://www.kreml.org/opinions/103156707>.
- 135 Узбекистан: Население Андижана протестует из-за низкого качества коммунальных услуг // Информационное агентство «Фергана.Ру». 11.12.06. <http://www.ferghana.ru/news.php?id=4407&mode=snews>.
- 136 Касымходжаев А. Андижанский кошмар: что сегодня происходит в силовых структурах Узбекистана? // Интернет-издание «Эркинюрт». 29.12.05. <http://www.erkinyurt.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1830>.
- 137 Пять лет условно. В Ташкенте завершился суд над экс-министром обороны К. Гулямовым // Интернет-издание «ЦентрАзия». 17.07.06. <http://centrasia.ru/news2.php4?st=1153139100>.
- 138 Uznews.net - Многолетний "серый кардинал" Узбекистана И. Джурабеков покинул страну? // Интернет-издание «ЦентрАзия». 15.04.05. <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1113569460>.